

Алах

Жилх

Коеда-но,
давным-давно

(вместо обложки)

- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
-

Алак
Милк

*Когда – то,
давным – давно*

(вместо обложки)

Глава 1

Короля Евралии осаждают незваные гости

Король Евралии Веселунг завтракал на свежем воздухе – на башне своего замка. Он снял золотую крышку с золотого блюда, выбрал форель и аккуратно переправил ее на золотую тарелку. Сам-то он был человеком непритязательным, но если у вас имеется тетушка, которая совсем недавно научилась превращать все, к чему она ни прикоснется, в золото, было бы жестоко не позволять ей время от времени слегка попрактиковаться. В те давние годы еще не придумали столь невинных занятий, как выпиливание лобзиком.

– А-а, – воскликнул король, – вот и ты, моя радость! – Он протянул руку за салфеткой, но принцесса уже успела легко коснуться губами макушки отца и усаживалась за стол напротив него.

– Доброе утро, отец. Я, наверное, немного опоздала? Ездила верхом в лесу.

– Как насчет приключений? – небрежно осведомился король.

– Ничего особенного, если, конечно, не считать приключением такое замечательное утро.

– Да-а, страна нынче уж не та. Вот во времена моей юности... В лес просто войти нельзя было – что ни шаг, то приключение. Каких только чудес там не водилось! Великаны, карлики, ведьмы... – Он помолчал и прибавил задумчиво: – В лесу я впервые увидел твою мать...

– Жалко, что я совсем не помню мамы, – сказала Гиацинта.

Король поперхнулся и встревоженно взглянул на дочь.

– Уж семнадцать лет, как она умерла. Тебе, Гиацинта, было тогда всего шесть месяцев. Знаешь, в последнее время мне часто приходит в голову, что я совершил ошибку, лишив тебя материнской ласки.

– Но, дорогой, ты же не виноват, что мама умерла!

– Нет, нет, я не о том... Королеву похитил дракон... Но, подумай, ведь я, – и он смущенно опустил глаза, – я мог бы жениться снова.

Принцесса удивилась.

– На ком?

Веселунг сосредоточенно изучал дно своего кубка.

– Ну, – наконец выдавил он из себя, – бывают же люди...

– Пожалуй, если бы ты тогда встретил кого-нибудь очень милого, – неуверенно произнесла принцесса, – это было бы неплохо.

Король с серьезным видом разглядывал рисунок на кубке, словно видел его в первый раз в жизни.

– Но почему «тогда»? Гиацинта удивилась еще больше.

– Ведь я уже выросла и теперь не так нуждаюсь в материнской ласке.

Веселунг перевернул кубок и посмотрел на него снизу.

– Нежная... ээ... рука матери... ээ... никогда...

И тут произошло нечто поразительное.

Всему виной был подарок, полученный королем Бародии в день рождения и представлявший из себя не что иное, как пару семимильных башмаков. Будучи человеком, обремененным делами, король долго не находил свободного времени, чтобы испытать обновку. Но за столом он говорил только о своих башмаках и каждый вечер, перед отходом ко сну, собственноручно начищал их до блеска. Когда наконец великий день настал, он снисходительно выслушал озабоченные напутствия жены и прочих членов королевского семейства, сделал вид, что не замечает множества любопытных носов, прижатых ко всем оконным стеклам верхних этажей дворца, и торжественно отчалил.

Как вам, возможно, известно, ощущение полета лишь поначалу немного пугает – потом, когда привыкаешь, оно становится захватывающим и часто заставляет человека терять голову. Вот и король Бародии уже успел преодолеть более двух тысяч миль, прежде чем спохватился, что так недолго и заблудиться. Его опасения полностью подтвердились, и остаток дня он провел, порхая туда-сюда по всей стране. Лишь по чистой случайности поздним вечером донельзя разъяренный король пулей влетел в чердачное окно дворца. Он осторожно снял башмаки и на цыпочках прокрался в спальню.

Разумеется, это приключение послужило ему хорошим уроком. Он решил, что в дальнейшем станет перемещаться лишь по строго определенному маршруту, плавно перелетая от одной вежи к другой.

Придворные географы получили задание разметить удобную трассу для королевского моциона длиной примерно в триста миль (десять раз туда и обратно перед завтраком). Король назначил себе недельный перерыв для восстановления физических и душевных сил, а потом приступил к ежеутренним упражнениям.

Королевство Евралия примыкало к Бародии, но, в отличие от равнинной Бародии, Евралия была страной холмов. Поэтому вполне понятно, что в поисках естественных вех географы обратили взоры к Евралии, и именно над Евралией в тот самый час, когда наступало время завтрака в хижинах, равно как и во дворцах, взмывал в поднебесье король Бародии – взмывал и опускался, снова взмывал и снова опускался.

– Нежная... ээ... рука матери... – сказал король Евралии Веселунг, – ээ... никогда... Боже мой, что это?!

Какой-то предмет со свистом пронесся над его головой, заслонив на мгновение солнце. И снова все стало, как прежде.

– Что это было? – спросила слегка испуганная Гиацинта.

– Совершенно невероятно! Я успел заметить только что-то вроде рыжих бакенбардов и гигантских башмаков. Кто бы это мог быть?

– У короля Бародии, – ответила Гиацинта, – рыжие бакенбарды, а какие у него башмаки, я не знаю.

– Но что ему делать там, наверху? Если только не...

Снова что-то рассекло воздух, но в противоположном направлении, снова померкло солнце, и на этот раз можно было совершенно явственно различить

стремительно удаляющуюся спину короля Бародии.

Веселунг с подчеркнутым достоинством поднялся из-за стола.

– Ты совершенно права, Гиацинта, – проговорил он сурово, – это действительно король Бародии.

Принцесса не на шутку встревожилась.

– Мне кажется, он не должен позволять себе носиться над головой с такой скоростью, когда люди завтракают. Как ты думаешь?

– Отвратительные манеры, дорогая. Мне необходимо удалиться и составить Ноту протеста. Не можем же мы оставить безнаказанным столь вопиющее нарушение элементарных правил приличия!

Приняв самый грозный вид, какой только могло изобразить его добродушное от природы лицо, и немного сомневаясь, к месту ли вставил «элементарных», король спустился в библиотеку.

Библиотека была его любимым местом в замке. Здесь по утрам он обсуждал государственные дела со своим Первым Советником или принимал знатных чужестранцев, завернувших в Евралию в поисках приключений. Здесь же в послеобеденные часы, вооружившись томом «Бесед с Мудрецом» или другим увесистым фолиантом, он предавался размышлениям. В последнее время ему было над чем поразмыслить, и основным предметом его раздумий как раз и являлись знатные чужестранцы, ибо он уже отправил по крайней мере семерых иностранных принцев совершать разного рода подвиги, пообещав в награду руку принцессы и полкоролевства. Неудивительно, что ему частенько приходилось сокрушаться о том, что дочь лишена «руководящей материнской руки».

Ноте протеста, как видно, не суждено было появиться на свет. Король даже не решил еще, какое из двух перьев наиболее пригодно для такого важного дела, как двери распахнулись и прозвучало роковое имя графини Бельвейн.

Графиня Бельвейн! Где найти слова, чтобы описать эту поразительную, непостижимую, ужасную и восхитительную женщину?! Непомерное честолюбие и неразборчивость в средствах достижения цели сочетались в ее натуре с прекрасными душевными качествами, находящими выражение в пристрастии к ведению дневника и искренней любви к лирической поэзии. В нашей истории именно она играет роль злодейки, и в этом я согласен с именитым историком Роджером Кривоногом, который разносит ее в пух и прах в своей «Евралии в прошлом и настоящем». Но менее всего на свете мне хотелось бы отказывать этой женщине во многих выдающихся достоинствах.

Нынешнее утро графиня посвятила сочинительству и потому была в зеленом. Она всегда надевала зеленое, когда ей являлась Муза: похвальная привычка, которую я советовал бы перенять современным поэтам – как для привлечения вдохновения, так и для уведомления окружающих. Под мышкой она несла огромных размеров Дневник, а в голове – несколько вариантов изложения мыслей, посетивших ее по дороге во дворец.

– Доброе утро, графиня! – приветствовал ее Веселунг, с явным облегчением отрываясь от задачи выбора пера. – Какой ранний визит...

– Надеюсь, вы ничего не имеете против, ваше величество, – ответила графиня с ноткой озабоченности в голосе. – В нашей вчерашней беседе был пункт, относительно

которого у меня вдруг возникли некоторые сомнения.

– А о чем мы вчера беседовали?

– О, ваше величество! О положении дел, разумеется.

– И она бросила на него один из тех невинных и в то же время дерзких и обольстительных взглядов, которые производили на короля совершенно неотразимое впечатление (и на любого другого тоже, смею вас уверить). Король смущенно улыбнулся.

– Да, да, конечно, положение дел...

– Я даже сделала запись об этом в своем Дневнике. – Она положила на стол огромную тетрадь, и страницы легко зашелестели под ее пальцами. – Вот здесь... «Среда. Его величество оказал мне честь, спросив совета относительно будущего принцессы Гиацинты. Остался к чаю и был совершенно...» Никак не могу разобрать слово...

– Позвольте мне, – вмешался король, склоняясь над Дневником. Его обычно румяное лицо стало совсем пунцовым. – Похоже на «очарователен». – Он постарался произнести это как можно более небрежным тоном.

– Неужели? Неужели я именно так и написала? Видите ли, я обычно пишу все, что мне приходит в голову, прямо сразу, не задумываясь. – Она проделала ручкой движение, подобающее человеку, который записывает все, что ему приходит в голову, не задумываясь, и вернулась к Дневнику. – «Остался к чаю и был совершенно очарователен. Потом размышляла о бренности жизни». – Она подняла широко открытые глаза и устремила на короля задумчивый взгляд. – Я часто предаюсь размышлениям в одиночестве...

Веселунг никак не мог оторваться от Дневника.

– А у вас еще есть такие записи, как... как эта, последняя? Можно посмотреть?

– О, ваше величество, боюсь, там слишком много глубоко личного. – И она поспешно захлопнула тетрадь.

– Мне показалось, я видел какие-то стихи...

– Да, небольшая ода к любимой канарейке. Вряд ли это будет интересно вашему величеству.

– Я обожаю поэзию! – гордо изрек король.

Он и сам однажды сочинил двустишие, которое можно было читать как с начала до конца, так и наоборот. Считалось даже, что во втором варианте оно обладает некоторыми магическими свойствами. Как утверждает Роджер Кривоног, это произведение стало чрезвычайно популярно в Евралии, а звучало оно так:

Бо, бо, бил, бол.

Во, во, вил, вол.

Оригинальная идея, выраженная с завидным лаконизмом.

Графиня, конечно, просто кокетничала – на самом деле ей очень хотелось прочесть свое стихотворение.

– Это простая безделица, – скромно молвила она, а потом продекламовала:

Привет тебе, оранжевая пташка!
В росистых куцах, на кустах цветущих
Ты трепетное сердце изливаешь
В прекрасных звуках, в небеса плывущих.
И в упоении внимающий пернатому поэту,
Пернатый хор подхватывает песню эту.

– Прелестно! – с искренним восхищением воскликнул король, и с ним нельзя не согласиться.

Много лет спустя другой поэт по имени Шелли воспользовался той же идеей, но облек ее в гораздо более вычурную и, по моему мнению, менее совершенную форму.

– Скажите, а эта птичка настоящая или вымышленная? – спросил Веселунг.

– Моя любимица.

– Ей понравилось?

– Увы, ваше величество! Ее постигла внезапная кончина, и она не успела...

– Бедняжка! Я уверен, она была бы в восторге.

Тем временем Гиацинта, не ведая о столь реальной близости «нежной руки матери», пыталась завершить завтрак, но это оказалось нелегким делом. В конце концов, чрезвычайно утомительно то и дело отрывать от тарелки и наблюдать в небе монарха соседней державы, который летит то в одну, то в другую сторону. Король Бародии проделал это еще восемнадцать раз, и принцесса отправилась к отцу, все еще чувствуя легкое головокружение. Она нашла короля в библиотеке – он сидел в полном одиночестве, с глупой улыбкой на лице. Никаких следов Ноты на письменном столе Гиацинта не обнаружила.

– Ты уже отправил Ноту?

– Ноту? – в изумлении повторил Веселунг, все еще находившийся под впечатлением знаменательной записи в Дневнике графини. – Какую Ноту? Ах, ты имеешь в виду Ноту протеста королю Бародии... Я как раз сейчас ее обдумываю. Должная решительность в сочетании с изысканной вежливостью – это, знаешь ли, требует определенных усилий.

– По-моему, на этот раз можно обойтись без изысканной вежливости, – возразила Гиацинта. – После того как ты ушел, он пронесся еще восемнадцать раз.

– Восемнадцать... восемнадцать... восем... Да это просто неслыханно!

– У меня такое впечатление, будто к завтраку явилось слишком много гостей, и притом незваных.

– Подобное поведение нельзя расценивать иначе как намеренное оскорбление. Никаких Нот! Мы поговорим с ним на его собственном языке!

И король вызвал к себе капитана королевских лучников.

Глава 2

Первый советник Бародии отправляется на прогулку

Снова было раннее утро.

Веселунг сидел за столом, накрытым к завтраку, а перед ним выстроился в шеренгу отряд лучников.

– Запомните, – возбужденно объяснял король, – когда король Баро... когда некий... словом, когда я скажу «когда!», все выстрелят в воздух. Ни во что не цельтесь – просто выпускайте стрелу вверх, и... ээ... посмотрим, чья взлетит выше всех. Если, конечно, что-нибудь случайно... ээ... заденет о стрелу, – это маловероятно, но... Ну, значит, заденет, и точка. В конце концов, может ли там, – и он посмотрел в небо, – что-нибудь оказаться?

– Так точно, сир! Или, скорее, никак нет, – браво отчеканил капитан.

– Очень хорошо. Итак, приготовились... По местам!

Солдаты зарядили луки и заняли свои места. На башне стоял дозорный. Все было готово.

Веселунг очень волновался. Он переходил от одного солдата к другому, расспрашивал о жене и детях, хвалил начищенный кивер и советовал стрелку немного отвернуться от солнца. То и дело он подбегал к дозорному, указывал пальцем на горизонт в направлении Бародии и снова возвращался.

Дозорный не подвел.

– Величество в воздухе! – внезапно провозгласил он.

– Когда! – заорал король, и вверх устремилась туча стрел.

– Вот здорово! – закричала Гиацинта, радостно хлопая в ладоши. – То есть, я имею в виду – как вы могли?! Вдруг он ранен?

Веселунг испуганно обернулся.

– Гиацинта? Ты здесь?

– Я только что поднялась. Ну как, вы в него попали?

– В кого «в него»?

– В короля Бародии, конечно.

– Короля Баро... Дитя мое, при чем здесь король Бародии? Мои лучники упражняются в стрельбе по дальней цели – парящий коршун. – Он обратился к капитану: – Коршун задет?

– Только одной стрелой, сир. В бакен... в хвостовое оперение!

– Только одной стрелой. Попала в бакен... в хвостовое оперение. Дорогая, с какой стати ты вдруг заговорила о короле Бародии?

– Ах, отец, как это дурно с твоей стороны! Ты чуть не убил беднягу. Испортил его знаменитые бакенбарды!

– Его величество король Бародии! Бакенбарды! Это просто ужасно! Но как он мог там оказаться? Боже, какое несчастье! Я немедленно должен составить

объяснительную Ноту.

Гиацинта благоразумно заметила:

– А тебе не кажется, что сначала он должен что-нибудь прислать?

– Да, да, ты права. Несомненно, он пожелает объяснить, почему он здесь оказался. Веселунг подошел к лучникам, которые уже снова стояли шеренгой.

– Можете увести людей, – сказал он капитану.

– Слушаюсь, ваше величество!

Его величество торопливо огляделся по сторонам и конфиденциально шепнул капитану:

– Кто из солдат... – он как бы невзначай потер рукой правую щеку, -...ээ... вот именно. Вон тот, слева? Прекрасно.

Он подошел к солдату на левом фланге и вложил ему в руку мешочек золота.

– Я восхищен вашим стилем, мой друг. Движение запястья просто безупречно! Никогда не видел, чтобы стрела взлетела так высоко.

Отряд отсалютовал и удалился, а Веселунг с Гиацинтой сели завтракать.

– Немного лососины, дорогая? – предложил король.

Первый Советник Бародии навсегда запомнил этот день. И жене своей не позволял о нем забыть. Фраза «Это напоминает мне тот день, милая, когда...» с некоторых пор стала сигналом, по которому его гости срочно начинали откланиваться. Но домочадцы не имели возможности спастись бегством, им оставалось лишь вооружиться терпением.

Денек действительно выдался на редкость беспокойный. Уже в девять утра Советника вызвали к королю, который нежно лелеял пострадавшую часть тела и пребывал в состоянии крайнего раздражения. Он настаивал на немедленном открытии военных действий. Советник пытался склонить его к более мягким мерам.

– По крайней мере, ваше величество, – умолял он, – позвольте мне сначала свериться с прецедентами.

– Столь возмутительная наглость беспрецедентна, – холодно возразил король.

– Я не говорю о полном совпадении, сир, но все же сходные прискорбные случаи... ээ... случались.

– Это был не случай!

– Конечно, конечно. Мне следовало сказать «вероломные нападения». Вот, например, ваш высокочтимый дедушка однажды имел неосторожность поссориться с королем Арабии, и тот наложил на него заклятие, в результате чего ваш высокочтимый дедушка был вынужден – правильнее будет выразиться, предпочитал – в течение нескольких недель передвигаться на четвереньках. Можете себе представить, какое впечатление это производило на подданных, несмотря на их величайшую лояльность. Далее. Хотя ваш случай и не включает в себя перемещение на четвереньках...

– При чем тут вообще четвереньки?! – заорал король.

– Неудачное сравнение, ваше величество. Я имел в виду, что хотя ваш случай и не может рассматриваться как аналогичный случай, но все же процедура, действовавшая в случае вашего высокочтимого дедушки... – Бедный Советник совсем запутался.

– Мне дела нет до моего высокочтимого дедушки. Мне дела нет до всех ваших «случаев», мне дела нет до ваших или чьих-либо еще бакенбардов, – злобно приговаривал король, поглаживая свои собственные. – Я жажду крови короля Евралии!

– Он оглядел придворных:

– Любому из вас, кто покончит с королем Евралии и принесет мне его голову, я отдам руку моей дочери.

Наступила глубокая тишина.

– Которой дочери? – прозвучал наконец осторожный голос.

– Старшей!

Тишина стала еще более глубокой.

Первым осмелился заговорить все тот же Советник.

– Я все-таки предлагаю, ваше величество, чтобы в ближайшее время конфликт не выходил за пределы обмена Нотами. А тем временем мы прочедем страну вдоль и поперек и разыщем какого-нибудь волшебника, который поможет нам придумать славную месть королю Евралии. Согласитесь, сир, что, если, например, голова монарха вдруг оказывается перевернутой вверх ногами, он не может не лишиться изрядной доли того царственного величия, которое одно лишь способно внушить необходимые чувства подданным. Опять-таки, пара носов, расположенных под углом друг к другу, что чрезвычайно затрудняет процесс сморкания...

– Ладно, ладно, – нетерпеливо перебил его король, – я об этом подумаю, если вы действительно найдете волшебника. Только в наше время их не так-то много, к тому же волшебники имеют дурную привычку то и дело забывать, на чьей они стороне.

У Советника жалобно вытянулось лицо.

– Ну ладно, не расстраивайтесь, – снисходительно бросил король. – Я знаю, что делать; так и быть, можете послать одну Ноту протеста, а потом мы сразу же объявим войну.

– Благодарю вас, ваше величество, – сказал Советник.

Итак, в Евралию была отправлена Нота протеста.

В ней указывалось, что Его Величеству Королю Бародии было нанесено жестокое оскорбление посредством стрелы, в то время как его величество совершал ежеутренние оздоровительные упражнения. Сие оскорбление, не задев, по счастью, жизненно важных органов его величества, тем не менее причинило ему серьезное душевное расстройство и нанесло урон внешности. За нанесенное оскорбление королевство Бародия требует полного возмещения и т.д. и т.п.

Ответ из Евралии ждать себя не заставил. В нем выразилось глубочайшее сочувствие монарху дружественной державы, ставшему жертвой трагического стечения обстоятельств. В утро, о котором идет речь, происходило состязание королевских лучников в стрельбе на дальнюю дистанцию, каковое состязание, буде то представляет интерес для его величества короля Бародии, выиграл Генри Малонос, стрелок, подающий большие надежды. В ходе состязания было замечено, что некий посторонний предмет помешал полету одной из стрел, но поскольку сие происшествие не оказало влияния на окончательную расстановку участников состязания, ему не придали особого значения, и его величество король Бародии может быть полностью

уверен, что его величество король Евралии не имеет намерения предъявлять ему какие-либо претензии по поводу случившегося. Подобные состязания будут проводиться и впредь, и, если его величество король Бародии пожелает в дальнейшем совершать моцион в непосредственной близости от территории Евралии, король Евралии надеется, что его величество окажет ему честь спуститься на землю и присоединиться к участникам состязания. Выражая уверенность в полном благополучии ее королевского величества и их королевских высочеств и т.д. и т.п.

Первый Советник читал это послание, а в душе его росло беспокойство. Выходило, что именно по его вине его величество король Бародии подвергся новому оскорблению, и, если ему не удастся каким-то образом преподнести ответную Ноту в сильно смягченном виде, его ожидают серьезные неприятности. Вступая за ограду дворца, он гадал, будет ли его величество обут в свои знаменитые башмаки и не обладают ли они заодно со способностью делать семимильные шаги способностью давать семимильные пинки. Поднимаясь по лестнице, он начал подозревать, что бывают ответные Ноты, которые можно каким-то образом «преподнести», и бывают такие, которые лучше не пытаться «преподнести» никоим образом. Спустя пять минут, отправляясь домой (перед ним лежал путь ровно в двадцать одну милю длиной), он пришел к твердому убеждению, что ответная Нота из Евралии относилась к последним.

Вот каковы были истинные причины войны между Евралией и Бародией. Я знаю, что мое мнение по этому вопросу совершенно расходится с мнением известного историка Роджера Кривонога. В главе IX своего бессмертного труда «Евралия в прошлом и настоящем» он приводит абсолютно другие мотивы ссоры между двумя монархами. Король Бародии, говорит он, просил руки принцессы Гиацинты для своего старшего сына. "Король Евралии, как это было принято, поставил условие, по которому его высочество сначала должен был взобраться верхом на коне на стеклянную гору, что показалось оскорбительным королю Бародии. Боюсь, что Роджеру просто хочется представить все дело в романтическом свете. Там не было и намека на сантименты и все происходило именно так, как я только что имел честь вам доложить.

Глава 3

Король Евралии обнажает меч

Без сомнения, вы уже догадались, что ответ продиктовала королю Веселунгу графиня Бельвейн. Сам Веселунг, скорее всего, выразился бы следующим образом: «Так Вам и надо – нечего без спросу летать над моим королевством». Он никогда не отличался тонким остроумием. Гиацинта сказала бы: «Нам очень жаль, но ведь рана оказалась не слишком серьезной, не так ли? И вы действительно не получали приглашения к завтраку». Советник долго чесал бы в затылке, а потом изрек: «В соответствии с главой VII, параграфом 259 „Уложений Королевства“, мы можем отметить...»

Но у графини был свой взгляд на вещи, и если вам кажется, что она словно нарочно сделала все для того, чтобы война стала неизбежной, – что ж, у нее могли быть основания к этому стремиться.

Пока что больше всех досталось Советнику Бародии, но «прихоти сильных мира сего часто оборачиваются страданиями невинных» – этот афоризм заимствован мною из «Евралии в прошлом и настоящем», где Роджер чуть ли не каждый абзац заканчивает моралью.

– Ну вот, – торжественно объявил Веселунг графине, – война объявлена! Гиацинта уже приводит в порядок мои доспехи.

– А что сказал король Бародии?

– Он ничего не сказал. Он написал на клочке грязной бумаги красными буквами «ВОЙНА», пришил его к уху моего гонца и отослал его назад.

– Боже, как это грубо! – возмутилась графиня.

– Д-да, я тоже подумал, что это несколько... ээ... не изящно, – неловко промямлил король. На самом-то деле он втайне восхищался таким поступком и ужасно жалел, что ему самому в голову не пришло ничего подобного.

Графиня с очаровательной улыбкой быстро проговорила:

– Конечно, все зависит от того, кто это делает. Например, если бы вы совершили нечто в этом роде, это выглядело бы как свидетельство благородного негодования.

– Должно быть, он был в ярости, – заметил Веселунг, выбирая из груды лежащих перед ним мечей то один, то другой и внимательно их разглядывая. – Хотелось бы мне взглянуть на его физиономию, когда он читал мою Ноту!

– И мне тоже, – вздохнула графиня.

Ей-то этого хотелось гораздо больше. Трагедия человека, умеющего писать отличные письма, состоит в том, что ему почти никогда не удастся посмотреть, как их читают. Это уже мой собственный афоризм – подобная мысль никогда не пришла бы в голову Роджеру, отнюдь не блиставшему в эпистолярном жанре.

Король продолжал перебирать мечи.

– Как это некстати, – бормотал он. – Интересно, может быть, Гиацинта... – Он подошел к двери и позвал:

– Гиацинта!

– Иду, отец, – откликнулась Гиацинта откуда-то сверху.

Графиня Бельвейн встала с кресла и опустилась перед принцессой в глубоком реверансе.

– Доброе утро, ваше королевское высочество!

– Доброе утро, графиня, – приветливо ответила Гиацинта. Ей нравилась графиня – она не могла не нравиться, – но Гиацинте почему-то всегда хотелось, чтобы она нравилась ей чуть поменьше.

– Гиацинта, – попросил Веселунг, – подойди сюда и взгляни на эти мечи. Который из них, по-твоему, заколдованный?

Гиацинта честно попыталась выполнить просьбу отца, но не пришла ни к какому решению.

– Ах, отец, – сказала она наконец, – я, право, не знаю. Неужели это так важно?

– Милое дитя, конечно, это очень важно. Предположим, король Бародии вызывает меня на поединок. Если у меня заколдованный меч, я обязательно должен победить. А если нет, то еще неизвестно.

Бельвейн, не отрывая взора от Дневника, как бы про себя проговорила:

– Предположим, у короля Бародии тоже заколдованный меч...

(Подобное замечание было как нельзя более в ее духе.) Король перевел на нее взгляд и глубоко задумался.

– Да, действительно, – проворчал он озабоченно, – я как-то об этом не думал. Честное слово, я... – он повернулся к дочери. – Гиацинта, а что, если у нас обоих будут заколдованные мечи?

– Ну тогда, я думаю, вам придется сражаться вечно.

– Или, по крайней мере, до тех пор, пока из мечей не выйдет все колдовство, – невинно заметила графиня.

– Об этом должно быть где-нибудь написано, – с надеждой предположил Веселунг, чье приподнятое настроение совершенно угасло от этого разговора. – Попрошу Советника поискать. Только он сейчас страшно занят подготовкой к войне.

Графиня задумчиво произнесла:

– Зато у него окажется масса свободного времени потом – когда начнется поединок...

Удивительная женщина! Она уже представляла Советника, который спешит с долгожданным известием к королю Евралии и опаздывает на мгновение – то самое мгновение, в которое противник наносит смертельный удар.

Веселунг снова вернулся к мечам:

– Ну, как бы там ни было, по крайней мере, в своем мече я должен быть уверен. Гиацинта, ты совсем не знаешь, который из них заколдованный? – И он обиженно добавил: – Я же просил тебя пометить оружие.

Принцесса снова стала изучать мечи.

– Вот он! – радостно воскликнула она. – На нем стоит "В", что значит «волшебный»!

– Или «Веселунг», – еле слышно промурлыкала графиня.

Радость, только что озарившая лицо короля, тут же померкла, и он раздраженно

заметил:

– От вас нынче не очень-то много проку, графиня.

В тот же миг графиня была на ногах – Дневник отброшен в сторону (нет, конечно, ни в коем случае не отброшен, а аккуратно положен на пол), сама она со скрещенными на груди руками как воплощение укора.

– О, ваше величество, простите меня... если бы вы спросили... я не знала, что вы нуждаетесь в моей помощи... я думала, ее королевское высочество... – Вдруг ее голос стал по-матерински заботливым и успокаивающим: – Конечно же я найду его.

Я часто думаю, погладила ли она при этом короля по голове? Это тоже было бы на нее очень похоже. Правда, в «Евразии в прошлом и настоящем» о таком жесте нет ни слова, а уж Роджер-то не преминул бы упомянуть о подобной бесцеремонности. Так что, может, ничего и не было.

Графиня без колебаний взяла один из мечей и протянула его Веселунгу.

– Ах, как хорошо, что все устроилось, – обрадовалась Гиацинта и ушла, предоставив их друг другу.

Король, счастливо улыбаясь, поглаживал клинок. Вдруг его охватило сомнение.

– А вы уверены, что это он?

– Испытайте на мне! – трагически вскричала графиня, падая на одно колено и простирая к королю руки. Носок маленькой туфельки касался Дневника, лежащего на полу, – его близость вселяла в нее отвагу. Даже в столь опасном положении она обдумывала, как описать эту сцену («как, собственно говоря, пишется „простирая“?»).

Я думаю, что к тому времени король уже был влюблен в нее по уши, хотя никак не мог решиться на завершающий шаг. Но если даже и так, в графиню он был влюблен от силы месяца два – два месяца из сорока лет, а вот с мечом не расставался с ранней юности. В критической ситуации в душе человека побеждает не самая сильная привязанность, а самая старая (это Роджер, но тут я с ним полностью согласен), и он, не рассуждая, поднял меч. Если он действительно заколдованный, малейшая царапина окажется смертельной. Сейчас все станет ясно!

Недоброжелатели графини распускали слухи, что эта женщина была столь дерзка, что ничто на свете не могло заставить ее побледнеть. Конечно, графиня Бельвейн имела ряд недостатков, но именно этот в их число не входил: глядя на занесенный над нею сверкающий клинок, она была бледна как мел. Тысячи мыслей вихрем проносились в ее голове: как потом будет раскаиваться король, как ее будут воспевать менестрели, будет ли опубликован ее Дневник, но, в основном, она проклинала себя за то, что ей вдруг пришло в голову разыграть такую дурацкую мелодраму.

Король вздрогнул, пришел в себя и страшно сконфузился. Потом закашлялся, чтобы скрыть смущение, и подал руку графине, помогая ей подняться.

– Графиня, что это с вами? Просто нелепо. Неужели вы думаете, что я позволю вам жертвовать собой, да еще в такое время? Присядьте и давайте обсудим все по порядку.

Оглушенная бурей чувств, Бельвейн сидела, крепко прижимая к груди драгоценный Дневник. В эту минуту жизнь казалась ей особенно прекрасной, единственным темным пятном было то, что менестрели все-таки, по-видимому, не

сложат о ней песен. Ничего не поделаешь, нельзя же получить все разом.

Король решительными шагами расхаживал по залу и говорил:

– Я отправляюсь на войну и оставляю горячо любимую дочь. Разумеется, в мое отсутствие править страной будет она. Но я хочу, чтобы Гиацинта знала, что в любую минуту может обратиться к вам, графиня, за поддержкой и помощью. Уверен, что полностью могу на вас положиться, поскольку вы только что представили мне неопровержимое доказательство вашей преданности.

– О, что вы, ваше величество! – протестуяще воскликнула графиня и с торжеством отметила про себя, что труды не пропали даром.

– Гиацинта еще совсем девочка, – тем временем продолжал король. – У нее нет никакого опыта. Она нуждается...

– В руководящей материнской руке, – мягко подсказала графиня.

Веселунг смешался и отвел глаза в сторону. Вообще-то, ему следовало бы немедленно объясниться. Но... но столько еще нужно успеть до завтра... Пожалуй, лучше отложить это до конца войны.

– У вас не будет никакой официальной должности, кроме прежних, – продолжил он поспешно, – но я хотел бы, чтобы принцесса во всем следовала вашим советам.

С некоторых пор графиня только об этом и мечтала, но, конечно, в подобной ситуации необходимо было проявить подобающую скромность.

– Я сделаю все, что в моих силах, ваше величество, – с радостью. Но разве Советник...

– Советник поедет со мной. Он, конечно, не боец, зато силен в заклинаниях. – Король огляделся по сторонам, чтобы удостовериться, что они одни, и продолжал, понизив голос: – Он как-то говорил, что разыскал в архивах одно очень сильное заклинание. Если нам удастся применить его перед первым сражением, наши доблестные войска смогут... ээ... проявлять свою доблесть, почти не встречая сопротивления.

Графиня застенчиво пролепетала:

– Но есть же и другие образованные мужчины... Они гораздо лучше разбираются в государственных делах, чем мы, бедные женщины («Что за чушь я несу», – думала она про себя), и они смогут дать ее высочеству несравненно более ценные советы...

– Такие мужчины, – прервал ее Веселунг, – понадобятся мне самому. У меня каждый человек на счету! В войне с Бародией будет участвовать все мужское население Евралии, поэтому наша страна на некоторое время превратится в страну женщин. – Он искоса взглянул на графиню и улыбнулся. – Это будет страна, в которой... ээ... каждый... то есть...

Было совершенно очевидно, что король изо всех сил старается и никак не может придумать что-нибудь очень галантное, и графиня по доброте души решила избавить его от мучений.

– О, ваше величество, – она потупила взор, – это, право, слишком любезно с вашей стороны...

– Д-да нет, несколько, – растерялся король, пытаясь припомнить, что же он такое сказал. В конце концов он предпочел откланяться. – К сожалению, графиня, я должен

вас покинуть. У меня масса дел.

– У меня тоже, ваше величество. – Она сделала реверанс и вышла из зала, зажав под мышкой Дневник.

А Веселунг, который никак не мог избавиться от ощущения какой-то внутренней неудовлетворенности, вернулся к письменному столу и взялся за перо. Когда десять минут спустя Гиацинта заглянула в библиотеку, весь стол был завален обрывками бумаги, и она невольно наткнулась на несколько примечательных фраз:

«В подобной стране я стал бы счастливейшим из подданных...»

Остальные были еще короче:

«Это, дорогая графиня, было бы моей...»

«Страна, в которой даже король...»

«Счастливая страна...»

Последнее было зачеркнуто и поверх него написано:

«Плохо!»

– Отец, что все это значит?

Веселунг вскочил, покраснев до корней волос.

– Ничего, дорогая, ничего... Я просто... Видишь ли, мне, безусловно, необходимо будет обратиться с речью к народу. Вот я и набросал несколько... Как бы то ни было, они мне больше не нужны.

Он сгреб клочки в кучу, смял их и бросил в корзину для бумаг.

«Что же с ними стало?» – спросите вы. Скорее всего, на следующее утро они пошли на растопку камина. Но вот что удивительно! В десятой главе «Евралии в прошлом и настоящем» я вижу: «Поелику король и все мужское население Евралии отправились на войну с подлыми бародианами, Евралия стала страной женщин – страной, в которой даже король был бы счастливейшим из подданных».

Так что же это означает? Не есть ли это новый пример литературного плагиата? (Если вы помните, мне уже пришлось обличить Шелли.) Уж конечно, Роджер имел доступ к дворцовым корзинам для бумаг, как и многие другие историки. Но, в таком случае, он был обязан указать первоисточник!

Однако мне не хотелось бы быть несправедливым к Роджеру. Вам, наверное, уже стало ясно, что я во многом не разделяю его взглядов, но отдаю ему должное как историку (а в некоторых случаях, например, когда речь идет о первом появлении принца Удо в Евралии, целиком полагаюсь на свидетельства Роджера). И я ведь всегда ссылаюсь на него, если мне случается включать его высказывания в свое повествование, – так что есть все основания надеяться, что и Роджер был столь же щепетилен в отношении других. Я уже упоминал о том, что Роджер Кривоног – натура, несомненно, романтическая (как, впрочем, и король Веселунг). Поэтому давайте считать, что эта возвышенная мысль пришла к ним обоим независимо друг от друга.

Графиня Бельвейн имела полное право торжествовать небольшую победу. Король обнажил меч, но она не дрогнула! В награду она получит власть. Она станет властью за тронном.

«Не обязательно за тронном», – думала графиня.

Глава 4

Принцесса Гиацинта полагается на графиню

Настало время представить вам Виггз, и я сразу оказываюсь в затруднительном положении.

Каково было положение Виггз при дворе?

Ответить на этот вопрос не так-то просто. Дело в том, что мне приходится складывать всю историю из отдельных кусков, рассказанных другими, как головоломку, и заполнять пробелы, полагаясь на собственное представление о логике поведения того или иного персонажа. Для начала я хотел бы познакомить вас с первоисточниками.

Первый и главнейший из них – это, конечно, Роджер Кривоног. Его монументальный труд «Евразия в прошлом и настоящем» в семнадцати томах громоздится на моем письменном столе. Я наткнулся на них (разумеется, в переносном смысле) совершенно случайно, возвращаясь в Лондон со стороны Нью-Барнета. Я имею в виду один маленький магазинчик около... забыл, как называется это место, но это третья по счету книжная лавка по левой стороне улицы. Именно этому труду я следовал в изложении основных линий и уже говорил о том, насколько высоко ценю сие произведение.

Во-вторых, существует некоторое количество легенд и баллад, поведанных мне моей тетушкой, одной из представительниц корнуэльских Малоносов. Она утверждает, что является прямым потомком Генри Малоноса, чей удачный выстрел и породил к жизни цепь событий, которые я пытаюсь изложить. Безусловно, мне не придет в голову подвергать сомнению слова дамы, к тому же она, действительно, всегда говорит о Генри Малоносе с той смесью гордости и фамильярности, с какой обычно говорят о знаменитых предках или родственниках. Во всем, что не касается Генри, ее слова заслуживают полного доверия, тем более что, в основных чертах, эти рассказы подтверждаются Роджером. Именно она описала графиню Бельвейн с необыкновенной яркостью и дала истинную оценку ее характера, отсутствующую в других источниках. Но ее отношение к Генри Малоносу просто нелепо. Дай ей волю, и он станет главным и единственным героем всей истории. Это вызывает у меня и у Роджера снисходительную усмешку: мы отдаем должное Генри за его блестящий выстрел, но и только.

И в-третьих, сама Бельвейн. Женщины, подобные ей, не умирают. Не далее как в прошлом году мне довелось встретить ее – или ее воплощение – в одном загородном имении в Шропшире. Не помню, каким именем она себя назвала, но это была она. Я узнал ее тотчас – время покатило вспять, и вот мы уже в милой Евразии. «Остался к чаю и был совершенно очарователен...» Интересно, сказала бы она то же самое обо мне? Однако я, кажется, становлюсь сентиментальным – почти как наш дорогой Роджер.

Проконсультировавшись с этими источниками, я вновь задаю себе вопрос: кто же такая была Виггз?

Роджер говорит о ней как об одной из приближенных принцессы. Мы знаем, что Гиацинте было семнадцать лет. В таком случае, Виггз должно быть столько же – девушка на выданье – или, возможно, чуть старше. Почему бы и нет, спросите вы? Действительно – леди Виггз, фрейлина ее высочества, восемнадцати с небольшим, высокая и статная... Поскольку именно она разрушила коварные планы графини, пусть и будет ей под стать.

Да, конечно, но вы никогда бы так не подумали, если бы послушали мою тетушку. К тому же, если бы вам выпало счастье лицезреть Бельвейн, то вы сразу же поняли бы: ни одна взрослая женщина не могла ей противостоять.

Виггз была ребенком – я чувствую это всем сердцем. В легендах и балладах моей тетушки она предстает перед нами девочкой, как Алиса в сказочной стране. Что бы там ни писал Роджер, в моем рассказе она будет ребенком.

Между прочим, у Роджера концы с концами не сходятся. Например, он упоминает о том, что Виггз вытирает пыль с трона. Попробуйте-ка представить себе придворную даму, которой в прошлом феврале исполнилось восемнадцать, с тряпкой или метелкой в руках! Несколько раз он заставляет ее выполнять приказания графини – это тоже настораживает. Никогда фрейлина не стала бы повиноваться никому, кроме своей госпожи.

Итак, Виггз – девочка. Маленькая подруга Гиацинты, готовая на все для того, кто любит (или делает вид, что любит) ее покровительницу.

Король Евралии Веселунг отправился на войну. Он ехал во главе внушительного войска с заколдованным мечом на левом боку (плащ-невидимка был пока приторочен к седлу, чтобы отсутствие королевской тени не пугало боевого коня). Гиацинта провожала его у ворот замка. Пять раз он возвращался, чтобы дать ей последние наставления, а шестой – за мечом, но теперь он действительно уехал, и Гиацинта сидела на любимом месте на башне замка вместе с Виггз.

– Никогда не думала, что провожать отцов на войну – такое утомительное занятие, – сказала Гиацинта.

– Я очень надеюсь, что с ним ничего не случится. Послушай, Виггз – хотя об этом, я думаю, лучше не говорить вслух и хотя он только что уехал – но, наверное, это очень приятно – быть королевой, правда?

– Это должно быть просто чудесно! – ответила Виггз, глядя на принцессу широко открытыми глазами. – А вы теперь можете делать все, что хотите?

Гиацинта кивнула:

– Я всегда делала все, что мне хотелось, а теперь я могу это делать.

– А вы можете отрубить кому-нибудь голову?

– Запросто!

– По-моему, это очень противно – отрубать головы.

– И мне так кажется, – улыбнулась Гиацинта. – Поэтому давай пока не станем этого делать – пока не привыкнем как следует.

Виггз не сводила с принцессы восторженных глаз.

– Кто сильнее, – спросила она, – вы или фея?

– Я так и знала, что ты задашь какой-нибудь ужасный вопрос, – сказала Гиацинта, делая вид, что сердится. Потом она оглянулась по сторонам и шепнула Виггз на ухо: – Я!

– О-о! – воскликнула Виггз. – Неужели правда?!

– Конечно, правда. Ты слыхала когда-нибудь историю об отце и фее?

– О его величестве?

– Да, о его величестве короле Евралии. Это случилось однажды в лесу, вскоре после того, как он стал королем... А вы знаете эту историю? Думаю, нет. Это случилось вскоре после того, как Веселунг взошел на престол. Он так этим гордился, что повсюду расхаживал и повторял вслух: «Я король. Я король. Я король». А иногда: «Король – это я. Король – это я!» Однажды он гулял в лесу, и его случайно услышала фея. Она явилась ему и сказала:

– Значит, ты – король?

– Я король, – ответил Веселунг, – я король, я ко...

– А все-таки, – перебила его фея, – что такое, в сущности говоря, король?

Веселунг гордо заявил:

– Король – это очень могущественное существо!

– А если я превращу тебя в овечку? Что тогда?

Король на минуту задумался.

– Пожалуй, я бы не отказался побывать овечкой.

Фея взмахнула рукой.

– Вот и будь ею! До тех пор, пока не признаешь, что фея могущественнее, чем король.

И он в мгновение ока превратился в овечку.

– Ну? – сказала фея.

– Ну? – сказал король.

– Так кто же могущественнее – король или фея?

– Король, – ответил Веселунг, – и, вдобавок, гораздо шерстистее.

Наступило молчание. Король начал пощипывать травку.

– Я не слишком высокого мнения о феях, – пробормотал он с набитым ртом. – Мне кажется, они не очень-то могущественны...

Фея сердито взглянула на овечку.

– Они не могут заставить говорить то, что не хочешь, – пояснил король.

Фея топнула ногой.

– Стань жабой! – воскликнула она. – Мерзкой, бородавчатой, ползучей жабой!

– Я всю жизнь мечтал, – начал Веселунг, – стать жабой, – договорил он откуда-то снизу.

– Ну как? – спросила фея.

– Я не очень-то высокого мнения о феях. Не так уж они и могущественны...

Он ждал, что фея на него посмотрит, но она сделала вид, будто думает о чем-то другом. Немного помолчав, жаба добавила:

– Они не могут заставить говорить то, что не хочешь.

Фея пришла в еще большую ярость, снова топнула ногой и приказала:

– Будь нем! И оставайся немым на веки вечные!

В лесу было совсем тихо. Фея посмотрела сквозь ажурные кроны деревьев на голубое небо, на королевский замок, видневшийся в просвете между могучими стволами, на гладкий булыжник справа, на поросшую мхом кочку слева... но она не станет, ни за что не станет смотреть под ноги...

Нет, она не станет...

Ни за что...

И все же...

Это было выше ее сил. Она не удержалась и взглянула на мерзкую, бородавчатую, ползучую жабу, сидевшую у ее ног, – немую жабу, которая еще совсем недавно была королем.

И, поймав ее взгляд, жаба – подмигнула!

Подмигивать можно по-разному. Фея сразу поняла, что в данном случае это означало: «Я не слишком высокого мнения о феях. Не очень-то они могущественны. Не могут заставить произнести то, что не хочешь».

Фея с отвращением и досадой взмахнула рукой.

– О, стань снова королем... – и она исчезла.

Вот это и есть история о том, как король Евралии повстречался с феей. У Роджера она изложена неплохо – разумеется, не так хорошо, как у меня, – но он нагружает ее моралью. Если хотите, мораль можете придумать сами, потому что я такими вещами не занимаюсь.

Виггз тоже не особенно интересовалась моралью. Упершись локтями в коленки и положив подбородок на кисти рук, она мечтательно смотрела в сторону леса, воображала всю эту сцену и думала: «Как замечательно быть королем, да еще таким умным!»

– Это случилось очень давно, – сказала Гиацинта. – Отец тогда был не то, что теперь.

– Наверное, это была злая фея, – предположила Виггз.

– Просто глупенькая. Вот меня бы отец так легко не обвел вокруг пальца.

– Но ведь бывают и добрые феи, правда? Я однажды с такой встретилась.

– Ты, дитя? Где же?

Не берусь предполагать, каким путем пошла бы история Евралии, если бы Виггз не прервали. Но случилось так, что она рассказала про свою фею в другой раз, при таких обстоятельствах, что графиня Бельвейн смогла... Да, да, мне крайне неприятно об этом говорить, но графиня действительно подслушала. Правда, как она потом объясняла, ссылаясь на многочисленные примеры из литературы, подобные истории и существуют лишь для того, чтобы их подслушивали (как будто это могло служить ей оправданием!). Во всяком случае, на этот раз она явилась слишком рано для того, чтобы подслушать, но как раз вовремя, чтобы обеспечить себе такую возможность на будущее.

– Графиня Бельвейн! – объявила дежурная придворная дама, вслед за чем последовало явление ее светлости, как всегда, весьма эффектное.

– Доброе утро, графиня, – достаточно приветливо поздоровалась Гиацинта.

– Доброе утро, ваше королевское высочество. А-а, Виггз, милое дитя, – небрежно добавила она и протянула руку, чтобы погладить милое дитя по головке, но слегка промахнулась.

– Виггз как раз собиралась мне рассказать одну удивительную историю.

– Славная крошка, – графиня неопределенно взмахнула другой рукой в сторону славной крошки. – Ваше высочество, простите меня, не будете ли вы столь добры позволить мне прервать вашу беседу? Я хотела бы обсудить с вами небольшое, но неотложное дело государственной важности.

Отпустив Виггз кивком головы, принцесса напряженно ждала продолжения.

Когда они оставались наедине, Бельвейн оказывала на Гиацинту какое-то странное воздействие. Было что-то в величественных манерах этой дамы, от чего принцесса чувствовала себя неловкой и виноватой, как школьница, которая плохо себя вела. Я сам часто ощущаю нечто подобное, беседуя с издателями, а Роджер неоднократно упоминает об одном из своих дядюшек, перед которым он всегда оказывался в самом невыгодном положении. Это, по-видимому, довольно распространенное явление.

– Всего-навсего несколько проектов на рассмотрение вашего величества – ах, как глупо с моей стороны, – я хотела сказать, «вашего высочества». Может быть, конечно, они и не заслужат одобрения вашего высочества, но если вы сочтете их достойными... словом, я на всякий случай изложила их в письменном виде. – И она стала разворачивать один за другим листы пергамента, сияющие всеми цветами радуги.

– Как красиво! – Гиацинта не могла сдержать искреннего восторга.

Графиня вспыхнула от удовольствия. Она обожала цветные чернила, перья, линейки, карандаши. В ее Дневнике день недели всегда был подчеркнут красным, а самые важные слова она обычно выделяла золотом. Едва раскрыв Дневник, вы понимали, что перед вами настоящее произведение искусства.

Первый лист был озаглавлен: «Проект экономии в королевстве». («Экономия» сразу бросалась в глаза, выведенная красным.)

Следующий назывался: «Проект безопасности королевства». («Безопасность» притягивала взор, сияя небесной голубизной.)

Третий лист носил заглавие: «Проект поощрения искусств и литературы в королевстве». «Королевству» на этот раз было явно тесновато. Чутье истинного художника подсказывало графине, что заглавие обязано уместиться на одной строке, но она начала писать слишком крупными буквами, а поскольку зеленые чернила были на исходе, не могла себе позволить начать заново.

Всего таких листов оказалось никак не меньше десятка.

К концу третьего принцесса беспокойно заерзала в кресле.

К концу пятого она поняла, что затесалась в королевское семейство, скорее всего, по недоразумению.

К концу седьмого она дала себе честное слово, что, если графиня на этот раз ее простит, она никогда больше не будет такой дурной девочкой.

К концу девятого она еле сдерживала слезы.

В начале десятого листа красовалось заглавие ярко-оранжевого цвета:

«Проект развития пластики в королевстве».

– Да, – пролепетала Гиацинта слабым голосом, – мне кажется, это неплохая мысль.

– Я подумала, что, если ваше высочество одобрит эту затею, мы как раз сейчас могли бы...

Гиацинта вдруг почувствовала, что заливается краской стыда.

– Я полагаюсь на вас, графиня. По-моему, вы разбираетесь во всем этом куда лучше, чем я.

Ничего подобного она никогда не сказала бы своему отцу.

Глава 5

Графиня Бельвейн потворствует своим слабостям

Графиня Бельвейн сидела на троне (на поваленном стволе у опушки леса) в окружении толпы придворных – той воображаемой аудитории, с которой она не расставалась ни на минуту. Она чувствовала себя не в своей тарелке, чего с ней почти никогда не случалось, но сегодня для этого были все основания. Дело было в том, что ее королевское высочество изъявила желание провести смотр недавно организованной Армии Амазонок Ее Королевского Высочества (см. Проект II – «Безопасность королевства»).

Вы, наверное, спросите: «Что же в этом ужасного?»

Вот что: никакой Армии Амазонок и в помине не было. Никогда! А чтобы не обременять ее высочество тревогой за безопасность королевства, графине приходилось регулярно получать жалованье за всю Армию.

Любая неприятность обращала Бельвейн к любимому Дневнику, он был незаменимым источником утешения в горе. Она раскрыла огромную тетрадь и, лениво листая страницы, стала перечитывать наиболее захватывающие отрывки: «Понедельник, первое июня. Стала плохой».

Она тяжело вздохнула в знак смирения перед необходимостью быть плохой. Роджер Кривоног считает, что ей следовало вздыхать уже много лет подряд: по его мнению, плохой она родилась.

«Вторник, второе июня, – продолжала Бельвейн. – Осознала, что создана для того, чтобы править страной. Среда, третье июня. Решила отстранить принцессу от власти. Четвертое июня. Начала отстранять».

Поразительные по смелости признания в устах любой женщины, хотя бы и ставшей плохой в прошлый понедельник! Без сомнения, этот Дневник не предназначался для чужих глаз. Давайте попробуем, заглянув через плечо коварной женщины, подсмотреть что-нибудь еще из ее откровений.

«Пятница, пятое июня. Сделала...» – о, это, пожалуй, слишком интимно... Далее следует «Основная мысль недели»:

О, берегись! Ведь на пути к вершинам власти
Тебя подстерегают беды да напасти!

Восхитительное нравоучение, которое пришлось бы весьма по вкусу Роджеру, только он никогда не сумел бы его так мило срифмовать. Графиня перелистнула еще несколько страниц и приготовилась запечатлеть события вчерашнего дня.

– Вторник, двадцать третье июня, – сказала она вслух. – Так что же произошло вчера? «Приветствуемая за стенами дворца ликующей толпой...». «Ликующей»? – она

прикусила кончик пера и задумалась. Потом полистала Дневник, пока не нашла нужное место.

– Да, – объявила она уверенно, – в прошлый раз было «восторженной», значит, сейчас очередь «ликующей»! – И она написала «ликующей» тонким карандашом. Потом это будет обведено золотом.

Вдруг она поспешно захлопнула тетрадь: послышались чьи-то шаги. Это была Виггз.

– Если позволите, ваша светлость, ее высочество прислала меня напомнить вам, что она прибудет в одиннадцать, чтобы произвести смотр своей новой Армии.

Подобное напоминание вряд ли могло обрадовать графиню.

– Ах, Виггз, милое дитя... – Она испустила трагический вздох. – Я так утомлена. Глава Придворного Кордебалета, – и она проделала грациозное па, – Главнокомандующий Армии Амазонок, Главный Хранитель Королевской Мантии и Главный Смотритель Мебельных Чехлов – и все это я! Пойди и вытри пыль вон с того бревна для ее высочества. Эти обязанности висят на мне тяжким грузом. Я так редко остаюсь наедине со своими мыслями...

– А вот Воггз говорит, что зато вы не остаетесь внакладе, – невинно заметила Виггз, сметая пыль с бревна. – Это, должно быть, довольно приятно – не оставаться внакладе.

Графиня холодно взглянула на Виггз. Одно дело исповедоваться собственному Дневнику в том, что ты плохая, и совсем другое, когда всякие «воггз» трубят об этом на всех перекрестках.

– Я не знаю, что такое «воггз», но пусть «воггз» немедленно явится ко мне.

Как только Виггз скрылась из виду, графиня решила, что самое время предаться Страстям. Она металась по шелковистой лужайке, повторяя про себя: «Проклятие! Проклятие! Проклятие!» Покончив с Яростью, она мрачно опустилась на бревно и погрузилась в Отчаяние. Темные волосы двумя волнистыми прядями спускались по спине – немного подумав, она перекинула одну на грудь: человек, погруженный в Отчаяние, совсем не обязательно должен выглядеть как попало.

Потом ей пришла в голову новая мысль.

– Я одна, и, значит, мне следует произнести монолог, тем более что я уже так давно этим не занималась... О! Какой жестокий... – Она проворно вскочила с неудобного сиденья. – Разве можно сочинить стоящий монолог на такой коряге? – Она перешла на середину поляны, скрестила руки на груди и начала заново: – О! Какой жестокий...

– Вы меня звали, мэм? – внезапно раздался голос появившейся Воггз.

«Проклятие! – Графиня вздрогнула от неожиданности. – Что ж, придется отложить», – сказала она самой себе и повернулась к Воггз.

По-видимому, Воггз оказалась где-то совсем неподалеку – слишком уж быстро нашла ее Виггз. Подозреваю, что она играла в лесу, вместо того чтобы делать уроки или штопать чулок, словом, преступно пренебрегала своими дневными обязанностями.

Воггз мне объяснить еще сложнее, чем Виггз. Как тяжело автору управляться со всеми этими персонажами, вторгающимися в повествование без всякого приглашения!

Тем не менее она здесь, и с этим приходится считаться.

Мне кажется, Воггз было на год или два меньше, чем Виггз, и воспитана она была похуже.

– Подойди ко мне, – приказала графиня. – Ты и есть так называемая Воггз?

– Да, мэм, – испуганно ответила Воггз. Бельвейн поморщилась на «мэм», но решительно продолжала:

– Так что ты обо мне рассказываешь?

– Н-ничего, мэм.

Графиня снова поморщилась.

– А ты знаешь, что я делаю с маленькими девочками, которые говорят обо мне всякие вещи? Я отрубая им головы! Я, – она старалась придумать что-нибудь пострашнее, – я оставляю их на всю жизнь без сладкого. Я очень на них сержусь...

Воггз вдруг поняла, как ужасно она себя вела.

– О, прошу вас, мэм. – И она упала на колени.

– Не смей называть меня «мэм»! – взорвалась наконец графиня. – Для чего, по-твоему, я стала графиней, если не для того, чтобы меня не называли «мэм»?!

– Не знаю, мэм.

Бельвейн сдалась. Такой уж день выдался – все шло вкривь и вкось.

– Подойди поближе, дитя, – вздохнула она, – и послушай. Ты вела себя совершенно отвратительно, но, так и быть, я тебя прощаю. Только тебе придется кое-что для меня сделать.

– Слушаюсь, мэм.

На этот раз графиня даже глазом не моргнула на «мэм», потому что ее осенила блестящая мысль.

– Ее королевское высочество собирается произвести ревизию Армии Амазонок. Это желание посетило ее высочество не в самое подходящее время, поскольку в настоящее время Армия... (Что могло случиться с Армией в настоящее время?) Ах, да, в настоящее время Армия совершает маневры в отдаленной части страны. Но нам не хотелось бы разочаровывать ее высочество, правда, Воггз? Так что же нам следует сделать?

– Не знаю, мэм, – решительно ответствовала Воггз. Вопрос к Воггз, был, разумеется, риторическим, и графиня продолжала:

– Я скажу тебе, что мы сделаем. Видишь вон то дерево? Вооруженная до зубов, ТЫ будешь маршировать вокруг него, и тогда те, кто будут смотреть с этой стороны, подумают, что мимо дерева проходит большой отряд! За это ты получишь награду. Вот!

– Она достала откуда-то маленький мешочек. – Впрочем, нет, не сейчас – это останется за мной. Ну как, ты все поняла?

– Да, мэм.

– Очень хорошо. Тогда быстро беги во дворец, найди там меч, лук, стрелы и... стрелы и что-нибудь еще, что тебе понравится, и немедленно возвращайся. Спрячься за кустами. Когда я хлопну в ладоши. Армия начнет маршировать.

Воггз сделала неуклюжий реверанс и убежала. Возможно, графиня собиралась продолжить монолог, но ей это не удалось, потому что в лесу показалась принцесса с

придворными дамами. Бельвейн поспешила им навстречу.

– Доброе утро, ваше королевское высочество. Прекрасный день, не правда ли?

– Прекрасный, графиня.

Имея за плечами целую свиту. Гиацинта в первое мгновение держалась более уверенно. Но очень скоро вся ее уверенность начала улетучиваться. Я, кажется, уже упоминал о том, что у меня происходит то же самое с моими издателями, а у Роджера – с его дядюшкой.

Дамы окружили принцессу, приняв картинные позы, а графиня произнесла небольшую речь.

– Бравые защитницы вашего высочества. Армия Амазонок, – тут она отдала честь (к военным порядкам скоро привыкаешь, и они въедаются в плоть и кровь), – с нетерпением ожидали этого дня! Их сердца трепещут от гордости при мысли о том, что ваше высочество удостоило их чести лично произвести смотр.

Она так часто выплачивала жалованье Амазонкам, вернее, получала деньги на жалованье Амазонкам, что сама уже почти верила в существование Армии. Она даже чертила схемы учений (разумеется, превосходными разноцветными чернилами) и собственноручно писала от имени капралов представления особо отличившихся рядовых к званию сержанта.

– Боюсь, я не слишком разбираюсь в военных делах, – сказала Гиацинта, – этим всегда занимался отец. Однако очень мило с вашей стороны, графиня, организовать женщин на мою защиту. Правда, это недешево обходится, не так ли?

– Ваше высочество, армия вообще вещь дорогостоящая.

Принцесса опустилась на приготовленное для нее сиденье и улыбкой пригласила Виггз встать рядом. Придворные дамы расположились полукругом за спиной принцессы и приняли еще более живописные позы.

– Ваше высочество, вы готовы?

– Я жду, графиня.

Графиня хлопнула в ладоши.

После минутной задержки стали появляться Амазонка за Амазонкой в полном боевом облачении. Впечатляющее зрелище... Однако Виггз чуть было все не испортила.

– Да это же Воггз! – удивленно воскликнула она.

– Глупая девчонка, – прошипела графиня, незаметно ткнув ее локтем в бок.

Принцесса вопросительно оглянулась.

– Невозможное создание! – мило улыбнулась графиня. – Представьте, она вообразила, что узнала приятельницу в рядах вашей доблестной Армии.

– Надо же, какая умница! А мне они все кажутся на одно лицо.

Графиня быстро нашлась.

– Форма и дисциплина – вот в чем дело. Они создают необходимое единообразие. Это мнение специалистов по военному искусству.

– Да, конечно, – робко проговорила принцесса.

– А не могли бы они шагать по четыре? Мне кажется, когда я бывала на военных парадах с отцом...

– Ах, ваше высочество, так то же были мужчины. С женщинами это невозможно. Если поставить их бок о бок, они непременно станут болтать.

Придворные дамы, вначале опиравшиеся на правую ногу, согнув левое колено, теперь, согнув правое, отдыхали на левой ноге. Воггз, по-видимому, тоже устала – Амазонки маршировали без прежнего рвения.

– Нельзя ли теперь их всех построить, чтобы я могла обратиться к ним с речью? – попросила Гиацинта.

Это был серьезный удар, и графиня смешалась.

– Боюсь, ваше королевское высочество, – растерянно бормотала она, в то время как ее мозги бешено работали в поисках выхода, –...это будет противоречить... ээ... духу Уложений Королевства... Ээ... армия на марше должна... ээ... должна маршировать! – неожиданно с блеском закончила она и сделала правой рукой плавный жест, показывающий, как должна вести себя армия на марше. – Должна маршировать, – повторила она с ослепительной улыбкой.

– Я понимаю, – сказала Гиацинта, покраснев.

Бельвейн громко кашлянула. Предпредпоследний ветеран армии вопросительно взглянул в ее сторону и скрылся. Появление предпоследнего ветерана вызвало еще более выразительное покашливание. Последний ветеран маршировал как-то совсем неуверенно и увидел на лице главнокомандующего настолько откровенно неодобрительную мину, что стало ясно – парад окончен. Воггз стащила с головы шлем и улеглась в кустах отдыхать.

– Вот и все, ваше высочество, – сказала Бельвейн. – Сто пятьдесят восемь участвовали в смотре, двести семнадцать числятся больными, что дает в сумме шестьсот тридцать два... Девять несут службу во дворце – шестьсот тридцать два и девять – это получается восемьсот пятнадцать. Добавьте к этому двадцать восемь, выбывших из рядов по возрасту, и вы получите практически тысячу.

Виггз открыла было рот, чтобы что-то сказать, но решила предоставить это своей госпоже. Гиацинта, однако, молчала, только вид у нее стал совсем несчастный.

Бельвейн подошла к ней поближе.

– Я забыла напомнить, ваше высочество, сегодня как раз день выплаты жалованья. Один золотой в день, и... сколько там дней в неделе... помножить на... сколько там я насчитала?.. В общем, получается десять тысяч золотых.

Она уже держала в руках заготовленный документ. Не будете ли вы так добры... вот здесь...

Принцесса машинально поставила подпись.

– Благодарю вас, ваше высочество. А теперь я должна немедленно этим заняться.

Графиня присела в реверансе, но, вспомнив о том, что она Главнокомандующий Армии Амазонок, отдала честь и удалилась военным шагом.

Вот в этом самом месте Роджер Кривоног описывает графиню, которая покидает принцессу с кругленькой суммой в кармане, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести, а потом сразу же переходит к следующей главе: «Тем временем король Евралии...» В результате у читателей складывается впечатление, что графиня Бельвейн была чуть ли не обыкновенной воровкой. Со стороны Роджера это просто

бесчестно.

Дело в том, что графиня имела слабость... О некоторых из ее слабостей я уже имел честь вам сообщить, но об этой еще не упоминал. Одним из ее любимых занятий было... помогать бедным.

Я знаком с одним пожилым джентльменом, который каждый вечер играет в шары. Он посылает мяч в конец поля, уныло бредет за ним и тащит его обратно. Представьте себе его, а затем вообразите прекрасную графиню верхом на сливочно-белом иноходце среди «ликующей толпы», щедро швыряющую мешочки с золотом налево и мешочки с серебром направо. Честное слово, мне кажется, ее пристрастие гораздо более привлекательно.

И, уверяю вас, это очень затягивает. Если уж кто приобрел привычку «швырять» деньги направо и налево, он не избавится от нее до конца жизни. Просто давать деньги обычным способом становится почти невозможно. Подумайте сами: сможет ли человек, в некий героический момент жизни гордо сунувший кэбмену полкроны, потчевать его после этого трехпенсовиками и медью? Потом уж приходится швырять всю...
вовсю...

Так же было и с Бельвейн: привычка швырять деньги народу полностью ею завладела. Конечно, это достаточно дорогостоящее увлечение, но на самом деле графиня не наносила никому никакого ущерба. Жители Евралии платили налог, специально введенный для содержания Армии Амазонок. Эти деньги возвращались к ним в виде подаяния. Что же может быть честнее? Несомненно, это приносило ей всеобщее обожание и восхищение, но какая женщина не нуждается в обожании? Стоит ли ее за это порицать? В любом случае этот порок в корне отличается от мелочного казнокрадства, в котором смеет ее обвинять Роджер. Давайте смотреть правде в глаза!

Глава 6

В Бародии нет волшебников

«Тем временем король Евралии вел войну с неиссякаемым упорством».

Так пишет Роджер в своей знаменитой десятой главе, и действительно, у Веселунга хлопот было предостаточно.

После объявления войны вооруженные силы Евралии вступили на территорию Бародии. Как бы ни были накалены страсти, обоим монархам приходилось следовать давним традициям, и, поскольку в прошлой войне последняя битва происходила на территории Евралии, местом первого сражения в нынешней должна была стать Бародия.

Поэтому армия Веселунга вторглась в пределы Бародии: в ее распоряжение были предоставлены удобные пастбищные угодья, и под приветственные возгласы местных жителей евралийцы разбили лагерь.

Прошло несколько недель, но пока еще никто ни с кем не сражался. Однако нельзя сказать, чтобы воюющие стороны бездействовали. В первое же утро король Веселунг облачился в плащ-невидимку и отправился в неприятельский стан на разведку. К несчастью, то же самое и в тот же день решил проделать король Бародии, у которого тоже был плащ-невидимка.

Поэтому примерно на середине пути два короля столкнулись друг с другом, что привело обоих в состояние величайшего изумления. Они решили, что дело не обошлось без колдовства, и разошлись по домам посоветоваться со своими Советниками. Советники ничего особенного не придумали, но предложили их величествам предпринять новую попытку назавтра.

– Только по другой дороге, – решили оба Советника, – чтобы миновать Волшебную Стену.

Поэтому на следующее утро оба короля отправились по другой, южной дороге, и поэтому на половине пути опять произошло ужасающее столкновение. Оба они сели на землю и стали обдумывать происшествие.

– Чудо из чудес! – пробормотал себе под нос Веселунг. – Оказывается, кто-то воздвиг Волшебную Стену между воюющими сторонами.

Но он знал, что делать. Выпрямившись во весь рост и протянув руку к Волшебной Стене, он торжественно, проговорил:

– Вол, вил, во, во. Бо, бил...

В это самое время король Бародии воскликнул:

– Чудо из чудес! Неужели...

Они разом замолчали, потом смущенно кашляли. Каждый со стыдом вспомнил, что произошло накануне и как он испугался.

– Вы кто? – спросил король Бародии.

Веселунг подумал, что нет никакой необходимости признаваться, кто он такой.

– Я свинопас его величества, – ответил он голосом, которым, по его мнению, надлежало говорить свинопасам.

– Ээ... и я свинопас, – заявил король Бародии, не отличавшийся находчивостью.

Так что им ничего не оставалось, как обсуждать вопросы свиноводства.

Нельзя сказать, чтобы Веселунг был знатоком этого дела. Король Бародии знал еще меньше.

– Ээ... сколько у вас? – спросил последний.

– Семь тысяч, – наобум ответил Веселунг.

– И у меня тоже, – нерешительно пробормотал король Бародии.

– Пар, – пояснил Веселунг.

– У меня одиночки, – сказал король Бародии, решив наконец проявить независимость.

Король Евралии был приятно удивлен тем, что он с легкостью нашел общий язык со специалистом по столь сложному предмету. Король Бародии тоже начал чувствовать себя более уверенно.

– Мне пора. Время... ээ... доить.

– Да и мне тоже, – согласился Веселунг. – Между прочим, – добавил он, – вы своих чем кормите?

Король Бародии был не совсем уверен, чем их кормят – яблочным соусом или чем-то еще. Он подумал и решил, что, пожалуй, все-таки не яблочным соусом.

– Это секрет, – произнес он таинственным шепотом. – Передается из поколения в поколение.

Веселунг понимающе протянул: «А-аа...» Ничего лучше придумать он не смог, но тон у него при этом был очень многозначительный. Потом он попрощался и возвратился к себе в лагерь.

Не стоит и говорить о том, что он пребывал в отменном расположении духа, расписывая свои подвиги за ужином. Между прочим, король Бародии также был весьма доволен собою.

С тех пор прошло немало дней, но война еще только начиналась. Время от времени армия Евралии выстраивалась в боевом порядке перед лагерем и вызывала бародианцев на решительную битву, а иногда, наоборот, армия Бародии строилась на виду у неприятеля в надежде спровоцировать конфликт. В промежутках особые отряды прочесывали всю округу вдоль и поперек в поисках хоть какого-нибудь волшебника, а Советники листали старинные книги, рассчитывая обнаружить подходящее к случаю магическое заклинание, и обменивались оскорбительными посланиями. На исходе месяца никто не мог с уверенностью сказать, на чьей стороне перевес.

Как раз посередине между лагерями воюющих держав возвышался небольшой холм, увенчанный скрюченным деревцем. Вот там-то и сошлись однажды ранним утром два короля и два Советника, чтобы обсудить «кровавое дело» (выражение Роджера). Предметом совещания был поединок между двумя монархами, с незапамятных времен являвшийся неотъемлемой принадлежностью евралобародийских военных конфликтов. После того как короли обменялись рукопожатиями, Советники стали обсуждать детали.

– Смеею предположить, – начал Советник Бародии, – что ваши величества пожелают сражаться на мечах.

– Конечно, – поспешно согласился король Бародии, настолько поспешно, что Веселунг сразу понял – у него тоже заколдованный меч.

Советник Евралии вставил свое слово:

– Плащи-невидимки не допускаются.

– А у вас разве есть? – спросили друг друга оба короля одновременно.

Веселунг нашелся первым:

– Естественно, у меня есть. Интересно, что второй такой же имеется только у одного из моих подданных. Это, представьте себе, мой свинопас.

– Как забавно, – удивился король Бародии. – И у моего свинопаса тоже...

Веселунг не растерялся:

– Что же тут удивительного? Это предмет первой необходимости в свиноводстве.

– Особенно в дойный период, – подтвердил король Бародии.

Они посмотрели друг на друга с уважением. Мало кто из государей в то время мог похвастаться познаниями в свиноводстве.

Советник Бародии обратился к прецедентам:

– Применение плащей-невидимок было запрещено после знаменитого поединка между дедушками ваших величеств.

– Прадедушками, – не удержался Советник Евралии.

– Нет, дедушками!

– Прадедушками, если я не ошибаюсь.

Страсти быстро накалялись, и Советник Бародии уже был близок к тому, чтобы как следует пхнуть Советника Евралии, но тут вмешался Веселунг.

– Это неважно, – раздраженно произнес он, – просто скажите, что произошло, когда наши... ээ... предки вступили в единоборство.

– Произошло следующее, ваше величество. Когда дедушка вашего величества...

– Прадедушка, – еле слышно прошептал упрямец.

Советник Бародии бросил на оппонента уничтожающий взгляд и продолжал:

– Предки ваших величеств вознамерились положить конец войне и определить победившую сторону по результатам поединка между государями воюющих держав. Обе армии выстроились друг против друга в полном боевом порядке. Перед лицом армий монархи обменялись рукопожатием. Обнажив мечи и завернувшись в плащи-невидимки, они...

– Ну? – нетерпеливо сказал Веселунг.

– Это может произвести неприятное впечатление на ваше величество...

– Неважно, продолжайте.

– Как вам будет угодно, ваше величество. Обнажив мечи и завернувшись в плащи-невидимки, они... разошлись по домам ужинать.

– Ай-яй-яй! – возмутился Веселунг.

– Когда вышеупомянутые войска, весь вечер с нетерпением ожидавшие исхода поединка, в недоумении вернулись в лагерь, они обнаружили их величества...

– Спящими, – быстро вставил Советник Евралии.

– Спящими, – согласился Советник Бародии. – Оправдательные мотивы обоих величеств, состоящие в том, что они внезапно забыли, что должны сражаться, хотя и

признанные убедительными их современниками, не считаются таковыми в более поздних исторических исследованиях. (У Роджера и у меня тоже не считаются.)

Обсудив еще несколько более мелких вопросов, участники конференции разошлись, назначив на следующее утро решающий поединок между двумя потомками знаменитых воинов.

Погода стояла отменная. С самого раннего утра. Веселунг был на ногах и отрабатывал приемы на подвешенной подушке. Время от времени он листал толстый том «Искусства владения мечом» и возвращался к подушке. Во время завтрака было заметно, что он волнуется, но держит себя в руках. После завтрака он написал нежное письмо Гиацинте и еще более нежное – графине Бельвейн – и сжег их оба. Много раз он декламировал на разные лады «Бо, бо, бил, бол...», пока оно не стало звучать надлежащим образом. Заклинание могло пригодиться. По дороге к месту сражения он все время вспоминал дедушку. Не то чтобы он его одобрял, но вполне мог понять.

Поединок получился просто великолепным. Сначала Веселунг нанес удар в голову королю Бародии, который тот парировал. Потом король Бародии нанес королю Евралии удар в голову, а король Евралии его парировал. Это произошло четыре или пять раз, а потом Веселунг применил хитрый трюк, которому его обучил капитан личной охраны. На этот раз была его очередь парировать, а он вместо этого взял да ударил противника по голове, и, если бы тот от удивления не отшатнулся и не упал, дело могло бы кончиться чем-нибудь серьезным. Вечер застал их все за тем же занятием: один бьет, другой парирует, а потом наоборот. Каждый удар противостоящие армии приветствовали овацией. Когда наступившая темнота положила конец этому славному сражению, обоим противникам воздали равные почести.

Принимая этим вечером поздравления от своих подданных, король Евралии был сдержан, но горд. Настолько горд, что не удержался и написал письмо дочери:

"Моя дорогая Гиацинта! Ты будешь рада узнать, что твой отец жив и здоров и что никому не суждено попортить честь и славу Евралии. Сегодня я сражался один на один с королем Бародии и, принимая во внимание, что он вопреки правилам чести дрался заколдованным мечом, могу смело сказать, что я не сплеховал. Графине Бельвейн, может быть, будет небезынтересно узнать, что я нанес 4638 ударов и парировал 4637. Для человека моего возраста это неплохо. Помнишь ту волшебную мазь, которую делала моя тетушка? Не осталось ли у нас немного?"

На днях я проделал ловкую штуку, прикинувшись свинопасом. Мне пришлось довольно долго беседовать о свиньях с настоящим свинопасом, и он ни о чем не догадался. Графине, наверное, будет интересно об этом узнать. Если бы он заподозрил, кто я такой, могло бы получиться очень неловко.

Надеюсь, ты поживаешь неплохо. Спрашиваешь ли ты совета у графини? Я думаю, она сможет тебе помочь в любых затруднениях. Молодой девушке нужна руководящая рука. Спрашиваешь ли ты у нее совета?

Боюсь, что война затянется. Похоже, в этой стране нет ни одного волшебника, а без них непонятно, как быть дальше. Я часто повторяю заклинание – ты помнишь какое: Бо, бо, бил, бол. Во, во, вил, вол.

Оно, наверное, неплохо отпугивает драконов, но мы пока еще ни на шаг не

продвинулись к разгрому неприятеля. Можешь передать графине насчет заклинания – ей будет интересно.

Завтра продолжаю поединок с королем Бародии. Теперь я твердо уверен, что смогу с ним справиться. Парирует он хорошо, а вот прямые удары у него неважные. Я рад, что графиня нашла мой меч. Передай, что он очень пригодился.

Пора уж ложиться спать, потому что надо набраться сил перед поединком. До свидания, дорогая. Остаюсь твой вечно любящий отец...

P.S. Надеюсь, тебе там не очень тяжело. Если будут затруднения, спроси совета у графини Бельвейн, она сумеет помочь. Не забудь насчет мази. Может быть, у графини есть другой рецепт? Эта мазь помогает сохранить твердость духа. Боюсь, что война будет затяжной".

Король запечатал письмо и отправил его с гонцом на следующее утро. Принцесса получила его в критический момент, и об этом вы узнаете в следующей главе.

Глава 7

Принцесса получает письмо и пишет письмо сама

Принцесса вернулась с утренней прогулки в очень дурном настроении. Она отправилась прямо на свое любимое место на башне и послала за Виггз.

– Виггз, – спросила она, – что со мной происходит?

Виггз была озадачена. Она только что вытирала пыль с книг в библиотеке, а когда вы этим занимаетесь, ничего другого не остается, как заглянуть хоть одним глазком то в одну, то в другую книгу, так что, когда работа окончена, голова оказывается забита всякой всячиной и сразу отвечать на вопросы не так-то просто.

– Я хорошенькая? – продолжала Гиацинта.

Этот вопрос был легкий.

– Очень! – с искренним убеждением проговорила Виггз.

– Может быть, я недостаточно добра?

– Недобра?! – Виггз даже задохнулась от негодования.

– Тогда почему – о, Виггз, я знаю, что я говорю глупости, но мне очень неприятно, что все гораздо больше любят графиню, чем меня.

– Я уверена, что это не так, ваше высочество.

– Во всяком случае, ее приветствуют гораздо громче.

Виггз старалась придумать что-нибудь утешительное, но ее голова все еще была набита тем, с чего она вытирала пыль.

– Почему все от нее в таком восторге? – требовала ответа Гиацинта.

– Может быть, потому, что она такая смешная? – сказала, наконец, Виггз.

– Смешная? Она смешная? Мне она смешной не кажется.

– А разве не было смешно, когда она заставила Воггз шагать вокруг дерева?

– Вокруг дерева? Ты что, хочешь сказать, что это все время была Воггз?

– Ну да, конечно. По-моему, графиня это очень смешно придумала.

Принцесса задумчиво посмотрела в сторону леса и кивнула головой.

– Да, так оно и есть. Виггз, я подозреваю, что никакой Армии никогда и не было. А я плачу им жалованье каждую неделю. – И она мрачно добавила: – Бывают моменты, когда я начинаю сомневаться в ее честности.

– Вы хотите сказать, что она плохая? – спросила Виггз с ужасом.

Гиацинта снова утвердительно кивнула.

– Я никогда не бываю хорошей, – решительно заявила Виггз.

– Что ты говоришь, глупышка! Ты лучшая девочка в Евралии.

– Вовсе нет. Я иногда делаю ужасные вещи. Знаете, что я сделала вчера?

– Что-нибудь страшное? – улыбнулась Гиацинта.

– Порвала передник.

– Малышка, это не значит быть плохой. – Принцесса произнесла это отсутствующим тоном: она все еще вспоминала смор своей Армии.

– А графиня говорит, что значит.

– Графиня?

– Знаете, почему мне хочется стать очень хорошей? – доверительно сказала Виггз, подходя вплотную к принцессе.

– Почему, дорогая?

– Потому что тогда я смогу танцевать, как фея.

– Думаешь, это делается именно так? – удивилась Гиацинта. – В таком случае, уж графиня-то должна была бы танцевать очень неуклюже. – Вдруг она что-то вспомнила. – Дитя мое, ты же собиралась рассказать мне о фее. Еще давно. Расскажи сейчас, это поможет мне забыть всякие неприятные вещи.

Это была очень простая история. Таких немало встречалось в книгах, с которых Виггз вытирала пыль. Но и времена тогда были простые, поэтому даже самая старая история казалась новой и интересной.

Виггз гуляла в лесу одна. Вдруг мимо нее в панике пронесся крольчонок; а за ним по пятам – хорек. Виггз подхватила маленькое пушистое создание на руки и крепко прижала к груди. Хорек остановился и стал прогуливаться поодаль, заложив руки в карманы, но потом вспомнил о важном письме, которое забыл отправить, и удалился. Тут крольчонок исчез, а перед девочкой появилась фея.

– Ты спасла мне жизнь, – сказала фея. – За мной гнался злой волшебник, и, если бы не ты, он убил бы меня.

– Простите, ваша милость, но я думала, что феи не умирают.

– Мы становимся смертными, если принимаем образ человека или животного. Теперь-то он мне не страшен, но пять минут назад... – Фея содрогнулась.

– Я так рада, что теперь вы в безопасности, – чистосердечно обрадовалась Виггз.

– Это благодаря тебе, дитя мое. Я должна тебя наградить. Возьми это кольцо. Если ты целый день будешь хорошей, оно исполнит одно хорошее желание. Если целый день будешь плохой, можно загадать одно плохое желание. Одно хорошее и одно плохое – вот все, на что оно способно. – С этими словами она исчезла, а Виггз осталась одна с колечком в руке.

Разумеется, потом Виггз изо всех сил старалась быть хорошей, но всегда что-нибудь выходило не так. То передник порвется, то она читает книги, с которых надо вытирать пыль, то... Всякий другой на ее месте давно бы уже махнул рукой на хорошее желание и посвятил себя исполнению плохого. Но Виггз была по-настоящему славной девочкой.

– И я ужасно, просто ужасно хочу стать хорошей, – очень серьезно сообщила принцессе Виггз, – чтобы я могла пожелать танцевать, как фея. – Охваченная внезапным сомнением, она спросила: – А это действительно хорошее желание?

– Это прекрасное желание, но я думаю, что ты и так могла бы неплохо танцевать, если бы попробовала.

– Не могла бы. Я всегда танцую вот так.

Она вскочила и сделала несколько танцевальных движений.

Виггз была милой девочкой, но ее танец невольно вызывал в воображении очень пыльную дорогу в гору, на вершине которой вас не ожидало ничего, кроме вчерашнего рисового пудинга. Что-то в этом роде.

– Это нельзя назвать грациозным, не так ли? – спросила Виггз, остановившись

передохнуть.

– Да, мне кажется, феи действительно танцуют немного лучше.

– Вот поэтому я и хочу стать хорошей, чтобы загадать свое желание.

– Мне хотелось бы взглянуть на кольцо... Какое удивительное приключение!

Доброе утро, графиня, – сказала она не особенно приветливо. (Интересно, давно ли она уже здесь?)

– Доброе утро, ваше королевское высочество. Я позволила себе войти без объявления. А-а, милое дитя... – графиня одарила Виггз ласковой улыбкой. (Если она случайно что-нибудь и подслушала, то это была всего лишь ребячья болтовня.)

– Что вам угодно? – спросила принцесса, крепко ухватившись за ручки кресла. На этот раз она ни за что, ни за что не уступит этой женщине.

– Обычные текущие дела. Речь идет об известном вам проекте поощрения литературы. Ваше высочество приняло очень мудрое решение о том, что в отсутствие мужчин, совершающих суровый ратный подвиг, мы, женщины, должны всемерно содействовать процветанию изящных искусств, и с этой целью... если помните, мы говорили о состязании и... ээ...

– Ах, да, – сказала Гиацинта нервно, – давайте обсудим это завтра...

– Состязание, – мечтательно говорила графиня, блуждая взглядом по стенам. – Что-то вроде денежного приза, – прибавила она словно в трансе.

– Да, наверное, нужна какая-то премия. («Почему бы и нет, – подумала принцесса, – если литература нуждается в поощрении?»)

– Мешочки с золотом, – шептала графиня самой себе. – Много мешочков с золотом. Большие мешки серебра и маленькие мешочки золота. – Она уже видела, как бросает их в толпу.

– Прекрасно, мы вернемся к этому завтра, – поспешно проговорила принцесса.

– Я уже все приготовила заранее. Вашему высочеству осталось только поставить свою подпись... чтобы не обременять ваше высочество излишними хлопотами. Это так экономит время. – И она с обезоруживающей улыбкой протянула принцессе лист, разрисованный разноцветными чернилами.

Принцесса подписала.

– Благодарю вас, ваше высочество. Теперь я должна удалиться, чтобы лично все организовать. – Блюстительница интересов литературы с достоинством попрощалась с повелительницей и приступила к исполнению своих обязанностей.

Гиацинта в отчаянии взглянула на Виггз:

– Вот опять! Опять то же самое. Я не знаю, в чем дело, но эта женщина всегда командует мной как девчонкой. О, Виггз, я чувствую себя такой одинокой и беспомощной в окружении женщин. Как бы мне хотелось, чтобы здесь был хоть один мужчина.

– Разве все мужчины во всех странах воюют?

– Нет, не во всех. Есть еще Арабия. Ты, может быть, помнишь, – хотя вряд ли – откуда тебе знать – отец как раз собирался пригласить к нам принца Удо из Арабии, но тут началась война. О, как бы мне хотелось, чтобы отец был здесь! – Она опустила голову на руки, но мы никогда не узнаем, уронила бы она несколько царственных

слезинок или разревелась по-простому. Потому что вошла придворная дама, и Гиацинта овладела собой.

– Приближается гонец, ваше королевское высочество! Несомненно, из лагеря его королевского величества.

Взвизгнув от восторга и забыв о королевском достоинстве, принцесса бросилась вниз по лестнице, а вслед за ней – верная Виггз.

А что тем временем делала графиня? Она все еще оставалась во дворце. Более того, она находилась в Тронном Зале, и еще более того, она восседала на королевском троне.

Покинув принцессу, она увидела приоткрытую дверь в Тронный Зал и не могла удержаться, чтобы туда не заглянуть. Одна из служанок наводила там порядок и вопросительно взглянула на графиню.

– Можете идти, – сказала графиня с достоинством. – Ее королевское высочество просила меня ждать ее здесь.

Служанка сделала реверанс и вышла. Тогда графиня произнесла удивительную фразу:

– Когда я стану королевой Евралии, мне больше не придется никого просить ничего подписывать.

Ее дальнейшее поведение было еще более удивительным. Прижав палец к губам и тихонько мурлыкая себе под нос, она подошла к двери и оттуда громко объявила: «Ее величество королева Бельвейн Первая!»

Вслед за тем состоялся выход ее величества. Это была настоящая королева – величественная и грациозная, не чета какой-нибудь семнадцатилетней девчонке. Благосклонно кивая направо и налево расступившимся придворным, она подошла к трону и, изысканным движением подобрав шлейф, уселась на него. Появления ее величества ожидали знатные посетители: принц Гансклякс из Трегонга, принц Ульрих, герцог Нульборо.

– Ах, дорогой принц Гансклякс! – воскликнула королева, протянув правую руку. – И вы, милый принц Ульрих! – Приветствие сопровождалось изящным жестом левой руки. – И вы тоже, дорогой герцог! – Ее правая рука, с которой принц Гансклякс к тому времени покончил, протянулась к герцогу, чтобы он тоже мог припасть к ней устами. Но рука замерла на полпути, потому что графиня скорее почувствовала, нежели увидела, принцессу, с изумлением наблюдавшую за ней из дверного проема.

Не оглядываясь, графиня снова вытянула вперед правую руку, затем левую. Потом, словно только что заметив принцессу, она вскочила в милом смущении.

– О, ваше высочество, вы застали меня за гимнастическими упражнениями. – Она слегка улыбнулась. – Гимнастика для рук – укрепляет... ээ... укрепляет... – Голос ее замер, потому что принцесса не спускала с нее холодной взгляда.

– Очаровательно, графиня, – сказала Гиацинта. – Жаль прерывать ваши занятия, но у меня есть для вас важная новость. Вы, должно быть, будете рады узнать, что я пригласила принца Удо из Арабии посетить нашу страну. Я чувствую, что мы нуждаемся в посторонней помощи.

– Принца Удо! – вскричала графиня. – Сюда!

– У вас есть какие-либо возражения? – Теперь Гиацинте было легче проявить твердость, потому что она уже отослала письмо с приглашением. И, что бы ни сказала графиня, изменить это она была не в силах.

– Что вы, ваше высочество, никаких возражений, но все это немного странно. А расходы! Мужчины так много едят. К тому же, – она с очаровательной улыбкой окинула взглядом принцессу и Виггз, – мы так мило проводим время в своем узком кругу. Конечно, если бы он заглянул на денек, скажем, к вечернему чаю...

– Надеюсь, он не откажется погостить у нас несколько месяцев. Поскольку в Бародии совсем нет волшебников, война будет долгой.

– Конечно, – начала Бельвейн, – если такова воля вашего высочества... Однако мне кажется, что его королевское величество...

– Дорогая графиня, – прервала ее Гиацинта, – приглашение уже послано, так что говорить тут не о чем, не так ли? Вы закончили свои упражнения? Да? Тогда, Виггз, будь добра, проводи графиню.

Она повернулась и вышла. Графиня ошеломленно смотрела ей вслед, застыв в трагической позе с прижатым к груди Дневником.

– Это ужасно... Я чувствую, что постарела на несколько лет. – Потом взглянула на Дневник: – Представляю себе, какую сцену мне придется описать.

Мысль о любимом занятии придала ей сил, и она принялась обдумывать случившееся. Как бы помешать этому ужасному юнцу, который собирается наводить тут свои порядки? Очень хочется... И тут она кое-что вспомнила.

– Виггз, – спросила графиня, – я слышала, что ты рассказывала принцессе какую-то интересную историю, о желании...

– О, это мое кольцо, – охотно объяснила девочка.

– Если целый день быть хорошей, оно исполнит хорошее желание. А мое желание – это...

«Желание, – подумала графиня, – ну я желаю, чтобы... Ты говоришь, сначала надо целый день быть хорошей?»

– Да.

Бельвейн снова задумалась: «Интересно, что они имеют в виду, когда говорят „быть хорошей“?»

– Конечно, – продолжала Виггз, – если целый день быть плохой, то можно загадать плохое желание. Но ведь это ужасно, правда? Я бы ни за что не стала желать чего-нибудь плохого.

– Конечно, милое дитя, это просто отвратительно. А можно мне взглянуть на кольцо?

– Вот оно. Я всегда ношу его на шее.

Графиня взяла кольцо.

– Слышишь? Зовет принцесса! Беги скорее, дитя! – Она почти насильно вытолкнула Виггз вон и закрыла за ней дверь.

Оставшись одна, она принялась расхаживать из угла в угол огромного зала, поддерживая левой рукой локоть правой и опершись на кулак подбородком.

– Если быть хорошей, то хорошее желание, а если быть плохой, то плохое, –

размышляла она вслух.

– Вчера я получила на содержание Армии десять тысяч золотом, а действительные расходы – это то, что я заплатила... то, что я должна Воггз. Я думаю, это как раз то, что ограниченные люди называют «быть плохой» Я думаю, что принц Удо тоже так считает. Я думаю, что он собирается жениться на принцессе и бросить меня в тюрьму. Не бывать этому! – И она гордо вскинула голову.

Стоя в центре Тронного Зала, графиня Бельвейн подняла кольцо высоко вверх.

– Я хочу, – громко проговорила она со зловещей усмешкой, – я хочу, чтобы с принцем Удо по дороге случилось что-нибудь очень смешное.

Глава 8

Принц Удо проводит бессонную ночь

Каждому человеку хочется произвести приятное впечатление при первом визите, но как раз перед самым прибытием принца Удо в Евралию у него появились основания опасаться, что это будет не так-то просто. И сейчас вы поймете почему.

Он охотился в лесу со своим другом герцогом Лионелем.

По пути во дворец их нагнал гонец его величества короля Евралии с посланием от принцессы Гиацинты. Принц взял письмо, взломал печати и развернул его.

– Подожди минутку, Лионель, – сказал он своему другу. – Кажется, мне предстоит небольшое приключение. А если впереди приключение, я хочу, чтобы ты был рядом.

– Я никуда не спешу, – ответил Лионель, слез с лошади и отдал ее на попечение грума. Как раз в этом месте дорога пересекала ручей. Он уселся на огромный булыжник на берегу ручья и стал лениво кидать в воду мелкие камешки.

Принц читал письмо.

Буль... буль... буль... буль...

Принц поднял глаза от письма.

– Сколько времени нужно, чтобы добраться до Евралии?

– Сколько времени понадобилось гонцу? – ответил Лионель, не отрывая взора от бегущей воды (буль...).

– Я и сам мог бы догадаться, просто я очень расстроен письмом. – Он обратился к гонцу. – Сколько времени...

– А разве в письме нет даты? – сказал Лионель (буль...).

Принц Удо не обратил внимания на это замечание и закончил вопрос.

– Неделю, сир, – ответил гонец.

– Поезжайте в замок и ждите меня там. Я напишу ответ.

– А в чем дело? – спросил Лионель, когда гонец отъехал достаточно далеко. – Действительно приключение?

– Похоже на то. Я думаю, что это следует назвать именно так.

– А я тоже в нем участвую?

– Да, я думаю, там найдется место и для тебя.

Лионель перестал бросать в воду камешки и повернулся к принцу.

– Могу я все-таки узнать, в чем дело?

Принц протянул было ему письмо, но вовремя вспомнил, что оно от дамы, и отдернул руку. Он всегда гордился своим безупречным воспитанием.

– Письмо от принцессы Гиацинты. Она не вдаётся в подробности, но ее отец воюет, в стране что-то не в порядке, и ей нужна помощь. Из этого может выйти неплохое приключение.

Лионель отвернулся и снова стал бросать в воду камешки.

– Что ж, желаю удачи. Если там окажется дракон, помни, что...

– Но ты тоже едешь. Я хочу, чтобы ты был со мной.

– Чтобы что?

– Как это?

– Чтобы делать что? – повторил Лионель.

– Ну, – протянул принц Удо в некотором затруднении, – чтобы... ээ... чтобы...

Он считал подобный вопрос просто неприличным. Лионель должен прекрасно представлять себе, что именно ему надлежит делать. В отсутствие Удо он должен рассказывать принцессе истории о беспримерной храбрости и мудрости принца. Если вдруг речь пойдет о мужской красоте, уместно было бы привести в качестве образца внешность принца. А в присутствии Удо он должен всеми способами выставлять его на передний план, как и подобает близкому другу и чего трудно было бы ожидать от постороннего. Конечно, нельзя же ему все это объяснить. Человек, обладающий хотя бы малой толикой такта, и сам понимает...

– Конечно, – сказал он, – можешь не ехать. Но будет довольно нелепо, если я явлюсь без сопровождения. К тому же... к тому же говорят, что принцесса Гиацинта очень хороша собой, – довольно нелогично прибавил он.

Лионель рассмеялся. Приключения бывают разные. Находиться рядом с красавицей принцессой и обсуждать с ней достоинства другого мужчины – совсем не то приключение, к которому он стремился.

Он разом сбросил в воду оставшиеся камешки и встал.

– Разумеется, если такова воля вашего высочества...

– Не будь идиотом, Лионель, – обиженно перебил его принц Удо.

– Ладно, тогда я поеду с моим другом Удо, если я ему нужен.

– Еще как!

– Отлично, решено! В конце концов, там могут оказаться два дракона.

Драконов, конечно, могло оказаться по одному на каждого. Но принцесса-то была всего одна.

Итак, три дня спустя друзья с легким сердцем отправились навстречу приключению. Гонец с известием об их прибытии выехал раньше, и они рассчитывали прибыть в Евралию через два дня после него. Простые обычаи того времени позволяли отправляться в дорогу без утомительных сборов, налегке, и не думать заранее, где провести ночь. На самом деле, это лучший способ. Чемодан – вот что уничтожило романтику путешествий!

Был прекрасный летний день. Они ехали мимо высоких башен и крепостных стен, пересекали сверкающие ручьи, скрывались в высоких сосновых лесах и снова выбирались на яркое солнце. Лионель распевал во весь голос старинные песни, а принц Удо упражнялся в военном искусстве, подбрасывая в воздух меч и ловя его на лету.

Когда настал вечер, они оказались неподалеку от хижины дровосека у подножия высокого холма и там решили остановиться на ночлег. У дверей дома их встречала старая женщина.

– Добрый вечер, ваше королевское высочество, – буркнула она в знак приветствия.

– Стало быть, вы меня знаете? – ответил Удо, более польщенный, нежели удивленный.

– Я знаю всех, кто входит в мой дом, – сказала старуха угрюмо, – и всех, кто из

него выходит.

Такой разговор заставил Лионеля насторожиться. Получалось, что есть разница между людьми, входящими в дом и покидающими его, и это наводило на какие-то неприятные мысли.

– Не могли бы вы приютить нас на ночь, добрая женщина? – спросил принц Удо.

– Вы, ваше высочество, руку поранили, – ответила старуха, словно не расслышав вопроса.

– А-а, это пустяки, – поспешно сказал Удо. Один раз он поймал меч не за рукоятку, а за острое – просто глупая оплошность.

– Ах, да... Там, куда вы спешите, руки не понадобятся, так что это действительно пустяки.

В те времена старые женщины часто изъяснялись подобным образом, и Удо не обратил на это особого внимания.

– Да, да, – проговорил он. – Но вы могли бы предоставить мне и моему другу ночлег?

– Поскольку вам недолго осталось путешествовать вместе, входите и располагайтесь.

Переступив порог, Удо оглянулся и прошептал:

– Может, это фея. Будь с ней добрее.

– Как можно быть «добрее» к хозяйке дома? Это она вроде бы должна проявлять доброту и гостеприимство.

– Ну, ты понимаешь, что я имею в виду. Будь с ней повежливее.

– Дорогой Удо, и это вы говорите мне, первому придворному его королевского величества!

– Ох, перестань...

– Садитесь и отдыхайте. Здесь в котле уже кое-что готово для вас обоих, – пригласила хозяйка.

– Прекрасно, – сказал Удо, одобрительно взглянув на большой котел, подвешенный над огнем.

Для такой небольшой комнаты очаг был, пожалуй, великоват. Это первое, что пришло ему в голову, но по мере того, как он смотрел на очаг, комната становилась все больше и больше, а очаг отодвигался все дальше и дальше, и наконец Удо словно оказался в огромной пещере в глубине гор. Он протер глаза и вот уже снова был в маленькой кухне перед горящим очагом, а из котелка доносился аппетитный запах.

– Тут у меня еда на все вкусы – даже для принца Удо.

– Я совсем непривередлив в еде, – мягко заметил Удо.

Комната как раз сузилась до нормальных размеров, и он почувствовал приятное спокойствие.

– Сейчас, может, и нет, а потом придется... Старуха наполнила тарелки, и гости принялись за еду.

– Это просто восхитительно! – Удо положил ложку на тарелку, чтобы немного передохнуть.

– Думаете, это вам всегда будет по вкусу? – ворчливо осведомилась старуха.

– Конечно! Разве может не понравиться такая чудная стряпня?

– Там видно будет... – многозначительно протянула старуха.

Удо стала несколько раздражать ее манера выражаться. Она как будто все время намекала на то, что с ним вскоре приключится что-то неприятное. А с Лионелем вроде бы нет.

Он решил втянуть Лионеля в разговор, чтобы это выяснить.

– Мы с моим другом надеемся послезавтра быть в Евралии.

– Надеяться никому не заказано, – был ответ.

– Боже мой, неужели с нами что-то случится по дороге?

– Это зависит от того, что вы имеете в виду, говоря «с нами».

Лионель отодвинул стул и встал:

– Что со мной случится, я знаю точно. Я сейчас засну.

– Да, – сказал Удо, тоже поднимаясь, – у нас впереди долгое путешествие, и в конце нас ждет приключение. – Он тревожно взглянул на старуху, но она молчала. – Поэтому пора ложиться.

– Вот сюда, – показала старуха и повела их наверх, освещая путь свечой.

Удо провел беспокойную ночь. Он не мог отделаться от ощущения, что с ним что-то должно случиться, и, проснувшись утром, даже немного удивился – ничего не произошло. Все было как накануне. Удо внимательно оглядел себя в зеркало и пригласил Лионеля в свидетели. Оба они не обнаружили ни малейшей перемены в облике наследного принца.

– В конце концов, я прихожу к выводу, что она не имела в виду ничего особенного. Эти старухи вечно так разговаривают. Если уж кто-то и должен превратиться во что-то, то скорее всего – ты.

– Именно для этого ты и взял меня с собой? – усмехнулся Лионель.

Я думаю, что к этому моменту они уже закончили туалет. Роджер Кривоног никогда не сообщает о таких важных деталях. По всей видимости, из скромности. Он пишет: «На следующее утро они поднялись и отправились в путь» – и разочаровывает читателя, который ожидает описания принца Удо, причесывающегося перед зеркалом.

Итак, они поднялись и отправились... завтракать. Старуха с утра казалась более расположенной к гостям, чем накануне. Особенно приветливо она вела себя по отношению к Удо и за завтраком все подкладывала ему на тарелку самые разнообразные кушанья, словно из каких-то неисчерпаемых запасов. Со стороны это выглядело, будто она его откармливает, по крайней мере, такое впечатление сложилось у Лионеля.

Сразу после завтрака они отправились в дорогу. Удо протянул старухе несколько золотых, но она отказалась.

– Нет уж, нет уж, – бормотала она. – И дня не пройдет, как я получу награду получше. – И она усмехнулась, будто услышав что-то смешное, чего не слышали ни Удо, ни Лионель.

– Какой чудесный день! – говорил Лионель, когда они ехали лесной дорогой. – Красные крыши, голубое небо, зеленая листва, белая дорога. В воздухе веет приключением. Я сегодня запросто мог бы влюбиться!

– В кого? – подозрительно спросил Удо.
– В кого угодно. Хотя бы в ту старуху.
– Ох, лучше не вспоминай о ней, – содрогнулся Удо.
– Скажи, Лионель, у тебя не было ощущения, что она знает про нас что-то, чего мы сами не знаем, и притом очень смешное?
– Может, мы тоже скоро узнаем. В такое утро хочется смеяться.
– Уж не думаешь ли ты, что у меня нет чувства юмора? Я тоже охотно посмеюсь. И принцессе будет что порассказать. Лионель, – вдруг произнес он торжественно, словно эта мысль только что пришла ему в голову, – я горю нетерпением помочь этой бедной девушке.
– И чтобы показать, как горит нетерпением, он дал коню шпоры и ускакал вперед. Улыбаясь про себя, Лионель последовал за ним. В полдень они остановились в лесу и перекусили – старуха дала им с собой разной еды. После этого Удо прилег на мягкую моховую кочку и закрыл глаза.
– Так хочется спать, – зевнул он, – я провел бессонную ночь. Давай побудем здесь немного. В конце концов, спешить особенно некуда.
– Лично я, – сказал Лионель, – горю нетерпением помочь этой бедной...
– Я же сказал, что не спал всю ночь, – резко ответил Удо.
– Ладно, спи, а я поеду вперед. Вдруг попадется какой-нибудь дракон. Лионель – победитель драконов! До свидания!
– Только полчаса, – пробормотал Удо.
– Хорошо.
И Лионель ускакал прочь.

Глава 9

Они боятся Удо

Начинать эту главу мне очень больно. К счастью, она довольно коротка. Позже мне придется смириться с положением вещей, и я даже буду склонен подчеркивать их смешную сторону. Но сейчас меня переполняет горе. Чтобы такое случилось с принцем из царствующей фамилии Арабии, молодым человеком выдающихся достоинств! Роджер Кривоног чуть не рыдает. «Эта преступная женщина»... – пишет он, конечно, имея в виду графиню Бельвейн, и дальше раздражается настоящей истерикой на целых полторы страницы.

Давайте посмотрим на случившееся более спокойно.

Лионель вернулся с прогулки в том же беззаботном настроении и лениво разлегся на траве, ожидая, пока Удо наконец соберется в дорогу. Об Удо он не думал. Он думал, не найдется ли в Евралии какой-нибудь придворной дамы редкостной красоты или дракона редкостной свирепости. Вот это было бы действительно приключение!

– Лионель, – послышался тихий голосок откуда-то сзади.

– Привет, Удо, ты где? Нам не пора трогаться?

– Мы никуда не едем, – сказал голосок.

– Что случилось? Почему ты прячешься в кустах?

– Я... я неважно себя чувствую!

– Удо, милый, что с тобой? – Лионель вскочил и сделал шаг в направлении кустов.

– Стой! – услышал он пронзительный возглас. – Я повелеваю...

Лионель остановился.

– Воля вашего высочества, – начал он весьма холодно...

Из кустов донеслось явственное всхлипывание.

– Лионель, – раздался наконец очень несчастный голос, – кажется, я сейчас выйду.

Недоумевая, Лионель молча ждал.

– Да, я выхожу, Лионель. Но ты не удивляйся, если: я не очень хорошо выгляжу.

Я... я... Лионель... я выхожу... – жалобно сказал Удо и вышел из кустов.

Лионель не знал, что ему делать – плакать или смеяться.

Бедный принц Удо!

Теперь у него была голова и длинные уши кролика, но при этом он каким-то удивительным образом не потерял сходства с настоящим Удо. Грива и хвост – львиные. Что было между гривой и хвостом, не поддается определению. Правда, эта часть тела придавала всему его облику некоторое величие – однако величие такого рода, какое придает человеку каракулевая шуба.

Лионель решил, что надо вести себя как можно более тактично.

– Ах, вот ты где! – воскликнул он весело. – Ну что, поехали?

– Не будь идиотом, Лионель, – сказал Удо, чуть не плача. – Можно подумать, ты не видишь, что у меня хвост.

– Надо же, действительно хвост. Подумать только!

Удо продемонстрировал, что он сам думает по этому поводу, злобно хлеща себя по

бокам пресловутым хвостом.

– Сейчас не время для церемоний. Скажи мне, как я выгляжу.

Лионель задумался.

– Совершенно честно, выше высочество?

– Д-да... – сказал Удо нервно.

– Если честно, то ваше высочество выглядит смешно.

– Очень смешно? – мрачно спросил Удо.

– Очень.

Его высочество испустил тяжкий вздох.

– Именно этого я и боялся. Это самое жестокое во всей истории. Будь я львом, в моем положении был бы истинный трагизм и величие. Одиноким, страдающий изгнанник, полный царственного достоинства... – Он немного подумал. – Лионель, тебе приходилось когда-нибудь видеть яка?

– Никогда.

– Я видал одного в Бародии. Так вот, яка нельзя назвать красивым животным, но если бы я превратился в яка, я мог бы надеяться на любовь. Як не вызывает смеха, а то, что не вызывает смеха, можно полюбить. А какая у меня голова?

– Она похожа на...

– Видишь ли, я сам-то не могу посмотреть...

– На человека, не знакомого с вашим высочеством, она скорее всего произведет впечатление головы кролика.

Удо уткнулся головой в лапы и зарыдал.

– К-кролик, – всхлипывал он. – Так недостойно, так лишено истинного пафоса, так... И даже не целиком кролик, – добавил он с горечью.

– Как это все случилось?

– Не знаю, Лионель. Я просто заснул, а когда проснулся, почувствовал себя как-то странно... – Вдруг он сел и посмотрел на Лионеля: – Это та старуха! Помяни мое слово, это она.

– Но почему?

– Не знаю, я был с ней очень вежлив. Ты же помнишь, как я тебе сказал: «Будь с ней вежлив, может быть, она фея». Я сразу это понял. Что теперь делать? Давай устроим военный совет и все обсудим.

Принц Удо выдвинул два предложения: первое – чтобы Лионель завтра утром поехал и убил старуху, второе – чтобы Лионель поехал сегодня вечером и убил старуху.

Лионель возразил, что если это она превратила принца в... («вот именно», – поспешно прервал его принц), то только она может превратить его обратно и, в таком случае, лучше пока ее не убивать.

– Все равно, я хочу, чтобы кого-нибудь убили, – раздраженно твердил Удо, и, в общем, его чувства вполне можно понять.

– Давай сделаем так: ты останешься здесь дня на два, а я тем временем вернусь обратно, разыщу старую ведьму и заставлю ее во всем признаться. Она что-то знает, в этом я уверен. И тогда решим, что делать дальше.

Удо погрузился в размышления.

– Почему тебя ни в кого не превратили? – в конце концов спросил он.
– Не знаю. Думаю, потому, что я слишком незначительная особа.
– Да, наверное, поэтому. – Удо сразу почувствовал себя лучше. – Конечно, так оно и есть. – Он пригладил лапками усы. – Они меня боятся.

Он явно приободрился, и Лионель решил, что настал я подходящий момент для расставания.

– Могу я покинуть вас, ваше высочество?

– Да, ты можешь ехать.

– А я застану вас здесь, когда вернусь?

– Может, да, а может, и нет. Может, да, а может, нет... Боятся меня, – пробормотал он в усы. – Несомненно.

– Так что мне делать, если вас здесь не окажется?

– Возвращайся во дворец.

– До свидания, ваше высочество.

Удо помахал ему лапой:

– До свидания, до свидания.

Лионель сел на лошадь. Отъехав достаточно далеко, он остановился и, дав наконец себе волю, разразился хохотом. Приступ за приступом сотрясали его с головы до ног. Он пытался перестать, но при воспоминании о внешности его королевского высочества все начиналось сначала.

«Я больше не мог с ним оставаться, – думал он. – Еще чуть-чуть, и я бы не выдержал. Бедный Удо! Однако, надеюсь, скоро он поправится».

На следующий вечер он доехал до места, где стояла хижина, но она исчезла. Тогда он вернулся обратно, но Удо тоже исчез. Ему ничего не оставалось, как отправиться во дворец.

Оставшись один, Удо стал обдумывать свои дальнейшие шаги. Перед ним было три пути.

Он мог оставаться на этом самом месте, пока не поправится. Эту возможность он сразу же отверг. Когда у вас голова кролика, львиный хвост и тело тонкорунного барашка, потребность в действии становится непреодолимой. Кровь отважных предков бросается в голову и призывает – вперед!

Можно было вернуться в Арабию.

В Арабию? Где его так любили, уважали, где он пользовался такой популярностью? В Арабию, где он каждый день специально выезжал на прогулку, чтобы толпы подданных его отца могли выразить наследному принцу восторг и преданность? Нет, это было бы крайне неудобно.

Тогда в Евралию?

Почему бы и нет? Принцесса Гиацинта позвала его. Какое благородство он продемонстрирует, если придет к ней на помощь даже теперь – в таком состоянии здоровья. Он пострадал, служа ей – по крайней мере, так можно сказать, и, по всей вероятности, это правда. Она в опасности: волшебники, чародеи, мало ли что еще. Лионель находит его смешным, но ведь у женщин, как правило, не особенно развито чувство юмора. Может быть, в детстве у Гиацинты были кролики... или ягнята. Она

может найти его трогательным. А львиная грива, хвост... ей это может показаться впечатляющим. Женщинам нравится, когда в любимом мужчине есть что-то дикое, неукротимое...

Присутствие Лионеля совершенно излишне. Лионель и он (в его теперешнем состоянии) не могут явиться в Евралию вместе – контраст был бы слишком разителен... А вот он один – ее единственная поддержка и опора... Несомненно, принцесса должна оценить такую преданность.

И еще – очень может быть, что какой-то чародей из Евралии заколдовал его, чтобы не дать возможности помочь принцессе. Если так, то лучше быть в Евралии, чтобы самому разобраться с этим чародеем. Сейчас принц с трудом представлял себе, как будет разбираться, но, конечно, он сумеет придумать что-нибудь очень мудрое на месте.

И потому – в Евралию!

И он затрусил по дороге. Как справедливо заметил Лионель, они его боятся.

Глава 10

Шарлотта Гулигулинг поражает критиков

Леди Бельвейн сидит в своем саду. Она очень счастлива. В правой руке у нее огромное перо из хвоста самого любимого гуся, выкрашенное в красный цвет. Темные пряди волос, перекинутые на одну сторону, ложатся на бумагу, кончик языка от усердия прикушен белоснежными зубками. Графиня сочиняет.левой рукой она отбивает такт по столу: раз-два, раз-два, раз-два...

Удивительная женщина!

Вы помните ее последний разговор с принцессой Гиацинтой? «Я чувствую, что мы нуждаемся в посторонней помощи...» Целых две недели тревожного ожидания. Подействовало ли волшебное кольцо? Даже если бы и не было никакого принца, все равно ее положение при дворе сильно пошатнулось. Теперь они с принцессой стали врагами. А в худшем случае – эти волшебные кольца то и дело отказывают – принц в полном здравии и, возможно, сильно рассерженный вот-вот появится и начнет ее преследовать.

И все же она сочиняет.

А что именно? Она готовится к литературному состязанию – последний проект, подписанный принцессой.

Мне нравится, что она мирно предается литературному труду, в то время как все ее будущее висит на волоске. Роджер относится к этому совсем по-иному. «Даже теперь, – пишет он, – она надеялась урвать последнюю пригоршню золота у своей несчастной страны». Я начисто отрицаю подобное обвинение. Ничего она не надеялась «урвать». Она всего лишь участвовала в официально одобренном состязании под псевдонимом «Шарлотта Гулигулинг». Тот факт, что в соответствии с Проектом единственным судьей в этом состязании являлась графиня Бельвейн, никакого отношения к делу не имеет. Мнение графини Бельвейн о поэзии Ш. Г. было совершенно искренним, и никакие финансовые соображения на него не влияли. И если Шарлотте суждено было выиграть состязание, то только потому, что графиня совершенно беспристрастно решила, что она того заслуживает. Еще один факт противоречит слухам, которые распускает о графине Роджер. Как судья, именно графиня выбирала жанр и тему состязания. Хорошо известно, что и графиня, и Шарлотта блистали в области лирики, тем не менее предметом состязания была выбрана эпическая поэма. «Бародо-евралийская война» – и никак не меньше. Кто из современных поэтов проявил бы такую незаурядную честность?

«БАРОДО-ЕВРАЛИЙСКАЯ ВОЙНА» – эта строчка была выведена золотом и сама по себе заслуживала первой премии в любом состязании.

Король Евралии отправился в поход -

Враг впереди, его сражение ждет.

И первый взвод солдат скрывается вдали...

Далее следует очень много зачеркнутых слов, а затем идет (внезапное озарение) простая строка: Они все шли, и шли, и шли, и шли, и шли...

Сразу представляешь себе, какую огромную армию повел в поход король Евралии (пять тысяч человек, если быть точным).

Приветственные возгласы и колокольный звон
И с севера, и с юга, и вообще со всех сторон.
Клянусь, никто не мог бестрепетно взирать
На то святое дело устремившуюся рать.
Клянусь, никто не мог бестрепетно смотреть
На рать, готовую за то святое дело умереть.

Не совсем ясно, является ли последнее двустопное вариантом предыдущего, или оно служит для его усиления. Заглядываю через плечо графини и, кажется, вижу линию, перечеркивающую предыдущее, но разглядеть как следует мне мешают ее волосы, закрывающие страницу

Но почему он двинул армию вперед? Он нападает? -
Нет, совсем наоборот. Он защищает честь свою и честь страны
От наглеца, коварного зачинщика войны.
Король Бародии, его предательский прыжок
Обидел Веселунга и народ как только мог.
И даже юная принцесса Гиацинта...

На этом поэма пока заканчивалась.

Графиня встала из-за стола, чтобы пройтись по саду. Это самый верный способ поймать нужную мысль. Однако сегодня он что-то мало помогал: она обошла весь сад уже три раза, но никак не могла подобрать рифму к «Гиацинте». Иметь дело с «квинтой» казалось довольно затруднительным. «К тому же, – думала графиня, – я не знаю толком, что это означает». Бельвейн (как и я) считала, что смысл поэзии может быть как угодно непонятен для читателя, но автор обязан быть с ним на короткой ноге.

Она сосчитала строчки – семнадцать. Если на этом остановиться, то получится самая короткая эпическая поэма в мире. Она вздохнула, потянулась и окинула взглядом безоблачный небосвод. И погода была против нее – идеальное утро, чтобы хоть немного помочь бедным.

Двадцать минут спустя она уже сидела на своем сливочно-белом иноходце. Двадцать две минуты спустя некая Генриетта Вафлюс получила удар в глаз мешочком золота в тот самый момент, когда она кланялась ее светлости. Это единственное замечание о Г.Вафлюс в истории Евралии, зато синяк у нее под глазом был замечен чуть не месяц.

Гиацинта ничего этого не знала. Она не знала даже, что графиня уже провела состязание, она вообще начисто забыла о намерении поощрять литературу в

королевстве.

Почему? Неужели вы не догадываетесь? Все ее мысли были поглощены принцем Удо. Хорош ли он собой? Какие у него волосы – темные или светлые? Вьющиеся или прямые?

Думает ли он о ней по дороге?

Виггз уже давно решила, что он влюбится в принцессу и женится на ней.

– Я думаю, – говорила она, – что он очень высокий, что у него чудесные синие глаза и золотые волосы.

Именно так выглядели принцы во всех книгах, с которых она вытирала пыль. Именно такими были все семь принцев, которым Веселунг пообещал руку Гиацинты: принц Гансклякс из Трегона, принц Ульрих, герцог Нульборо и все остальные. Бедный принц Ульрих! В самый момент победы великан, под которого принц вел подкоп, свалился прямо на него, и принц потерял всякий вкус к приключениям. В течение всех последующих лет его приводило в трепет любое существо, размером превышающее золотую рыбку, и остаток жизни он провел в полном уединении.

– Я думаю, он темноволосый, – сказала Гиацинта.

Ее собственные волосы были цвета спелой ржи. Бедный принц Гансклякс – я только что о нем вспомнил. Ах, нет, это был герцог Нульборо. Небольшая размолвка с чародеем привела к тому, что голова герцога навек осталась повернутой задом наперед, и ему так часто говорили «до свидания», лишь только он входил в гостиную, что он совершенно охладел к светской жизни и не покидал пределов собственного дворца, а акробатическая ловкость, с которой он умудрялся есть суп, служила для придворных неиссякаемым источником восхищения.

Но Гиацинта думала не о них, а о принце Удо. Гонец возвратился из Арабии с ответом, и прибытия его высочества ожидали на следующий день.

– Надеюсь, ему будет удобно в Пурпурной комнате, – говорила Гиацинта. – Только иногда мне кажется, что все-таки лучше было бы поместить его в Голубую.

Они уже поместили его в Голубую два дня назад, пока Гиацинте не пришла в голову мысль, что, может быть, ему будет удобнее в Пурпурной.

– Из Пурпурной вид лучше, – сказала всегда готовая помочь Виггз.

– Да, и солнца больше. Виггз, не забудь поставить там цветы... А книги?

– Я положила на ночной столик «Приключения странствующего рыцаря» и «Дикие животные у нас дома».

– О, я уверена, ему понравится. Теперь давай подумаем, что мы будем делать, когда он придет. Это случится во второй половине дня, и, естественно, он захочет подкрепиться после путешествия.

– А что, если устроить пикник в лесу?

– Не думаю, чтобы кому-нибудь был особенно приятен пикник сразу после дальней дороги.

– Я обожаю пикники.

– Конечно, дорогая, но принц гораздо старше тебя, и в его жизни наверняка было так много пикников, что они ему могли надоесть. Полагаю, мне следовало бы принять его в Тронном Зале, но это так... так...

– Напыщенно, – подсказала Виггз.

– Вот именно. Мы будем чувствовать себя неловко. Я думаю принять его здесь, наверху. Я как-то меньше волнуюсь на свежем воздухе.

– А графиня будет?

– Нет, – холодно сказала принцесса. – Во всяком случае, – поправились она, – она не будет приглашена. Добрый день, графиня. («Как это на нее похоже, войти именно в этот момент», – подумала Гиацинта.)

Графиня сделала реверанс:

– Добрый день, ваше высочество. Есть небольшое дело, касающееся вашего высочества. Я считаю своим долгом сообщить вам о результатах литературного состязания. – Она говорила очень мягко и тихо, будто уже простила принцессе незаслуженную обиду.

– Благодарю вас, графиня. Это очень интересно.

Графиня развернула длинный свиток.

– Премия присуждена... – она поднесла документ к самым глазам, – Шарлотте Гулигулинг!

– Понятно. Кто она такая?

– Женщина, заслуживающая всяческого уважения. Деньги придутся ей как нельзя более кстати. Ее поэма заключает в себе ряд неоценимых поэтических достоинств в сочетании с необычайной широтой и... ээ... глубиной взгляда, подобных которым я никогда не встречала. Совершенная форма несет в себе, если можно так выразиться, заряд внутренней эмоциональности и пленяет читателя неповторимой яркостью и точностью сравнений... Короче говоря...

– Короче говоря, графиня, она вам нравится.

– Она бесподобна! Но разумеется, вы мечтаете ознакомиться с этим шедевром. В ней всего лишь двенадцать сотен строк. Я сейчас продекламирую ее вашему высочеству.

Держа развернутый во всю длину манускрипт левой рукой, она торжественно подняла вверх правую и начала голосом, звенящим от волнения:

Король Евралии отправился в поход...

– Графиня, пожалуйста, отложим это... Я сейчас очень занята. Завтра приезжает принц Удо и...

Губы Бельвейн продолжали двигаться, рукой она размахивала в такт размеру:

Приветственные возгласы и колокольный звон

И с севера, и с юга, и вообще со всех сторон...

Правой рукой графиня показала не только на север и на юг, но даже на восток и на запад. Клянусь...

– Сначала я приму его здесь лично, а потом...

за то святое дело умереть...

Бельвейн еле слышно закончила строку и прижала руку к сердцу, показывая, как это прекрасно.

– Простите, ваше высочество, я всецело поглощена этой замечательной поэмой. Умоляю ваше высочество прочесть ее.

Принцесса отложила манускрипт в сторону.

– Мне не чужды литературные восторги, графиня, и я, конечно, прочту ее, только потом. Я полностью доверяю вашему мнению и надеюсь, вы проследите за тем, чтобы приз был вручен тому, кто его достоин. А сейчас я повторяю: завтра приезжает принц Удо.

Графиня изобразила величайшее изумление.

– Принц Удо... Удо... так это, наверное, принц Удодий из Морковии – великан с тремя ногами!

– Принц Удо из Арабии, – сказала Гиацинта сухо.

– Мне кажется, я уже уведомляла об этом вашу светлость. Он пробудет у нас несколько месяцев.

– Но как это чудесно, ваше высочество, снова увидеть мужчину! Нам здесь так скучно в нашем узком кругу. Конечно, нам нужен мужчина, чтобы мы слегка встрепенулись, не правда ли, Виггз? Я немедленно распоряжусь насчет апартаментов для его высочества. Вы, несомненно, пожелаете поселить его в Пурпурной комнате...

Это решило вопрос.

– Ему будет предоставлена Голубая комната, – ледяным тоном распорядилась Гиацинта.

– Прекрасно, ваше высочество. Виггз, представь себе – снова увидеть мужчину! Я пойду и немедленно начну приготовления, если ваше высочество разрешит мне удалиться.

Слегка заинтригованная поведением графини, принцесса кивнула головой, и та действительно удалилась.

Глава 11

Выясняется, что кресс-салат неплохо идет к ушам

Виггз в последний раз расправила складки скатерти и, склонив голову набок, оглядела стол.

– Ну вот, – сказала она. – Надо подумать, все ли здесь есть?

– А сардины? – спросила Воггз в своей обычной манере. (Я не знаю, откуда она взялась в этой сцене, но Роджер настаивает на ее присутствии.)

– Не думаю, чтобы принц ПРИНЦ любил САРДИНЫ.

– А если бы я ехала так долго, я бы просто мечтала о сардинах. Ведь Арабия очень далеко, правда?

– Ужасно далеко. Он ехал целую неделю. Может быть, – предположила Виггз с надеждой, – ему удалось перекусить по пути?

– Может, он захватил с собой бутерброды? – сказала Воггз, подумав, что уж она-то на месте принца непременно запаслась бы бутербродами.

– Как ты думаешь, Воггз, какой он?

Воггз думала довольно долго.

– Как король! – объявила она наконец и, подумав еще немного, добавила: – Только другой.

Вбежала принцесса – уже в пятый раз, – полная радостного нетерпения.

– Ну как, – спросила она, – все готово?

– Да, ваше королевское высочество, только мы с Воггз не совсем уверены насчет сардин. Принцесса счастливо рассмеялась:

– Я думаю, здесь всего вполне достаточно. И все выглядит очень мило.

Она обернулась и увидела особу, которую ей в этот момент меньше всего хотелось бы видеть.

Особа-которую-меньше-всего-хотелось-бы-видеть опустилась в необыкновенно эффектном реверансе.

– Прошу простить меня, ваше королевское высочество, – изрекла она. – Мне показалось, я забыла здесь бесценную рукопись Шарлотты Гулигулинг. Нет, по-видимому, я ошиблась, ваше высочество. Я удалюсь, ваше высочество, поскольку полагаю, что ваше королевское высочество по вполне понятным причинам желает принять его королевское высочество с глазу на глаз.

Согласитесь, после такой блистательной речи манера Воггз именовать всех без разбору «мэм» особенно впечатляет.

– Вовсе нет, графиня, – неохотно проговорила принцесса. – Мы бы предпочли, чтобы вы остались и помогли нам принять его высочество. Он слегка запаздывает.

Бельвейн очень огорчилась.

– Я так надеюсь, что с ним ничего не случилось по дороге. В последнее время у меня какие-то дурные предчувствия.

– Что с ним могло случиться? – сказала принцесса без особой тревоги.

– О, ваше королевское высочество, просто такое странное чувство...

Снизу послышался звук шагов и мужской голос. Принцесса и графиня, обе волнуясь, но по совершенно разным причинам, изобразили приличествующую случаю приветственную улыбку. Виггз и Воггз застыли в позах, исполненных благовоспитанности, по краям стола. Придворный художник с радостью запечатлел бы подобную сцену.

– Его королевское высочество наследный принц Арабии Удо! – торжественно объявила придворная дама.

«Даже немного страшно, – сказала Бельвейн про себя. – А вдруг кольцо подвело?»

Удо вбежал легкой рысью.

«Не подвело», – с удовлетворением отметила Бельвейн.

Принцесса Гиацинта вскрикнула и отшатнулась. Виггз, хорошо знакомая с подобными маленькими происшествиями из книг, с которых она вытирала пыль, и Воггз, питавшая природную любовь к животным, не дрогнули.

Присутствие графини оказалось более чем кстати.

– Позвольте мне, – церемонно произнесла она, выступая вперед на один шаг, – представить вашему королевскому высочеству его королевское высочество наследного принца Арабии Удо!

– Принца Удо? – повторила Гиацинта, все еще не желая верить своим глазам.

– Боюсь, что это именно так, – мрачно произнес Удо.

В последние дни он много раз представлял себе эту встречу и теперь пришел к выводу, что недооценивал трудности.

Гиацинта вспомнила, что она принцесса и женщина.

– Я счастлива приветствовать ваше королевское высочество в Евралии. Не хотите ли присесть... ээ... прилечь... (Что вообще делают кролики? Или кто?)

Удо предпочел сесть на задние лапы.

– Благодарю вас. Вы не представляете себе, как трудно говорить с тем, кто выше тебя, стоя на четырех ногах. Так устают шея...

Наступило неловкое молчание. Никто не знал, что сказать.

Кроме Бельвейн.

Она обратилась к Удо со своей самой очаровательной улыбкой и самым любезным тоном задала вопрос:

– Понравилось ли вам путешествие?

– Нет, – пробурчал Удо.

– Да скажите же, что с вами случилось? – вскричала, не выдержав. Гиацинта. – Встретился злой волшебник? Ой, простите меня, пожалуйста.

Когда не очень хорошо себя чувствуешь, некоторые вопросы не могут не вызывать раздражения.

– Разве вы не видите, что со мной случилось? – отвечал Удо довольно резко. – А вот как это случилось, я не знаю. На второй день пути из Арабии...

– Простите, ваше высочество, это не ваш хвост в солонке? – сказала Виггз. Она вынула хвост, встряхнула его и подала принцу.

– Спасибо, спасибо. На второй день пути в Евралию я проснулся после дневного сна вот в таком виде. Попробуйте представить себе мои чувства. Первое, что мне пришло в голову, – это вернуться домой и скрыться от людских глаз. Но, принцесса, я решил, что я вам нужен!

Конечно, Гиацинта была тронута до глубины души, когда Удо произнес последнюю фразу, мило прижав ушки и расправляя лапами усы, но все же она успела мельком подумать: а что ей теперь с ним, собственно говоря, делать?

– И что же вы ощущаете? – мягко вставила Бельвейн, зная, что мужчины всегда рады случаю поговорить о себе.

Удо ответил не сразу, потому что ему попался на глаза накрытый стол, и он уставился на него со смешанным чувством надежды, отвращения и покорности судьбе.

– Что я очень, очень голоден, – наконец произнес он с видом человека, уверенного в своих словах.

Принцесса, мысли которой, казалось, блуждали где-то далеко, внезапно пробудилась.

– Ах, простите, я веду себя неприлично, – сказала она с улыбкой, за которую самый бессердечный из людей простил бы ей все, что угодно. – Прощу за стол. Позвольте мне представить вашему высочеству графиню Бельвейн.

– Подать ему руку или погладить по голове? – пробормотала блюстительница придворного этикета, в первый раз в жизни растерявшись.

Удо приложил лапу к сердцу и отвесил учтивый поклон.

– Я очарован, – галантно произнес он, а любая галантность, исходящая от помеси льва, кролика и барашка, не может не произвести самого приятного впечатления.

Они расселись по местам.

– Немного шербета, ваше высочество? – предложила Гиацинта, наполняя кубки.

Удо собирался было сказать «да», но заколебался.

– Не уверен, что могу себе это позволить.

– Шербет очень вкусный, – заметила Виггз, чтобы разрешить его сомнения.

– Не сомневаюсь, милая. Весь вопрос в том, люблю ли я шербет?

– Разве можно не знать, любишь шербет или нет?

– Оставь в покое его высочество, Виггз, – вмешалась Гиацинта и предложила принцу сэндвич с олениной.

– Весь вопрос в том, люблю ли я сэндвичи с олениной?

– Я люблю, – объявила Воггз всем, кого это могло интересовать.

– Видите ли, – объяснил Удо, – на самом деле я не знаю, что я люблю.

Все удивились, особенно Воггз. Бельвейн слишком наслаждалась происходящим, чтобы разговаривать, и принцесса попросила Удо пояснить, что он имеет в виду, чем его очень обрадовала. Это был как раз тот предмет, который он давно уже стремился обсудить.

– Ну, хорошо, – начал он, сев поудобнее, так что Виггз на этот раз пришлось извлекать его хвост из горчицы. – Кто я?

Никто не отважился высказать свое мнение.

– Заяц ли я? Если да, то передайте мне желе из красной смородины или что там еще едят зайцы.

Хозяйка встревоженным взглядом блуждала по столу в поисках подходящего угощения.

– Может, я лев? – продолжал Удо, развивая тему. – Тогда передайте мне Виггз.

– О, пожалуйста, не надо быть львом, – попросила Виггз, ласково потрепав его по загривку.

– Но разве у вас нет внутреннего чувства, которое подсказывает вам...

– У меня есть внутреннее чувство пустоты. Я жажду чего-то, только не знаю, чего именно.

– Надеюсь, это не сардины, – шепнула Виггз Воггз.

– Но чем вы питались по дороге? – спросила Гиацинта.

– О, в основном травой и тому подобными вещами. Мне казалось, что трава не причинит вреда.

– И что же? Она не причинила вреда? – участливо осведомилась графиня.

Удо отвечал мрачным молчанием.

– Я знаю, что это глупо с моей стороны, – сказала Гиацинта, – но я все-таки не понимаю. Казалось бы, что, если вы... ээ...

– Вот именно, – сказал Удо.

– ...то вы должны инстинктивно чувствовать, что... ээ...

– Совершенно верно, – сказал Удо. – ...едят.

– А-а, я так и знал, что вам это придет в голову. Я и сам так думал, когда... когда плохо себя почувствовал. Но я кое-что попробовал на практике, и ничего не вышло. С тех пор я много времени посвятил обдумыванию этого вопроса и...

– Как это интересно, – с энтузиазмом поддержала его графиня, устраиваясь поудобнее. – Пожалуйста, продолжайте.

– Ну что ж. Когда я... – он кашлянул и застенчиво обвел взглядом присутствующих.

– А вам не кажется, что это слишком деликатный предмет?

– Что вы, вовсе нет, – пробормотала Гиацинта.

– Так вот. Когда волшебник хочет вам досадить, он обычно превращает вас в какое-нибудь животное.

Графиня покраснела – в первый раз с тех пор, как ей исполнилось семнадцать – и заметила:

– Действительно, это довольно распространенная шутка среди волшебников...

– Но подумайте, если вы стали настоящим животным, вас это ничуть не должно раздражать. Слон не печалится из-за того, что он слон. Он просто старается быть хорошим слоном и почувствует себя несчастным, только если, например, что-нибудь случится с его хоботом. А вот выглядеть как слон, иметь сложную... ээ... внутреннюю форму слона и в то же время оставаться человеком – это действительно несчастье.

Всем было очень интересно. Воггз надеялась на то, что Удо откроет наконец тайну и она все-таки узнает, какое он животное, но ее ожидало разочарование. В конце концов, в нынешнем положении Удо оказались кое-какие преимущества. По крайней мере, его никогда не слушали с таким вниманием, когда он был человеком.

– Теперь представьте на минуту, что я – лев. Я обладаю строением льва, но возвышенной душой и мыслями принца. Итак, какая-то часть меня жаждет сырого мяса, и тем не менее более высокая часть моего существа (он приложил лапу к сердцу) ... ну, словом, можете себе представить, что бы вы чувствовали на моем месте.

Принцесса содрогнулась.

– Да, могу, – сказала она убежденно. Графиня, хотя и слушала Удо со вниманием, стала находить предмет беседы несколько низменным.

– Видите ли, в чем суть дела, – продолжал Удо. – Ребенок, если его предоставить самому себе, не знает, что для него хорошо, а что плохо. Предоставленный самому себе, он будет есть все подряд. А теперь превратите человека в животное – и он окажется точно в таком же положении, как тот ребенок.

– Я об этом никогда не думала, – призналась Гиацинта.

– Мне пришлось об этом подумать. Давайте пойдем дальше.

Он явно был в восторге от самого себя. В последний раз нечто подобное он ощущал, когда обращался с приветственной речью к самым знатным жителям Арабии по случаю своего совершеннолетия.

– Предположим снова, что я лев. Из того, что мне приходилось читать или слышать о львах, известно, что с львиной... натурой более всего другого согласуется сырое мясо, и было бы глупо с моей стороны не обратиться к такому способу поддержания существования, несмотря на то что это может произвести крайне неприятное впечатление на окружающих. Но если вы даже не знаете, какое вы животное, положение становится еще сложнее. Приходится перепробовать массу всевозможных ужасных вещей, чтобы выяснить, что вам годится.

В его глазах появилось странное выражение – выражение, в котором сосредоточилась память о весьма болезненных ощущениях.

– Я экспериментировал, – сказал он угрюмо. – Три последних дня...

Все посмотрели на него с грустью и сочувствием. Кроме Бельвейн, конечно.

– И что же вам годится? – непринужденно спросила она.

– Как ни странно, – Удо слегка развеселился, – банановые оладьи. Приходилось ли вам когда-нибудь держать зверька, который питается банановыми оладьями?

– Никогда, – улыбнулась принцесса.

– Так вот, этим самым животным, возможно, я и являюсь. – Он тяжело вздохнул и добавил: – Есть одно-два животных, которыми я точно не являюсь... – Некоторое время он, казалось, перебирал в уме наиболее горькие воспоминания. – Не думаю, чтобы кто-нибудь из вас мог представить, что чувствуешь, когда пытаешься проглотить чертополох. Можно попробовать сэндвич с кресс-салатом? К хвосту он, конечно, не идет, но, кажется, неплохо сочетается с ушами. – Он откусил большой кусок и пробормотал сквозь салатные листья: – Надеюсь, принцесса, я не слишком утомил вас своими неприятностями?

Гиацинта с искренним чувством крепко сжала его лапу:

– Дорогой принц Удо, я жажду вам помочь. Мы обязательно что-нибудь придумаем и снимем с вас эти ужасные чары. В библиотеке так много всяких мудрых книг – там наверняка можно найти массу полезных советов. О, я уверена, вы очень скоро

поправитесь.

– Вы очень добры, принцесса. Вы понимаете, что значит подобное положение для человека с моим характером. – Он наклонился к Виггз и спросил вполголоса:

– Как их делают? (Имея в виду сэндвичи.)

Грациозно изогнув стан, Бельвейн поднялась:

– У меня еще есть дела. Нужно распорядиться, чтобы приготовили подстилку... – Она запнулась, сделав вид, что ужасно смущена. – Как глупо с моей стороны – я имела в виду ложе для вашего королевского высочества. Ваше высочество, вы разрешите мне удалиться?

Ее высочество разрешала.

– И вы, девочки, бегите и посмотрите, не нужна ли ваша помощь. Оставьте нам сэндвичи с кресс-салатом, – добавила принцесса, потому что Виггз с некоторым сомнением посматривала то на блюдо, то на принца.

Благодарно взглянув на ее высочество, Удо приступил к следующему сэндвичу.

Глава 12

Мы считаем, что надо сообщить отцу Удо о его поведении

– Теперь, дорогая принцесса, – сказал Удо, как только они остались одни, – позвольте узнать, чем я могу вам помочь.

– О, принц Удо, – голос Гиацинты стал серьезным, – это было так благородно с вашей стороны откликнуться на мою просьбу. Меня не покидает чувство: в том, что с вами произошло, есть доля моей вины. Это могло случиться из-за того, что я пригласила вас сюда.

– Вовсе нет, принцесса. Подобная неприятность может случиться с кем угодно и где угодно. Если я еще нужен вам, прошу вас, расскажите мне все. И хотя мои физические возможности сейчас далеко не те, что прежде, смею вас уверить, что умственные ни в коем случае не пострадали.

Он откусил еще кусок сэндвича и с умным видом покивал головой.

– Давайте перейдем сюда, – предложила Гиацинта. Она прошла к старинному каменному сиденью у стены (Удо последовал за ней, не расставаясь с тарелкой) и села, оставив для него место.

Каждый знает, как указать джентльмену, что он может присесть рядом с вами и рассказать, что он делал в городе вчера вечером, и каждый знает, как похлопать рукой по дивану, чтобы Фидо запрыгнул на него и был-хорошей-собакой-и-лежал-смирно. Гиацинте очень тактично удалось изобразить нечто среднее между этими жестами, и Удо грациозно вскочил на скамью.

– Теперь можно поговорить, – сказала Гиацинта. – Что вы думаете об этой даме, которую я вам представила?

Удо был уже достаточно взрослым, чтобы знать, как отвечать на такие вопросы.

– Я почти не обратил на нее внимания. – И он, склонив голову, начал: – Естественно, когда ваше высочество... О, прошу прощения, вам, наверное, мешают мои уши...

– Ничего, ничего, – отвечала Гиацинта, поправляя волосы. – Так вот, я пригласила вас сюда из-за этой женщины.

– Но я не могу жениться на ней в таком виде, ваше высочество.

Принцесса, вздрогнув, взглянула на него, и принц сразу понял, что дал маху. Чтобы скрыть смущение, он взял следующий сэндвич и съел его очень быстро.

– Мне нужна ваша поддержка, – несколько отчужденно заговорила Гиацинта. – Она что-то замышляет против меня.

– О, ваше высочество, я теперь понимаю, – Удо покачал головой так, что сразу стало ясно: принцесса наконец-то нашла на нужного человека.

– Я ей не доверяю.

– И это неудивительно. Я тоже кое-что заметил.

– Что же?

– вспомните, что произошло, когда я появился. Вы, ваше высочество, естественно, слегка испугались, эти две маленькие девочки смотрели на меня с восторженным изумлением, а что графиня Бельвейн? Что она сделала?

– А что она сделала?

– В том-то и дело, что ничего, – с торжеством объявил Удо. – Она не удивилась, не огорчилась и не испугалась.

– Да, пожалуй, теперь я это припоминаю.

– А ведь тем не менее, – проговорил Удо наполовину жалобно, наполовину гордо, – принцы обычно выглядят по-другому. Почему же она не удивилась?

Гиацинта была озадачена.

– Она знала, что вы за мной посылали? – последовал вопрос Удо.

– Да.

– Потому что вам стало что-то известно про нее?

– Да.

– Тогда положитесь на мои слова – это сделала она!

– Но как? – воскликнула принцесса. – Хотя это именно то, чего от нее можно было бы ожидать.

Удо не ответил. Он соскочил с сиденья и в негодовании бегал взад и вперед по комнате, чтобы не обнаруживать своих чувств перед дамой.

– Как ей это удалось? – недоумевала Гиацинта.

– О, подговорила какого-нибудь волшебника или что-то в этом роде, – нетерпеливо бросил Удо, продолжая бегать.

Вдруг он резко остановился перед принцессой:

– Если бы только знать наверняка, что я лев.

Он попробовал зарычать, тонким голосом воскликнул, что это не считается, и снова попробовал.

– Нет, по-видимому, я все-таки не лев, – признал он печально.

Гиацинта предложила:

– Надо придумать план.

– Да, надо придумать план, – вяло согласился Удо и, расстроенный, снова уселся рядом с ней.

Он не мог больше скрывать от себя, что он не лев. Этот факт совершенно лишил его присутствия духа.

– Я думаю, что проявляла недостаточную твердость, но с тех пор, как мужчины уехали на войну, эта женщина практически захватила власть в стране. Мне кажется, что она может готовить заговор, я знаю, что она грабит меня. Я вызвала вас сюда, чтобы вы помогли мне с ней справиться.

Удо с важным видом кивнул.

– Надо установить за ней слежку.

– Да, но на это могут уйти месяцы.

– Вы сказали, месяцы? – встрепенулся Удо.

– Да, а в чем дело?

– Ну, дело в том, – замялся Удо, – я знаю, что это очень глупо с моей стороны, но

будем надеяться, что все обойдется...

– Но в чем же дело?

Удо окончательно сконфузился. Он вилял хвостом, чертил задней лапой небольшие круги и бросал на принцессу застенчивые взгляды.

– Ну, я... – он нервно хихикнул, – я подозреваю, что я из тех зверей, – он снова хихикнул, – которые впадают в зимнюю спячку. Будет очень неловко, – его задняя лапа снова стала выписывать круги, – если мне придется выкопать норку в земле как раз в тот момент, когда заговор созреет.

– О, это было бы ужасно, – в отчаянии сказала Гиацинта.

Они оба молчали некоторое время, представляя себе всевозможные осложнения. Хвост Удо случайно оказался у Гиацинты на коленях, и она рассеянно теребила его в руках.

Принцесса первая прервала молчание:

– Как бы то ни было, сейчас еще только июль.

– Да, да, – ответил Удо. – Возможно, я буду свободен приблизительно до ноября. До того времени надо бы все разузнать... О-о! – он вдруг подскочил в сильном волнении. – Я только что подумал... Мне ведь придется запастись орехами и тому подобными вещами.

– На самом деле...

– Пожалуй, придется начать уже довольно скоро. Знаете, у меня ведь нет практики. Лезть на деревья за орехами, – продолжал он сонно, – какой удел для...

– О, пожалуйста, не надо, – взмолилась Гиацинта. – Кажется, это делают только белки.

– Да, пожалуй. Значит, если бы я был белкой, мне... Вы не могли бы вернуть на минуту мой хвост?

– О, простите, пожалуйста. – Гиацинта пришла в ужас, осознав, какую вольность допустила.

– Что вы, что вы, ничего страшного...

Он взял хвост в переднюю лапу.

– Сейчас посмотрим. Наблюдайте за мной.

Сидя на задних лапах, он загнул хвост над головой и, отпустив его, стал быстро-быстро грызть сэндвич, зажатый в передних.

Прекрасный сюжет для художника...

Но неподходящая модель. Хвост со стуком упал на землю.

– Ну вот. Все понятно. Я не белка!

– Ах, я так рада, – сказала Гиацинта, полностью убежденная этой демонстрацией.

– Ну тогда все в порядке. Можно разрабатывать план действий. Прежде всего, не следует... – он вдруг замолчал, и Гиацинта увидела, что он разглядывает свой хвост.

– Да?

Он поднял хвост и положил его перед собой. На середине хвоста был большой узел.

– Что же мне надо было запомнить? – он задумчиво потер лоб.

Бедная Гиацинта!

– О, милый принц Удо! Мне так жаль. Боюсь, что это сделала я – задумавшись.

Удо, как галантный кавалер, сразу же подхватил.

– Узел верности, – начал он с грациозным покло...

Нет, он вовремя остановился. Ох уж эти уши! С ними невозможно проявить обычную вежливость.

– Ах, Удо! – порывисто воскликнула Гиацинта. – Если бы только я могла вернуть вам ваш истинный облик!

– Да, хорошо бы, – ответил Удо, снова становясь практичным. – Но как это сделать? Еще один сэндвич, – сказал он извиняющимся тоном. – Они так идут к ушам.

– Я пригрожу графине. Скажу, что, если она не заставит волшебника расколдовать вас, я посажу ее в тюрьму.

Удо не слушал. Он погрузился в собственные мысли.

– Банановые оладьи и сэндвичи с кресс-салатом, – бормотал он. – Думаю, другого такого зверя не сыщешь...

– Конечно, – продолжала принцесса, тоже наполовину сама себе, – часть народа может принять ее сторону – те, которых она подкупила. Если она...

– Хорошо, хорошо, – остановил ее Удо. – Оставьте графиню мне. В ваших сэндвичах есть что-то, от чего я способен на все, – что-то вдохновляющее. Я чувствую себя новым... кем бы я ни был!

Не кажется ли вам, что Удо слишком уж разошелся и что он мог бы вести себя поскромнее?

– Вообще-то, – размышляла Гиацинта вслух, – я могла бы написать отцу и попросить прислать кого-нибудь из мужчин, но очень не хочется этого делать. Не хочу, чтобы он думал, что я не справилась.

– Удивительно, какие вещи иногда приходят в голову, – говорил, тем временем, Удо. – Возможно, я все-таки кролик. Интересно, как я буду выглядеть за проволочной сеткой? – Он откусил еще кусок и продолжал:

– Интересно, что я сделаю, если увижу хорька. Надеюсь, у вас нет ручного хорька, принцесса?

– Простите, принц, не расслышала. Я думала о другом. Что вы сказали?

– Ничего, ничего. Просто разные мысли...

Удо протянул руку к тарелке и обнаружил, что она пуста. Он сел поудобнее и, казалось, слегка задремал, как вдруг его внимание привлек узел на хвосте. Он принялся его лениво развязывать, сонно бормоча:

– Хорошо бы, я мог жалить хвостом... но, кажется мой не из таких. Вот было бы на хвосте жало...

Он начал тщательно ощупывать кончик хвоста.

– Интересно, есть ли у меня вообще жало? – он закрыл глаза. – Я бы с удовольствием ужалил графиню... Прямо в шею, всю шею бы изжалил, всю.. – И принц Удо погрузился в сон.

Недостойное поведение! Роджер Кривоног пытается оправдать принца, ссылаясь на палящий зной и действие одного-двух сэндвичей с кресс-салатом на пустой... на человека, который несколько дней ничего не ел. Как подействовали на Удо сэндвичи с

кресс-салатом, мы и сами только что видели. Но Роджер забывает упомянуть о том, что сэндвичей-то было двадцать один или двадцать два. Что там ни говори, не стоит отрицать – поведение принца оставляло желать лучшего.

Если бы я там оказался, то немедленно написал бы его отцу.

Гиацинта взирала на эту картину с довольно противоречивыми чувствами. Конечно, ей было его очень жалко.

«Бедняга, – думала она, – туго ему пришлось». Но согласитесь, сочувствие постепенно становится все менее искренним, когда слишком долго смотришь на помесь льва, кролика и тонкорунного барашка, особенно если часть, принадлежащая кролику, тихонько похрапывает, приоткрыв рот.

И потом, что ей с ним делать? Получается, что теперь у нее на руках двое – графиня и он. Бельвейн только выиграла от присутствия принца: она вполне может использовать его в своих целях: Ваше высочество будет делать то-то и то-то, или его высочество навсегда останется кроликом. И куда денешься?

Ладно, об этом она подумает завтра. Сейчас и так достаточно сложностей, и первая из них – это то, как с ним вообще обращаться. Годится ли ему теперь Голубая комната? Гиацинта вдруг осознала, что хозяйке, принимающей у себя такую коллекцию животных, как принц Удо, придется проявить чудеса тактичности. Может, он сам скажет, что ему нужно, когда проснется. Пусть пока поспит.

Она еще раз взглянула на принца, невольно улыбнулась и быстро спустилась по лестнице во дворец.

Глава 13

«Цвета» рифмуется с «рассвета»

Удо проснулся в довольно бодром настроении и решил немедленно начать проводить твердую политику в отношении графини. Найти Бельвейн оказалось несложно: дворец был битком набит прислугой, занятой неотложными делами, позволяющими хоть мельком взглянуть на гостя, после чего все разбежались по углам, прикрывая ладонью рот и с трясущимися плечами. Одна из служанок, лучше владевшая собой, чем остальные, проводила рассерженного принца в сад графини.

Графиня Бельвейн гуляла по мощеным дорожкам между клумбами лаванды. Заметив Удо, она остановилась, опершись локтями на солнечные часы и насмешливо его разглядывая. На часах было выгравировано: «Если тучи застыт небосвод, ни одна минута не пройдет» – изречение, придуманное графиней однажды в дождливый полдень.

– А-а, вот мы где! – начал Удо довольно противным тоном.

– Да, вот мы где, – очень приветливо отозвалась графиня. – И нас здесь довольно много, не так ли?

И вдруг начала хохотать как безумная.

– Ой, я сейчас умру! О, принц Удо, я от вас в восторге! Можете считать меня вашей жертвой...

Легко сердиться на человека, который над вами смеется, но трудно произвести на него впечатление, к которому стремишься, особенно когда... но нет нужды снова описывать обличие Удо.

– Не вижу тут ничего смешного, – проговорил он угрюмо. – Для интеллигентного человека внешность – не главное.

– Но она может быть очень смешной, разве нет? Я хотела, чтобы с вами случилось что-нибудь позабавнее, но никак не думала...

– Ага! – торжествующе сказал Удо. – Вот оно!

Он произнес это тоном опытного следователя, который наконец добился признания увиливающего обвиняемого. Такой тон может показаться уместным лишь в устах человека, обладающего внушительным обликом служителя закона. Может быть, поэтому Бельвейн снова рассмеялась.

– Вы практически признались в том, что сделали это, – с важностью изрек У до.

– Что «это»? – невинно поинтересовалась графиня.

– Превратили меня в... ээ...

– Кролика?

Подобное мнение о его внешности уже в который раз произвело на Удо самое неприятное впечатление, и он запальчиво спросил:

– Почему вы думаете, что я кролик?

– Кто бы вы ни были, но вы никогда не осмелитесь показаться у себя в стране в таком виде.

– Берегитесь, женщина! Это уже слишком. Не будите во мне льва!

– Где? – воскликнула графиня с детским любопытством.

Жестом, исполненным достоинства и свидетельствующим о безупречности манер, принц указал на хвост.

– Это, – заметила Бельвейн, пренебрежительно усмехнувшись, – не та часть льва, которая могла бы меня напугать.

Удо был сражен наповал, но через некоторое время опомнился и взял себя в руки.

– Даже если предположить – так просто, к примеру, – что я кролик, я все же кое на что способен. Возьму и съем ваши гвоздики!

Бельвейн обожала свой сад, но ее поддерживала мысль о том, что сейчас еще только июль, о чем она и сообщила Удо.

– Не обязательно гвоздики, – предупредил Удо.

– Не хотелось бы спорить с тем, кто (простите меня) обладает внутренним знанием предмета, но, мне кажется, сейчас в моем саду нет ничего, что могло бы порадовать кролика.

– Пусть не радуется, – героически отвечивал Удо. – Я готов рискнуть!

Это было уже серьезнее. Ее милый сад, где она слагает стихи, обращенный в руины – нет, в руины – происками врага. Сама мысль об этом была невыносимой.

– Вы не кролик, – поспешно заговорила графиня. – Не настоящий кролик, потому что... потому что не умеете как следует шевелить носом.

– Умею, – решительно заявил Удо. – Просто не хочу.

– О, покажите, пожалуйста! – Бельвейн всплеснула руками в радостном нетерпении.

Не для того он пришел в этот сад, и, несомненно, шевеление носом не могло не нанести ущерба чести царствующей фамилии Арабии. Но, что поделаешь, эта ужасная женщина могла кого угодно заставить плясать под свою дудку.

– Вот так, – сказал Удо.

Графиня окинула его критическим взглядом.

– Нет. Совсем неправильно.

– Естественно, я сейчас немного не в форме.

– Мне очень жаль, – заметила Бельвейн, – но боюсь, что дело не в форме.

Удо уже давно подумывал о том, что разговор как-то не клеится, во всяком случае, он рассчитывал на другое. Необходимо перехватить инициативу.

– Довольно, графиня, – проговорил он очень грозно. – Я слышал ваше признание. Это вы меня заколдовали.

– Конечно, я. Очень вы мне были тут нужны – вмешиваться в мои планы!

– Планы ограбления принцессы!

Бельвейн чувствовала, что бесполезно пытаться объяснять Удо принципы помощи бедным. Куда деваться от ограниченных людей вроде Удо или Роджера Кривонога? Спорить с такими – только попусту тратить время.

– Мои планы, – повторила она.

– Очень хорошо. Я прямо сейчас иду к принцессе, и она публично сорвет с вас маску.

Лицо Бельвейн озарилось лучезарной улыбкой – не часто выпадает такой случай.

– А кто, – спросила она самым сладким голосом, – сорвет маску с вас, чтобы люди смогли увидеть настоящего принца Удо?

– Что вы имеете в виду? – удивился Удо, хотя уже начинал догадываться.

– Эта благородная внешность, которой по праву так гордится Арабия, где она? Кто откроет ее народу? Представьте себе, что бы они все подумали, если бы увидели вас в этот момент!

Теперь до Удо наконец дошло. Гиацинта поняла это гораздо раньше.

– Вы имеете в виду, что если ее высочество будет выполнять ваши указания, то вы вернете мне прежний облик, а если нет, то...

Бельвейн с сожалением вздохнула. Как часто заурядные люди превратно толкуют побуждения выдающейся личности! Она не сомневалась, что будущие историки представят все именно в таком свете. (Что касается Роджера, то она оказалась совершенно права.)

Осознав всю безвыходность положения, Удо не выдержал и, презрев галантность, гигантским прыжком бросился на графиню. Она грациозно скользнула за солнечные часы, изобразив очаровательный испуг... но уже в следующий момент Удо решил, что, пожалуй, не стоит выяснять отношения с дамой такими грубыми методами. Прийти к этому решению ему в значительной мере помогло то обстоятельство, что хвост застрял.

Бельвейн в мгновение ока оказалась рядом:

– Тихо, тихо... Ничего страшного. Я помогу вашему высочеству. – И, высвобождая хвост, она назидательно заметила: – Из всего следует извлекать маленькие уроки. Подумайте, вот если бы вы были кроликом, ничего подобного не случилось бы.

– Нет, я даже не кролик, – отвечал Удо с грустью. – Я просто ничто...

Бельвейн опустила в глубоком реверансе.

– Вы – его высочество, наследный принц Арабии Удо. Солома для вашего королевского высочества готова. Когда вашему высочеству будет угодно удалиться на отдых?

Пожалуй, это было слишком жестоко с ее стороны. Я не стал бы приписывать графине таких высказываний, но Роджер настаивает.

– Сейчас же, – ответил Удо и печально поскакал прочь. Это был самый достойный момент во всем его пребывании в Евралии.

По дороге он встретил Виггз и мрачно сказал ей:

– Виггз, если ты можешь хоть чем-нибудь досадить графине, я очень хотел бы, чтобы ты это сделала.

После чего он заперся у себя в комнате. В подробности его туалета нам, пожалуй, лучше не вдаваться.

Если бы я писал простую хронику тех давних событий, мне следовало рассказывать о них совсем по-другому: «Вот вам факты, господа. Такой-то и такой-то сделал то-то и то-то, и это уж ваше дело его судить». Признаюсь, это выше моих сил – я не могу оставаться беспристрастным свидетелем, я люблю всех моих героев и хочу, чтобы вы их тоже полюбили. Поэтому может показаться, что я кого-то «выгораживаю». Но, по крайней мере, один из персонажей несколько не нуждается в моей защите. Относительно него двух мнений быть не может.

Конечно, я говорю о Виггз. Мы совершенно согласны с Гиацинтой: Виггз была лучшей девочкой в Евралии. Поэтому вы будете поражены (как был поражен я, притащив домой и прочитав семнадцатый том Роджера), что иногда Виггз могла быть такой же плохой, как любой из нас. Я имею в виду – по-настоящему плохо себя вести. Порвать передник или читать книги, с которых надо вытирать пыль, – это пустяки, это может случиться с кем угодно. Проступок Виггз был гораздо страшнее.

Представьте себе, она приняла бесчестное предложение принца Удо и три дня спустя, поставив под угрозу безопасность государства и на радость врагам короля, основательно потрудилась над постелью графини, тщательно и крепко связав крест-накрест нижние концы пододеяльника и простыни. Получилось поистине великолепное сооружение – сам Архимед не смог бы его усовершенствовать, а Ньютон просто кусал бы себе локти от зависти. Виггз потратила на это все утро, и результат (хотя его нельзя было наблюдать собственными глазами, что является серьезным недостатком подобного способа сводить счеты с врагами) превзошел все ожидания. Промучившись с полчаса, графиня провела ночь в садовом гамаке, сочиняя полную горечи «Оду к Меланхолии».

Конечно, на следующий день Виггз здорово влетело – о том, чего графиня не знала, она вполне могла догадаться. Рассерженная Виггз, настроившись быть плохой хоть целую неделю, решила, что теперь снова ее очередь. Что бы такого придумать?

Внезапно ее осенило вдохновение: она была по-настоящему плохой целый день накануне. Такой случай упускать нельзя – можно загадать плохое желание!

Она сняла с шеи кольцо, подняла его вверх и громко произнесла:

– Я хочу... я хочу, чтобы графиня Бельвейн, – она остановилась, выбирая какую-нибудь действительно серьезную месть, – я хочу, чтобы графиня Бельвейн навсегда разучилась писать стихи!

Виггз задержала дыхание, ожидая удара грома или еще какого-нибудь ужасающего свидетельства гибели графининой музыки. Но вокруг царила необычайная тишина. И тут девочку охватило страшное чувство – ей казалось, что все на свете разом умерли, и, поняв, какой отвратительный поступок она совершила, Виггз добежала до своей комнаты, бросилась на кровать и горько зарыдала.

А теперь скажите мне, дамы и господа, могли бы вы раскаяться так скоро?

Час спустя Виггз пошла в сад графини посмотреть, что получилось. Кажется, она выбрала наиболее удачный момент, потому что Бельвейн была в зеленом.

Радость творчества заставила графиню начисто забыть о бессонной ночи и о том, кто был ее виновником, – таково уж наше ремесло. Она радостно приветствовала Виггз и, взяв ее за руку, повела между кустами роз.

– Я беседую со своими розами, – сказала она.

– Вот послушай:

В моем саду так много дивных роз...

Которая из всех прекрасней – вот вопрос!

Карминно-красная иль розового цвета?

А, может, алая, как небо в час рассвета?

Какой из них мне посвятить куплет?
Пожалуй, мне милее всех пунцовый цвет...
И бабочка...

Но нам не суждено ничего узнать о бабочке. Может быть, из-за Виггз мир понес неоценимую потерю, навсегда утратив гениальную строчку, посвященную чешуекрылым, потому что девочка прервала графиню, еле выговорив замирающим от волнения голосом:

- А когда вы это сочинили?
- Только что. Я еще не закончила стихотворение. Слушай дальше:

И бабочка...

Но Виггз выдернула руку и помчалась обратно во дворец. Ей необходимо было остаться одной и все как следует обдумать.

Что случилось? В том, что это настоящее волшебное кольцо, никаких сомнений быть не могло. В том, что ее желание было самым что ни на есть плохим и что она вела себя именно так, чтобы его заработать, она тоже была уверена. В чем же дело? Ответ был лишь один: плохое желание израсходовал кто-то другой.

Кто? Она никому не давала кольцо. Правда, она рассказала о нем принцессе, но...

И вдруг Виггз вспомнила: графиня держала кольцо в руках! Да, и она выслала Виггз из комнаты и...

В голове у Виггз накопилось столько разных мыслей, что она должна была с кем-то поделиться. Она побежала искать принцессу.

Глава 14

Почему вы не ведете себя, как Виггз?

Гиацинта сидела в библиотеке вместе с Удо. Удо теперь почти все время проводил в библиотеке, потому что надеялся выудить из множества умных книг подходящий к случаю Совет Джентльмену в Затруднительных Обстоятельствах. Гиацинта грустно составляла ему компанию. Какая была блестящая мысль – пригласить его в Евралию. Теперь она больше всего на свете хотела, чтобы эта мысль никогда не приходила ей в голову.

– Ну, Виггз, – обратилась она к девочке с ласковой улыбкой, – Расскажи нам, что ты делала сегодня утром.

Удо оторвался от своего фолианта и кивнул.

– Я все поняла! – в величайшем возбуждении почти кричала Виггз. – Это графиня! Это она все сделала!

Удо презрительно оглядел ее с головы до пят.

– У принцессы Гиацинты золотистые волосы. Рано или поздно приходишь к подобному выводу.

И он снова уткнулся в книгу.

Виггз была озадачена и вопросительно взглянула на принцессу.

– Он имеет в виду, дорогая, – объяснила Гиацинта, – что это вполне очевидно и что мы давно об этом знаем.

Лицо Удо приняло самодовольное выражение, как у человека, только что изрекшего нечто, полное тонкой иронии.

Виггз так расстроилась, что чуть не заплакала, и Гиацинта по доброте душевной стала ее утешать.

– Мы не знаем наверняка – только догадываемся. Но теперь, когда тебе удалось узнать всю правду, я смогу ее наказать. Нет, не ходи со мной, – сказала она, направляясь к дверям. – Остайся лучше с его высочеством. Может быть, тебе удастся найти книгу, которая ему нужна. Я думаю, ты прочитала куда больше моего.

Оставшись наедине с принцем, Виггз некоторое время молчала и только беспокойно на него поглядывала.

– А вы все знаете про графиню? – спросила она наконец.

– Если я чего-нибудь и не знаю, то это наверняка что-нибудь плохое.

– Значит, вы знаете, что это все из-за меня? О, милый принц Удо, мне так жаль...

– Как это «из-за тебя»?

– Ну, потому что это же мое кольцо.

Удо почесал задней лапой за ухом – озабоченно, но очень мило.

– Расскажи мне все с самого начала. Похоже, тебе действительно удалось узнать что-то важное.

И Виггз рассказала ему, как фея дала ей кольцо, как графиня взяла его и как Виггз обо всем догадалась сегодня утром.

На Удо это произвело сильное впечатление. Он рысцой трусил взад и вперед по

библиотеке и что-то бормотал себе под нос. Когда Виггз закончила, он остановился.

– Кольцо еще годится? Я имею в виду, ты еще можешь загадать желание?

– Да, только одно.

– Тогда пожелай, чтобы она превратилась в... – Он перебирал в уме самых противных зверей. – Как насчет паука?

– Но это плохое желание.

– Да, но теперь ее очередь.

– О, но у меня осталось только хорошее желание. – Она восторженно добавила: – И я знаю, что я загадаю!

Удо тоже знал. Или, по крайней мере, так думал.

– Ты милая девочка, – сказал он, бросив на нее признательный взгляд.

– Да, именно это – чтобы я могла танцевать, как фея!

Удо не поверил своим ушам, а уж такие уши были как нельзя лучше приспособлены к тому, чтобы слушать как следует.

– Но чем это поможет мне?! – и он указал лапой на себя.

– Но это же мое кольцо, – удивилась Виггз. – И конечно, я попрошу танцевать, как фея. Я уже давным-давно собираюсь.

Ребенок оказался возмутительно эгоистичным. Удо решил зайти с другой стороны.

– Конечно, я ничего не имею против танцев как таковых. Но думаю, ты от этого скоро устанешь, как я устал... от салата.

Теперь Виггз поняла.

– Вы хотите, чтобы я пожелала превратить вас обратно в принца?

– Да, – небрежно проговорил Удо, – это только что пришло мне в голову, как пример по-настоящему хорошего желания.

– И значит, я никогда не буду танцевать, как фея?

– И я тоже не буду, если уж на то пошло. (Просто удивительно, до чего же непонятлива эта девочка!)

– О, это слишком жестоко, – воскликнула Виггз, топнув ногой. – Я больше всего на свете хочу танцевать.

Удо решил нарисовать мрачную картину своего будущего.

– Всю жизнь провести за проволочной сеткой... Вечно бояться красноглазых хорьков... Питаться одной овсянкой неделю за неделей, месяц за месяцем, год за годом, век за... Сколько вообще живут кролики?

Но Виггз не дала себя разжалобить.

– Ни за что не расстанусь со своим желанием! – сказала она убежденно.

Удо с достоинством поднялся на все четыре ноги.

– Ну что ж, как хочешь... Есть масса других способов снимать чары. Выучу одно стихотворение нашего придворного поэта Сахарине и прочту его задом-наперед в новолуние... Что-нибудь в этом роде... Прекрасно обойдусь и без тебя. Оставайся со своим желанием.

Он медленно вышел из библиотеки. Хвост, который сейчас более обычного напоминал шнурок от звонка, торжественно тащился за ним следом. Кисточка, за которую обычно тянут звонок, задержалась в дверях, потом она дернулась и исчезла, а

Виггз осталась одна.

– Не отдам своего желания! – крикнула Виггз вслед принцу. – Я пожелаю прямо сейчас, а то вдруг передумаю. – Она подняла кольцо. – Я хочу, чтобы... – И тут она замолчала. – Бедный принц Удо, он такой несчастный... Интересно, так ли уж хорошо хотеть танцевать, когда кому-то очень плохо? – Она немного поразмышляла и приняла великое решение.

– Да, – твердо сказала она. – Я его расколдую!

Она снова подняла кольцо.

– Я хочу, – начала она, – чтобы принц Удо...

Я знаю, что вы хотите сказать. Глупо было с ее стороны загадывать хорошее желание, потому что накануне она вела себя просто отвратительно. Как можно было думать...

Она и не думала – она вовремя вспомнила.

– Вот досада! – сказала Виггз, стоя посреди библиотеки с поднятыми вверх руками. – Сначала же надо целый день быть хорошей!

Итак, следующий день стал великим днем Виггз. Легенды о нем передавались в Евралии из поколения в поколение. Он попал во все календари – двенадцатое июля – отмеченный красной звездочкой. Роджер посвятил ему целую главу своего труда. Собирались даже объявить этот день государственным праздником, да потом почему-то раздумали. Все мамы в Евралии, ругая непослушных детей, говорили: «Почему ты не можешь вести себя, как Виггз!», а дети говорили друг другу, что никакой Виггз вовсе и не было и что это все нарочно выдумали взрослые. Однако положитесь на мои слова – это правда!

Виггз начала с того, что встала в пять утра и очень тщательно привела себя в порядок (не забыв аккуратно выжать губку, что очень важно), потом заправила постель и прибрала комнату. Сначала ей пришла в голову мысль разбудить всех взрослых во дворце, чтобы они тоже могли порадоваться прекрасному утру, но после недолгого размышления она решила, что это необязательно. Поэтому, вытерев пыль в Тронном Зале и проделав несколько несложных гимнастических упражнений, она вышла на улицу и занялась домашними животными.

За завтраком она съела три порции чего-то очень питательного (о чем графиня говорила, что от него хорошо растут) и только одну порцию джема. Она все время сидела прямо и ни разу не отпила из чашки, не проглотив того, что было во рту. А это тоже очень важно! После завтрака Виггз высыпала крошки на газон для малиновок и принялась за работу.

Сначала она вытирала пыль, потом мела, мела и мела, потом шила, шила и шила. Когда кто-нибудь старший входил в комнату, она вставала, делала реверанс и стояла, заложив руки за спину, ожидая, пока с ней не заговорят. Когда кто-то вдруг вспоминал: «Интересно, куда девались мои очки?», она вскакивала и говорила: «Позвольте, я принесу...», даже если надо было бежать наверх.

После обеда она собрала корзину провизии и стала обходить бедных женщин. Некоторым она пела или читала вслух, а когда в одном доме ее попросили станцевать, она нашла в себе достаточно мужества, чтобы с улыбкой ответить: «Боюсь, я не умею

танцевать». Мне кажется, это был самый настоящий подвиг, и, будь я феей, я простил бы ей остаток дня.

Вернувшись во дворец, она выпила два стакана горячего молока с пенками, потом прополола газон в саду графини, а когда случайно наступила на цветочную клумбу, то оставила след, вместо того чтобы быстренько разровнять землю и сделать вид, что и близко к тому месту не подходила, как сделал бы всякий на ее месте.

И в половине седьмого она поцеловала всех (включая Удо), пожелав им доброй ночи, и отправилась спать.

Так окончилось двенадцатое июля, возможно, самый знаменательный день в истории Евралии.

Удо и Гиацинта мирно провели великий день в библиотеке. Джентльмен до самых кончиков шерсти, Удо не рассказал принцессе о том, что Виггз отказалась ему помочь. Кроме того, в нем разыгралась мужская гордость. Превратиться в помесь трех зверей по желанию тридцатилетней женщины и превратиться опять в принца по желанию десятилетней девочки – это, по-видимому, как раз и означает «стать игрушкой в руках прекрасного пола». Пора было самому о себе позаботиться.

– Как же начинался этот отрывок у Сахарино? Минутку... Кровь за что-то, что-то, что-то. Он кто-то, кто-то, кто-то. Что-то в этом роде. Я помню, там была кровь.

– Я уверена, что вы вот-вот вспомните, – сказала Гиацинта. – Похоже, это как раз то, что нужно.

– О, сейчас вспомню. Некоторые слова куда-то подевались... Кровь... ээ... кровь... Это насчет крови для кого-то. Вы не можете не знать.

– Я точно знаю, что где-то это слышала. – Принцесса, наморщив лоб, изо всех сил пыталась хоть что-нибудь припомнить. – Да, это о том, что... ээ...

– Да, это оно, – сказал Удо.

Они оба уставились в потолок и стали шевелить губами, склонив голову набок.

Но настал новый день, а они так ничего и не вспомнили.

Наскоро перекусив, они вернулись в библиотеку.

– Мне кажется, лучше всего написать Лионелю и попросить его.

– Я думала, его зовут Сахарино.

– О нет, это не поэт. Просто мой друг. Но в поэзии он разбирается неплохо. Все дело в том, что письмо слишком долго идет.

При слове «письмо» Гиацинта вздрогнула.

– Принц, я никогда себе не прощу! Я только что вспомнила – отец прислал мне в письме маленькое стихотворение. Он его сам сочинил. Отец говорит, что оно как раз очень хорошо снимает...

– Что «снимает»?

– Ну, заклятия и тому подобное...

Удо немного рассердилось «и тому подобное», как будто превращение его обратно в принца ничем не отличается от, скажем, удаления ржавчины со шлема.

Гиацинта продекламировала:

Бо, бо, бил, бол.

Во, во, вил, вол.

– Это звучит так, что кажется действительно может снять что угодно, – сказала она с улыбкой.

Удо выпрямился.

– Сейчас попробую. Надо ли при этом что-нибудь делать?

– Кажется, нет. Знаете, вам просто надо произнести это так, как будто вы это имеете в виду.

Удо сел и, размахивая левой лапой, продекламировал:

Бо, бо, бил, бол.

Во, во, вил, вол!

Он устремил взор на передние лапы, ожидая превращения.

Он ждал...

И ждал...

Ничего не произошло.

– Должно подействовать, – тревожно заговорила Гиацинта. – Я уверена – отец не мог ошибиться. Попробуйте вот так.

Она повторила строчки таким чарующим голосом и в то же время так достойно и твердо, что казалось, даже книги в библиотеке вот-вот возьмут и снимутся со своих мест на полках.

Удо подражал ей как мог.

В то время как Виггз ложилась спать, он повторял стишок примерно в пятидесятый раз.

Гиацинта совсем пала духом.

– Мне очень жаль. Может быть, оно совсем не так хорошо, как считает отец.

– Есть еще шанс, – решил Удо. – Может быть, надо на голодный желудок. Попробую утром до завтрака.

А наверху Виггз снились танцы, с которыми она прощалась навеки.

А что в это время делала графиня Бельвейн, никому не известно.

Глава 15

Гиацинту ожидает любовь

И вот на следующее утро перед завтраком Виггз поднялась на башню и загадала желание. Она посмотрела на луга, на мирно бегущий по долине ручей, на лес, где она встретила свою фею, и вздохнула.

– Прощайте, танцы...

Потом, подняв кольцо, она решительно произнесла:

– Я вчера весь день вела себя очень хорошо, и, пожалуйста, я хочу, чтобы принц Удо выздоровел.

Целую минуту царила ничем не нарушаемая тишина. Потом из комнаты принца послышались следующие знаменательные слова:

– Немедленно уберите отсюда эту гадость и принесите мне бифштекс и кубок красного вина!

Плача и смеясь, Виггз прошептала:

– По крайней мере, говорит он, как здоровый... Я очень рада.

Силы внезапно ее покинули. Она поспешила вниз по лестнице и выбежала из дворца – прочь, прочь от Удо, и принцессы, и графини, и всех их разговоров – в прохладную лесную сень, где можно побыть одной и в слезах излить печаль о том, что утрачено навсегда.

В лесу было совсем тихо. Она села у подножия своего любимого дерева – столетнего дуба, который стоял на краю лощины, спускавшейся к ручью. Вот здесь, на шелковистой зеленой траве, она могла бы танцевать, а теперь... никогда... никогда...

Долго ли она так сидела? Наверное, довольно долго, потому что лес, безмолвный вначале, теперь наполнился звуками. Деревья что-то шептали ей, птицы повторяли это в пении, а ручей тоже пытался повторять, только все время сбивался, и трава шелестела. Постепенно Виггз стала различать слова: «Вставай, вставай... Вставай и танцуй».

Она поднялась, слегка испуганная. Все вокруг казалось необыкновенно красивым. Никогда прежде она не ощущала ничего подобного. Да, она попробует танцевать – просто в знак благодарности за это чудо. Может быть, они простят, если у нее не очень хорошо получится.

– Это будет вместо «спасибо»! А потом я уже никогда не стану танцевать.

И она начала танцевать...

...Где ты, Гиацинта? Здесь тебя ждет любовь...

Разгар весны. Черный дрозд открывает желтый клюв и поет холодно и чисто. Утро полно волшебства. Небо, синее в вышине, переходит в бледную голубизну там, где встречается с вершинами холмов. Тебя ждет ветер – пойдешь ли навстречу? Холмы зеленеют для тебя. В зеленоватом тумане стоят высокие буки, на них воркуют лесные голуби. По белой дороге, по полям примул пришел тот, кто ищет тебя. Где ты, Гиацинта?

Виггз немного постояла, едва переводя дыхание, а потом стала танцевать снова.

Летний полдень. Солнце льет на землю горячие лучи. «Ку-ку» – доносится из чащи темно-зеленых деревьев. «Ку-ку» – снова кричит птица и улетает, не дождавшись ответа. Поля – зеленые и золотые – мирно спят у полноводной реки. Воздух полон ароматами лета. Где ты, Гиацинта? Разве не это условленное место? Я ждал тебя так долго!

Виггз остановилась, а человек, наблюдавший за ней из-за кустов, тихонько скользнул прочь, взбудораженный увиденным и собственным воображением.

А Виггз полетела во дворец, чтобы сообщить всем, что она умеет танцевать.

– Сказать, как это случилось? – лениво проговорил Удо, увидав Виггз. – Я просто прочитал один стишок – ну, знаешь, задом наперед, и вот, пожалуйста...

– О-о-о!!! – воскликнула Виггз.

Глава 16

Бельвейн развлекается

Удо проснулся, когда вошла служанка и принесла ему утреннюю порцию овсянки. Как только она закрыла за собой дверь, он вскочил, стряхнул солому и произнес со всей возможной решимостью и надеждой:

Бо, бо, бил, бол.

Во, во, вил, вол.

А потом, на всякий случай, наоборот:

Вол, вил, во, во.

Бол, бил, бо, бо!

Это действительно был его последний шанс. Обессиленный, принц рухнул на соломенную подстилку и снова заснул. Прошел почти час, прежде чем он проснулся по-настоящему.

Мне не хотелось бы вдаваться в подробности его ощущений. Предоставим это Роджеру Кривоногу. Между нами говоря, Роджер – немного сноб. Отчаяние принца Удо, обращенного в животное, восторг принца Удо, вновь обретшего человеческий облик... Мне кажется, что любой из нас, хотя бы и не принц, обрадовался бы точно так же. Я уверен, вы можете представить, что почувствовал Удо, снова став человеком.

Он прошелся по комнате. Он сто раз посмотрелся в зеркало. Он протягивал руку воображаемой Гиацинте со словами: «Милая принцесса, как вы поживаете?» Никогда еще он не казался самому себе таким привлекательным и таким мужественным. Во время очередного пируэта его взгляд упал на миску с овсянкой, и тут-то он и произнес фразу, которую услышала Виггз и которую я уже имел удовольствие цитировать.

Действительная встреча с Гиацинтой оказалась даже замечательней, чем ему рисовало воображение. Не смея поверить своим глазам, она порывисто схватила его за руку со словами: «О! Удо, дорогой, я так рада!» Удо подкрутил усы и совсем развеселился. За завтраком (Удо подкрепился на славу) они обсудили планы. Первым делом надо было вызвать графиню. За ней послали служанку.

– Если вы предоставите мне вести допрос, – сказал Удо, – я не сомневаюсь, что мне удастся...

– Думаю, что теперь, когда вы со мной, я смогу вести себя по-другому. Я не буду так ее бояться.

Вошла служанка.

- Ее светлость еще не выходила, ваше высочество.
- Как только она появится, передайте, что я хочу ее видеть.

Удо тем временем высказывал свои соображения:

– Вы мне рассказывали про ее фальшивую армию. Так вот, одно из моих предложений – а я успел придумать множество, пока был... ээ... нездоров – это чтобы она организовала настоящую армию на свои средства и навечно сделалась в ней младшим сержантом.

- Разве это наказание? – наивно спросила принцесса.
- Еще какое! Потом, я придумал...

Снова вошла служанка.

- Ее светлости слегка нездоровится, и она решила остаться в постели.
- А ее светлость не говорила, когда намерена выйти?
- Ее светлость вообще не собирается сегодня выходить. Ее светлость сказала, что она не знает, когда сможет встать.

Служанка ушла, а Удо с принцессой засели в углу, обескураженные неожиданным поворотом событий.

– Не знаю, что и делать, – сказала Гиацинта. – Не можем же мы вытащить ее из постели. Может, она и вправду больна. Вдруг она останется там навсегда?

– Конечно, – предложил Удо, – было бы очень...

– Видите ли, если мы...

– Вероятно, мы могли бы...

– Доброе утро, ваши королевские высочества! – прозвучал как гром среди ясного неба отчетливый голос графини Бельвейн. Она опустилась перед принцессой в необыкновенно изящном реверансе. – Ваше королевское высочество... И милый принц Удо в своем прежнем блистательном обличий!

На графине был восхитительный туалет. В золотом платье с глубоким вырезом, открывающим ослепительную белизну шеи, с двумя прядями темных волос, спускающимися до колен и перевитыми нитями жемчуга, она была похожа на самую настоящую королеву, в то время как Удо и принцесса казались жалкими злоумышленниками, застигнутыми врасплох за обсуждением гнусного заговора.

– Я... я думала, вы плохо себя чувствуете, – пролепетала принцесса, пытаясь прийти в себя.

– Я плохо себя чувствую?! – воскликнула Бельвейн, прижав руки к груди. – Мне казалось, что это его высочество... Но теперь он выглядит как настоящий принц.

Она взглянула на Удо, и в этом взгляде было столько восхищения, юмора, призыва и я не знаю, чего еще, но только у того разом вылетело все из головы и он мог только взирать на нее с изумлением и восторгом.

Несомненно, само ее появление было тонко рассчитанным шагом. Никогда не знаешь, как поведет себя женщина, подобная Бельвейн, но, мне кажется, она намеренно старалась казаться попроще в последнее время, чтобы потом явиться во всеоружии своей красоты. Положение дел действительно складывалось не в ее пользу: принц снова стал человеком, и именно на человека, мужчину, был рассчитан ее новый удар.

А Удо именно сейчас являл собой самую легкую добычу. То обстоятельство, что он снова стал привлекательным для женщин, заслонило в его глазах все остальное. Стать привлекательным в глазах Гиацинты было бы вполне достаточно для любого, но Удо ощущал какую-то неловкость. Он не мог забыть, что принцессе приходилось его жалеть, а быть объектом жалости – не самое достойное положение для мужчины. Другое дело – Бельвейн.

Тем временем Гиацинта полностью овладела собой.

– Довольно, графиня, – проговорила она твердо. – Мы не забыли ваших происков, мы не забыли вашего нападения на принца Удо. Я приказываю вам оставаться во дворце до тех пор, пока мы не решим, что с вами делать.

Бельвейн кротко опустила глаза.

– Повинуюсь приказаниям вашего высочества. Когда я понадоблюсь вашему высочеству, вы найдете меня в саду.

Она бросила еще один мимолетный взгляд на принца и удалилась.

– Я ее просто ненавижу, – сказала Гиацинта. – Что мы с ней сделаем?

– Я думаю, сначала мне следует поговорить с ней самому. Не сомневаюсь, мне удастся вытянуть из нее подробности заговора. В нем могут быть замешаны знатные люди, и в этом случае необходимо действовать с особой осторожностью. С другой стороны, может быть, она просто ошибалась...

– Вы считаете, что она просто ошибалась, когда превращала вас в...

Удо поспешно поднял руку.

– Я это отлично помню. Будьте уверены, она свое получит. Покажите мне дорогу в ее сад.

Гиацинта уже не знала, что и думать о своем госте. Когда она впервые увидела его в человеческом облике, контраст с прежней внешностью был столь разителен, что он показался ей почти тем самым принцем из ее снов. Но каждая следующая минута приносила разочарование: лицо слишком тяжелое, манеры слишком напыщенные, а в недалеком будущем он наверняка растолстеет.

Более того, он вел себя излишне самоуверенно. Принцесса, конечно, нуждалась в его помощи, но не до такой степени, чтобы он хозяйничал в доме, как вздумается.

А Удо, предчувствуя увлекательный день, направился в сад графини. Он уже бывал здесь раньше, но сейчас сад показался ему намного красивее, а женщина, вновь ожидавшая его появления, гораздо более привлекательной.

Бельвейн подвинулась, освободив место на скамье.

– Я всегда сочиняю в саду. Не знаю, как ваше высочество относится к поэзии...

– Чрезвычайно, – ответил Удо. – Сам я, правда, не пишу и не особенно много читал, но я от всего сердца восхищаюсь теми, кто... ээ... ею восхищается. Но я пришел сюда не для того, чтобы говорить о поэзии, графиня.

– Не для того? – удивилась графиня. – Но вашему высочеству, без сомнения, знакомы произведения Сахарино – величайшего из бардов Арабии.

– Сахарино... Как же, как же. Кровь за что-то, он, кто кто-то. Я хочу сказать, что это действительно прелестно. Но я должен побеседовать с вами о другом.

Кровь за кровь, и острый меч на крепкий щит.
Моя песня для того, кто ночью вскачь во мглу летит... -

мягким голосом процитировала графиня. – Это, возможно, самая драгоценная из жемчужин его творчества.

– Это оно! – восторженно вскричал Удо. – Я это знал! Я знал, только не мог... – Он внезапно оборвал сам себя, вспомнив, при каких обстоятельствах он не мог. Удо внушительно откашлялся и в третий раз объяснил, что целью его прихода отнюдь не являлась беседа о поэзии.

– Но мне кажется, что самая прекрасная его вещь – перебила графиня, спокойно пропуская его слова мимо ушей, – это ода к вашему высочеству на день совершеннолетия. Сейчас, минутку...

Неукротимый и прекрасный Принц восемнадцати годов
Отныне – это видно ясно – к великим подвигам готов.
А взор его и светел и суров,
Его краса и мужество в расцвете.
А ведь всего лишь восемнадцать лет назад
(По крайней мере, все так говорят)
Его еще и не было на свете.

Удо изобразил некоторое смущение и сказал, что эти придворные поэты – ужасные льстецы.

Если он рассчитывал на комплимент, то ошибся.

– Я не могу судить об этом, пока не узнаю вас как следует, – серьезно проговорила графиня, глядя ему в глаза. – А ваше высочество действительно такой... неукротимый?

– Я... ну, я... то есть... – Он неловко заерзал на скамье, чувствуя себя все менее неукротимым. Ему сразу следовало понять, что на такой вопрос лучше и не пытаться отвечать.

– Но ваше высочество не должны быть слишком уж неукротимы в отношении нас, бедных евралийцев...

Тут ему опять пришлось сказать, что он пришел для решительного объяснения и что графиня неверно оценила его намерения.

– О, простите меня, ваше высочество. А я была совершенно уверена, что вы хотите поделиться мыслями о прекрасном с родственной душой.

– Н-нет, – сказал Удо, – не совсем.

– Тогда в чем же дело? – воскликнула графиня.

Удо поднялся и выпрямился во весь рост. Он чувствовал, что пора наконец проявить твердость. Он отошел на несколько шагов и обернулся к графине, поставив локти на солнечные часы.

– Графиня, – начал он решительно, – десять дней назад, выехав в Евралию по приглашению принцессы, я внезапно подвергся...

– Одну минуту, – озабоченно прошептала графиня, вскочила, прихватив со скамьи подушечку, бросилась к принцу и подложила ему подушечку под локоть.

– Бедный, ему, наверное, так неудобно, – и скользнула обратно на скамью. Потом она села, уперев локти в колени и положила подбородок на руки, не сводя с принца восхищенного взгляда. – Вот теперь продолжайте, – еле слышно выдохнула она и приготовилась слушать.

Удо открыл было рот с намерением продолжать, но никак не мог подыскать нужных слов. Он чувствовал себя полным идиотом, стоя вот так – с локтем на этой подушечке, словно он собирался произнести публичную речь. Он посмотрел на подушечку, как будто ожидал увидеть рядом стакан с водой, а Бельвейн перехватила его взгляд и сделала вид, будто собирается бежать за стаканом. (Это было очень на нее похоже.) Удо в гневе отшвырнул подушечку («Осторожнее, мои розы!» – вскрикнула графиня) и сердито направился к ней. Бельвейн смотрела на него широко открытыми невинными глазами.

– Вы... вы... О, немедленно перестаньте смотреть так!

– Как? – спросила Бельвейн, продолжая смотреть так.

– Не делайте этого! – закричал Удо и пнул ногой подушечку. – Прекратите!

Она прекратила.

– Вы знаете, – произнесла она кокетливо, – а я вас немного боюсь, когда вы сердитесь.

– Я сержусь. Я очень сержусь. Я страшно разгневан.

– Я так и думала, что вы рассердитесь. – Она вздохнула.

– И вам очень хорошо известно, почему.

Графиня кивнула.

– Это все мой ужасный характер. Стоит мне выйти из себя, и я могу натворить Бог знает что.

Она снова вздохнула и в раскаянии потупила взор.

– Ну, вам не следовало бы... – неловко начал Удо.

– Видите ли, принц, мне всегда казалось, что мужчины относятся к женщинам слишком уж свысока и что это несправедливо. Вот и на этот раз мне стала невыносимой мысль о том, что мы, женщины, не можем управлять страной сами – даже некоторое время – и что нужно звать на помощь мужчину. – Она застенчиво взглянула на принца. – Правда, я тогда не знала, какой это мужчина, но теперь...

Вдруг она умоляюще простерла руки к Удо:

– Останьтесь с нами, принц Удо, и помогите нам! Мужчины так умны, так храбры, так... великодушны. Им неведомо это мелочное чувство мстительности, присущее женщинам.

– Помилуйте, графиня... мы... ээ... вы... ээ... конечно, в том, что вы говорите, много правды, и я...

– Не могли бы вы снова присесть, принц?

Удо сел рядом с ней.

– А теперь давайте обсудим все это спокойно, как старые друзья.

– Конечно, – начал Удо, – я вас понимаю. Вы меня никогда не видели, ничего обо

мне не знали – для вас я был просто одним из мужчин.

– Я немного узнала вас, когда вы приехали. Внешняя... маска не могла скрыть отваги и достоинства. Но даже если бы у меня была возможность вернуть вам прежний облик, я думаю, что побоялась бы это сделать, потому что никак не предполагала, что вы настолько добры и великодушны.

Все выглядело так, словно было совершенно очевидно, что принц ее уже простил. Когда очень красивая женщина благодарит вас за то, что вы ей еще не дали, джентльмену остается только одно. Удо успокаивающе похлопал графиню по руке.

– О, благодарю вас, ваше высочество.

Бельвейн встряхнулась, встала со скамьи и молвила:

– А теперь позвольте мне показать вам мой прелестный сад.

– Любой сад, где находитесь вы, графиня, не может не показаться прелестным, – галантно ответил Удо, и это, мне кажется, было неплохо для человека, который еще накануне питался одним салатом и овсянкой.

И они стали гулять по саду вместе. У принца уже не оставалось никаких сомнений – день действительно выдался удачный.

Час спустя он вернулся в библиотеку. Гиацинта бросилась к нему навстречу.

– Ну и как?

Удо мудро покивал головой.

– Я поговорил с ней о ее поведении в отношении меня. Никаких затруднений больше не предвидится. Всему виной – обычное женское легкомыслие. Она все объяснила, и я решил ее простить.

– Но ее воровство, ее заговор, ее интриги против меня?!

Удо оторопело уставился на принцессу, но быстро опомнился.

– Об этом, – сказал он многозначительно, – я буду говорить с ней завтра.

Глава 17

Король Бародии меняет лицо

Король Веселунг сидел в своей палатке с запрокинутой назад головой и глазами, устремленными в потолок. Его всегда румяные щеки были на этот раз белее снега. Человек по имени Карло крепко держал его за нос. Но Веселунг не сопротивлялся и не протестовал – его брили.

Придворный цирюльник находился, по обыкновению в прекрасном расположении духа и болтал без умолку. Он на минуту отпустил королевский нос и стал править бритву, заметив:

- До чего неприятная штука – эта война.
- Ужасная, – согласился король.
- Конца-краю не видно.
- Ну, ну, – сказал Веселунг, – там посмотрим...

Цирюльник снова приступил к работе.

- Знаете, что бы я сделал с королем Бародии, попадись он мне в руки?

Веселунг не отважился ответить, но показал правым глазом, что разговор ему интересен.

- Я бы ему бакенбарды сбрил, – решительно объявил Карло.

Веселунг внезапно дернулся, – в тот же момент снежное поле окрасилось следами битвы, потом король снова откинул голову, и через несколько минут операция была завершена.

– Скоро пройдет, – сказал Карло, похлопывая короля по подбородку. – Вашему величеству не следовало шевелиться.

- Я сам виноват, Карло. Вы меня натолкнули на мысль, вот в чем дело.
- Рад служить вашему величеству. До свидания, ваше величество.

Как только Карло вышел, король достал свой блокнот. Он всегда записывал великие мысли, приходившие ему в голову за день.

Теперь он нацарапал в нем следующее: «И уста последнего из малых сих могут обронить жемчуга мудрости».

Король ударил в гонг, чтобы вызвать к себе Советника.

- У меня родилась великая идея, – сказал он Советнику.

Советник постарался скрыть удивление и изобразить восторг.

– Сегодня я предполагаю совершить тайную вылазку в стан противника. Мне нужны данные разведки. В какой из всех этих палаток скрывается король Бародии?

- Самая большая в центре, над ней королевский штандарт.

– Я так и думал. На самом деле, я часто видел, как он туда заходит, но все должно быть по правилам. В соответствии с информацией, предоставленной моими надежными разведчиками, я намереваюсь сегодня ночью пробраться в палатку короля Бародии и...

Советник содрогнулся от негодования.

- ...и сбричь ему бакенбарды.

Советник содрогнулся от восхищения.

– Ваше величество, – заговорил он тоном, исполненным благоговения. – Сорок лет, юношей и мужем, служил я вашему величеству и вашему до сих пор оплакиваемому батюшке, но никогда мне не приходилось присутствовать при рождении столь блистательного плана.

Веселунг некоторое время боролся с собой, но природная честность победила.

– Он возник после одного замечания моего братора, – сказал он как бы между прочим, – но, конечно, по-настоящему разработал его я.

– И уста последнего из малых сих могут обронить жемчуга мудрости, – назидательно изрек Советник.

– Разумеется, – с отсутствующим видом проговорил Веселунг, взяв блокнот и вычеркивая только что написанную фразу. – Как, по-вашему, это не запрещено правилами?

– Ни в коем случае, ваше величество. В анналах Евралии существует множество примеров подобного юмора – юмора, который, если можно так выразиться, являя невежественному уму лишь свою поверхностную сторону, тем не менее корнями уходит в самые фундаментальные стратегические соображения.

Веселунг внимал ему с искренним восторгом. Вот это Советник так Советник!

– И я так подумал. С одной стороны, это поможет нам без труда выиграть войну, а с другой – король Бародии окажется в очень смешном положении, лишившись бакенбардов. Нынче же ночью я приведу план в исполнение.

И вот в полночь он отправился на подвиг. Советник с тревогой ожидал его возвращения. Уже много веков рыжие бакенбарды были неотъемлемой принадлежностью правящей династии Бародии. В те времена даже ходила пословица: «Потерянный, как король Бародии без бакенбардов». Король, лишившийся этой регалии в самый критический момент для страны, – это было бы нечто из ряда вон выходящее. Ему, по меньшей мере, пришлось бы удалиться в изгнание до тех пор, пока бакенбарды не отрастут снова, а, лишенная предводителя, армия Бародии стала бы легкой добычей.

Советника эта возможность ничуть не печалила. Он с нетерпением ожидал возвращения в Евралию, в свой уютный дом. Не то чтобы на войне ему было скучно – забот у него было не меньше, чем у всякого другого. В его обязанности входила, например, проверка всех новых претендентов на должность чародея или заклинателя, которых приводили в лагерь. Такой-то и такой-то заявлял, что за пятьсот золотых он превратит короля Бародии в маленькую черную свинью. Его вели к Советнику.

– Ты говоришь, что можешь превратить человека в маленькую черную свинью? – спрашивал Советник.

– Да, ваша милость, этому меня научила бабушка.

– Тогда преврати меня, – просто-напросто говорил Советник.

Новоявленный мудрец начинал творить чудеса. Как только он произносил последнее заклинание, Советник смотрелся в зеркало. Потом он кивал солдатам, самозванца сажали на мула лицом к хвосту и с позором выпроваживали из лагеря. Таких самозванцев являлось немало (каждый, как-никак, получал награду в виде мула),

и нельзя сказать, чтобы жизнь Советника была лишена треволнений.

Но он скучал по нехитрым радостям домашнего очага. Он любил, вернувшись из дворца, покопаться в саду, любил после ужина рассказывать жене о важных делах, совершенных им после того, как они виделись в последний раз, внушать ей, что ему доступны государственные тайны, о которых она не должна даже и пытаться его расспрашивать. Женщина, обладающая меньшим чувством такта, так бы и поступала, но жена Советника знала, что он только и ждет, чтобы из него «вытянули» все секреты. Однако, поскольку эти тайны всегда казались ей слишком скучными, чтобы делиться ими с соседками, большого вреда в том не было.

– Помогите-ка мне снять этот дурацкий плащ, – вдруг сказал кто-то совсем рядом.

Советник пошарил руками в воздухе, пока не обнаружил нечто твердое. Он расстегнул плащ, и перед ним предстал король.

– Благодарю вас. Ну вот, я это сделал. В последний момент у меня дрогнула рука – такие они были красивые, но я себя заставил. Бедняга спал как младенец. Интересно, что он скажет, когда проснется.

– А вы принесли их с собой? – спросил Советник в величайшем возбуждении.

– Дорогой Советник, что за вопрос?! – Король вытащил бакенбарды из кармана. – Утром мы вывесим их на флагштоке на обозрение всей Бародии.

– Вот уж он не обрадуется, – захихикал Советник.

– Не представляю себе, что он теперь станет делать, – произнес Веселунг, которому уже стало жалко поверженного врага.

Король Бародии тоже не представлял.

Он проснулся утром и тут же ощутил непривычный холодок на щеках. Пощупав их, он немедленно понял, что случилось самое худшее.

– Эй там! – позвал он часового.

– Слушаю, ваше величество, – ответил часовой, осторожно появляясь в дверях.

Король немедленно отвернулся к стене и натянул на голову одеяло.

– Пришлите ко мне Советника.

Когда Советник вошел в палатку, он увидел лишь спину августейшего монарха.

– Советник, – начал король, – приготовьтесь, вас ожидает удар.

– Да, сир, – ответил Советник, заранее дрожа от страха.

– Вы сейчас увидите то, чего не видел ни один человек за всю историю Бародии.

Советник схватился за сердце. В следующий миг палатка поплыла у него перед глазами, и больше он уже ничего не видел.

Когда он пришел в себя, король поливал его водой из кувшина и бормотал в ухо грубые слова утешения:

– О, ваше величество, – лепетал бедный Советник, – ваше величество! Я не знаю, что сказать, ваше величество.

Он пытался стряхнуть с себя воду, и она тонкими струйками стекала на пол.

– Возьмите себя в руки, – твердо приказал король. – Нам понадобится вся ваша мудрость, хоть ее и нельзя назвать чрезмерной, чтобы выпутаться из этой историк.

– Ваше величество, кто осмелился совершить это вопиющее преступление?

– Откуда мне знать, идиот? Вы что, думаете, я бы им дался, если бы не спал?

Советник приосанился и слегка надулся. На самом деле, он привык выслушивать и не такое, но от человека с парой устрашающих рыжих бакенбардов. А когда вас оскорбляет человек с простым, круглым и не внушающим никакого трепета лицом – это совсем другое дело.

– Что ваше величество намерено предпринять? – холодно осведомился Советник.

– Я полагаю, надо поступить следующим образом. Основная тяжесть ляжет на ваши плечи...

Советник не удивился. К этому он тоже привык.

– От вас потребуется сообщить эту новость народу в наиболее пристойной форме. Вы скажете, что я веду переговоры с одним великим волшебником, тайно посетившим меня, и поэтому сегодня утром не выйду. Попозже вы сообщите, что волшебник нашел способ победить подлых евралийцев, но что победа может быть достигнута лишь путем великой жертвы с моей стороны и что для блага моего народа я согласен ее принести. Потом вы торжественно объявите, что жертва уже принесена и что она состоит в том... А почему все эти идиоты так развеселились?

На улице к небу взлетали взрывы мощного хохота.

– В чем дело?! Пойдите и посмотрите. Советник осторожно выглянул наружу. Он вернулся к королю и, изо всех сил стараясь, чтобы его голос звучал как можно более беспечно, доложил:

– Да так – шуточная эмблема, которую вывесили евралийцы над своим лагерем. Вряд ли она позабавит ваше величество.

– Действительно, мне сейчас не до шуток. Вернемся к делу. Как я уже говорил, вы объявите людям, что великая жертва, которую ради них принес государь, состоит в том... Опять они... Я должен посмотреть сам. Откиньте полог!

– Но вашему величеству это не покажется смешным.

– Вы что, намекаете, что у меня нет чувства юмора? – заносчиво спросил король.

– О нет, сир, но ведь бывают определенного рода шутки – шутки несколько дурного тона, которые, естественно, не рассчитаны на такой деликатный вкус, как у вашего величества. Эта произвела на меня именно такое впечатление.

– Я и сам разберусь, без вашей помощи. Сейчас же откройте дверь.

Советник открыл дверь, и глазам короля, развеваясь на легком ветерке чуть пониже королевского штандарта Евралии, предстали его собственные горячо любимые бакенбарды.

Короля Бародии трудно было назвать симпатичным человеком, и дочери его отнюдь не блистали красотой, но бывали моменты, когда он не мог не вызывать искреннего восхищения. Вот, например, как сейчас.

– Можете закрыть дверь, – обратился он к Советнику. – Инструкции, только что полученные вами, – продолжал он тем же ледяным тоном, – отменяются. Мне надо подумать.

И он стал думать, меряя решительными шагами палатку.

– Вы тоже можете думать, – неожиданно мягко сказал он Советнику, – и если вам придет в голову что-нибудь не совсем бессмысленное, предлагайте.

Он продолжал расхаживать по палатке и вдруг остановился как вкопанный перед

большим зеркалом. В первый раз, с тех пор как ему исполнилось семнадцать, он увидел свое лицо, не украшенное бакенбардами. Не в силах оторвать взгляда от отражения, он поманил рукой Советника.

– Идите-ка сюда, – сказал он, притягивая его за рукав. – Посмотрите, – он указал рукой на зеркало.

– Это действительно я? Зеркало не врет? Это правда мое лицо?

– Да, сир.

Король еще некоторое время как зачарованный вглядывался в отражение, а потом повернулся к Советнику и с негодованием заявил ему в лицо:

– Ты трус! Малодушное, жалкое, начиненное бумажной трухой подобие человека! И ты раболепствуешь перед таким королем?! Да мне надо дать пинка!

Советник вспомнил двадцатидюймовый пинок, некогда полученный им самим, и отвел было ногу для удара, но призадумался.

– Но вы можете дать мне сдачи, – предположил он.

– Конечно, дам, – без тени сомнения в голосе отвечал король.

Советник пребывал некоторое время в нерешительности, а потом выразился следующим образом:

– Я думаю, мелкие личные ссоры перед лицом общего врага следует считать предосудительными.

Король взглянул на него, коротко рассмеялся и снова стал ходить.

– Опять это лицо... Нет, ничего не выйдет. Я не смогу править страной в таком виде. Придется отречься.

– Но, ваше величество, это ужасное решение! Разве вы не можете удалиться в изгнание на то время, пока бакенбарды не отрастут. В конце концов, это...

Король остановился прямо напротив Советника и мрачно посмотрел на него сверху вниз.

– Советник, эти бакенбарды, которые вы только что видели развевающимися на ветру, целых сорок лет были моим проклятием. Все эти сорок лет я жил по их указке. Приходилось вести себя не так, как мне велел характер – добродушный и общительный, – а как хотели эти дурацкие штуки. Я играл роль, которая сначала причиняла мне одни неудобства, но потом, увы, я к ней привык. И все равно, то, что вы наблюдали каждый день, никогда не было моей подлинной сущностью, которую вы без труда прочтете на этом вот лице. – Он показал рукой на зеркало.

После продолжительного молчания, во время которого король продолжал разглядывать себя в зеркале. Советник рискнул предложить:

– Но, ваше величество, зачем же отречься? Подумайте, с какой радостью примет страна этого нового короля, которого вы мне сейчас открыли! И все же, – добавил он с сожалением, – это будет уже не то...

Король круто обернулся к нему.

– Вот это речь истинного бародианца! Конечно, это будет совсем не то. Мои подданные привыкли видеть в своем монархе определенные качества, и им их будет не хватать. Новый король может приучить их к чему-нибудь другому, но, чтобы изменился я, они не захотят. Нет, Советник, я отрекусь. И, пожалуйста, не делайте такого

печального лица. Я ожидаю большой радости от будущего!

Советник печалился вовсе не о нем, а о самом себе. Он думал, что новый король вполне может отказаться не только от прежней внешности, но и от прежнего Советника.

– Но что же вы станете делать?

– Я буду простым подданным нового короля и стану зарабатывать на жизнь собственным трудом.

Советник удивленно поднял брови.

– Вы, наверное, думаете, – надменно заметил король, – что у меня ума не хватит заработать на жизнь?

Советник, откашлявшись, стал объяснять, что весьма достойные качества, присущие монарху, не всегда находят должное соответствие и применение и т.д.

– Все, что вы сказали, свидетельствует лишь о том, как мало вы в этом разбираетесь. Представьте себе, я случайно обнаружил, что во мне есть задатки замечательного свинопаса.

– Свинопаса?!

– Ну да, человека, который... ээ... пасет свиней. Вас, наверное, удивит, что, выступая в роли свинопаса, я беседовал с представителем этой профессии о его ремесле, и он даже ничего не заподозрил. Это будет как раз та деятельная жизнь на свежем воздухе, которая доставит мне массу удовольствия. Пасешь и доишь, доишь и... ээ... пасешь, и так идет день за днем. – Счастливая улыбка, которую Советнику никогда не доводилось видеть, разлилась по лицу короля. Он игриво хлопнул Советника по спине. – Я стану просто счастливым человеком.

– А как вы об этом объявите? – Советнику удалось найти на редкость удачный тон, представлявший собой нечто среднее между обращением к монарху и обращением к пастуху.

– А вот это уж ваша забота. Теперь, когда я скинул с себя бремя этих проклятых бакенбардов, гордость мне не пристала, но даже свинопас может испытывать некоторую неловкость, если его насильно побреют во сне. Мысль, что именно этому обстоятельству будет посвящено последнее упоминание обо мне в истории Бародии, невыносима. Поэтому вы объявите, что я был сражен сегодня глубокой ночью в честном бою с королем Евралии и что мои бакенбарды прикреплены к его королевскому знамени как символ победы. – Он подмигнул Советнику и добавил: – Нелишним будет упомянуть о том, что накануне поединка похитили мой заколдованный меч.

Советник лишился дара речи от восхищения мудростью плана и от радости. Как и его евральский брат, он тоже рвался домой. Право же, причиной войны послужило личное оскорбление, нанесенное королю. А если король больше не король, так и воевать не из-за чего.

Будущий свинопас сказал:

– Я считаю, что мне следует послать Ноту королю Евралии и предложить свой план. Сегодня под покровом темноты я выберусь из лагеря, а завтра начну новую жизнь. Не вижу причин, чтобы завтра же не распустить людей по домам. Между

прочим, часовой знает, что прошлой ночью меня не убили. Подумайте об этом.

– Я думаю, – ответил Советник, который уже предвкушал возвращение домой и вовсе не желал, чтобы все расстроилось из-за простого солдата, – я думаю, мне удастся убедить часового в том, что вы действительно погибли прошлой ночью.

– Ну, тогда все в порядке. – Король снял кольцо с пальца. – Может быть, это вам поможет. Теперь оставьте меня – я начну письмо королю Евралии.

Король Веселунг несказанно обрадовался этому письму. В нем недвусмысленно объявлялось об окончании войны и о том, что король Бародии отказывается от престола. Вместо него станет править сын – безобидный простака, который не причинит Евралии ни малейшего беспокойства. Король Бародии надеется, что дело будет представлено таким образом, будто бакенбарды были выиграны в честном бою – это наилучший выход для них обоих. Лично он весьма рад от них избавиться, но есть же у человека чувство собственного достоинства. Он хочет отныне посвятить себя личной жизни, и, если пойдет молва о том, что его сразил король Евралии, это только облегчит его существование.

Веселунг после ночного приключения спал долго, так что, когда он проснулся, письмо уже лежало наготове. Он немедленно вызвал своего Советника.

– Что вы сделали с этими... трофеями? – спросил он.

– В настоящий момент, сир, они трепещут на вашем флагштоке.

– Понятно. А что говорят мои люди?

– Они покатываются со смеху, ваше величество.

– Да, но что они говорят?

– Одни говорят, что ваше величество, проявив чудеса находчивости, проникли в стан противника и срезали бакенбарды, пока он спал, другие – что, проявив чудеса храбрости, вы победили врага в смертельной схватке и захватили военный трофей.

– О! А вы что говорите?

– Разумеется, ваше величество, я пока не говорю ничего.

– Очень хорошо. Я все как следует обдумал и теперь вспомнил, что я действительно сразил короля Бародии прошлой ночью. Вы меня понимаете?

– Искусство вашего величества в обращении с мечом всегда служило предметом восхищения подданных.

– Прекрасно, – подтвердил Веселунг. – Вот, собственно, и все. Я встаю. А завтра мы все едем домой.

Советник вышел, радостно потирая руки.

Глава 18

Лесной долгожитель принимает двух очень молодых людей

Помните ли вы тот день, когда принцесса Гиацинта и Виггз сидели на башне замка и мечтали, как приедет принц Удо? Принцесса думала, что у него темные волосы, а Виггз – что светлые, и они гадали, куда его поместить – в Голубую комнату или, лучше, в Пурпурную, и мечтали, как он поставит графиню на место и принесет счастье в Евралию. Теперь Гиацинте казалось, что с тех пор прошло чуть не несколько лет, и снова она сидела на башне вместе с Виггз.

Ей было ужасно тоскливо. Она всей душой стремилась избавиться от этой «посторонней помощи», которую навлекла на себя столь опрометчиво. Теперь они против нее вдвоем. Одной Бельвейн было более чем достаточно, но Бельвейн вместе с Удо, действующим по указке все той же Бельвейн, – это в сто раз хуже.

– Виггз, что ты делаешь, когда тебе плохо и никто тебя не любит? – спросила принцесса.

– Танцую, – с готовностью ответила Виггз.

– А если тебе не хочется танцевать?

Виггз попыталась припомнить те мрачные времена (примерно неделю назад), когда она не умела танцевать.

– Тогда я иду в лес и сажусь под мое любимое дерево, и понемногу все начинают меня любить.

– Вряд ли они полюбят меня.

– Еще как полюбят! Показать вам мое волшебное дерево?

– Да, только не ходи со мной, просто расскажи, где оно. Я хочу быть несчастной одна.

И Виггз рассказала принцессе, что надо идти по узкой тропинке, уходящей в глубь леса, до тех пор, пока деревья по обеим сторонам не начнут редеть и не откроется поляна. И надо спуститься с холма, перейти ручей и подниматься по другому берегу, пока снова не начнется лес, и самое первое дерево – самое большое, самое старое и самое красивое – это и есть оно. И надо сесть, прислонившись спиной к стволу, и смотреть туда, откуда пришел, и тогда скоро почувствуешь, что все будет хорошо.

– Я найду его, – сказала Гиацинта, вставая, – спасибо, дорогая.

Она нашла это дерево и села под ним, и сначала сердце ее было полно горечи из-за Удо и из-за графини. Она даже сердилась на отца за то, что он оставил ее одну. Но от леса веяло таким миром, таким спокойствием, что вскоре душа принцессы тоже успокоилась, и она поняла: как-нибудь она со всем этим справится. Только ей очень хотелось, чтобы поскорее вернулся отец, потому что он любил ее, а когда тебя никто не любит, жить становится очень трудно.

Вдруг за ее спиной раздался голос:

– Здесь очень красиво, правда?

Она обернулась и увидела высокого юношу, который выходил из леса.

– Кто вы? – спросила Гиацинта, изумленная его внезапным появлением. Наряд ничего ей не сказал, зато лицо говорило о множестве вещей, узнать которые она была рада.

– Меня зовут Лионель.

– Красивое имя.

– Может быть... но не позволяйте ему сбить вас с толку. Это имя принадлежит человеку, ничего особенного собой не представляющему. Вы не возражаете, если я сяду? Я всегда сижу здесь в это время дня.

– О-о! Вы живете в лесу?

– Да, последнюю неделю. – Юноша дружески улыбнулся и добавил: – Вы немного опоздали.

– Опоздала?

– Я жду вас уже семь дней.

– А откуда вы обо мне узнали?

Лионель широким взмахом руки обвел поляну, и ручей, и лес.

– А для кого же все это? Кто-то должен время от времени говорить «спасибо» за такую красоту.

– А вы разве не говорили?

– Я? Я бы не осмелился. Нет, это ваша поляна, а вы так непростительно ею пренебрегаете.

– Сюда приходит одна маленькая девочка, – сказала Гиацинта. – Вы ее не встречали?

Лионель отвернулся. В его душе были тайные уголки, в которые даже Гиацинта не могла заглядывать... пока.

– Она танцевала, – коротко ответил Лионель.

Наступило молчание, но оно не вызывало неловкости, как будто они уже были давно знакомы.

– Знаете, – заговорила Гиацинта, глядя на юношу сверху вниз, потому что он лежал у ее ног, – довольно странно, что вы здесь появились.

– Хотел бы и я так думать, но не могу. Предпочитаю считать, что оказался здесь по велению долга. А вообще-то мне очень нравятся места, где мое появление может показаться странным. А вам?

– Мне очень нравится это место. – Гиацинта вздохнула. – Виггз оказалась права.

В ответ на вопросительный взгляд Лионеля она объяснила:

– Виггз – это та самая девочка, которая танцует.

Лионель, вспомнив, что обещал ему танец Виггз, быстро отвел глаза.

– Конечно, она была права, – проговорил он.

Прицесса вдруг совсем успокоилась. Казалось, ничто и никогда больше ее не встревожит. Кем бы ни был этот юноша – неважно. Он даже мог исчезнуть навсегда. Все равно, случилось что-то, от чего Гиацинта перестала бояться мира.

– Мне казалось, что все мужчины Евралии на войне, – сказала она.

– Так и есть.

– Тогда кто же вы? Принц из далекой страны? Волшебник? Вражеский лазутчик? Странствующий музыкант? Видите, я предоставила вам немалый выбор...

– Мне не остается ничего иного, как быть тем, кто я есть. Я Лионель.

– А я Гиацинта.

Он, конечно, знал, как ее зовут, но не показал виду.

– Гиацинта, – произнес он, протягивая руку.

– Лионель, – ответила Гиацинта, протягивая навстречу свою.

А ручей бормотал что-то сам себе, спеша мимо них вниз по лощине.

Гиацинта поднялась с легким вздохом сожаления.

– Ну что ж, мне пора.

– Правда пора? Так не хочется расставаться...

– Действительно пора.

Лионель осмелился намекнуть:

– У этого места есть одна удивительная особенность – оно не становится хуже на завтра. На завтра в то же время.

– Это просто удивительно, – улыбнулась Гиацинта.

– Да, но когда речь идет о таком важном деле, не стоит принимать на веру чужие слова.

– Думаете, мне следует убедиться самой? Может быть, так я и сделаю.

– Свистните, если я случайно буду проходить мимо, и скажите, убедились вы или нет. До свидания, Гиацинта.

– До свидания, Лионель.

Принцесса ласково кивнула и стала легко спускаться с холма. Лионель глядел ей вслед.

«И о чем только думает Удо? – удивлялся он. – Разве что она не любит животных... Целый день ждать. До чего же долго!»

Если бы ему стало известно, что Удо, теперь уже на двух ногах, в этот самый момент находится в саду графини, пытаясь, вот уже в пятый раз, поведать ей о своих юных годах в Арабии, он удивился бы еще больше.

Если вы помните, мы оставили Лионеля в Арабии. Три или четыре дня он гадал, что же случилось с Удо, чувствуя все большую необходимость что-то предпринять. Не в силах более оставаться в бездействии, он вскочил на коня и отправился в дорогу. Если Удо нужна помощь, он ему поможет. Если с Удо все в порядке, он с чистой совестью вернется в Арабию.

По правде говоря, Лионелем в значительной степени руководило чувство ревности.

Некий принц Периваль, гостивший при дворе его дяди, некогда искал руки принцессы Гиацинты, но, проиграв схватку со знаменитым семиголовым быком, припасенным для него Веселунгом, оставил свои попытки. У сего принца оказался портрет принцессы, написанный по его просьбе придворным художником, и он показал его Лионелю. Именно поэтому Лионель сначала отказался сопровождать Удо в Евралию, и по той же причине он с легкостью убедил себя, что в Евралию его призывает долг дружбы.

Всю последнюю неделю Лионель провел в лесу, потому что не совсем представлял себе, что делать дальше. Поскольку по дороге ему ничего не удалось узнать о Удо – ни двуногим, ни четвероногим, – следовало вернуться во дворец, потому что в противном случае он так ничего и не узнает. А если он вернется во дворец и выяснит, что с Удо все в порядке и что принцесса в него влюблена, случится самое худшее. Ему придется помогать ей восторгаться Удо – занятие совершенно неприемлемое для влюбленного человека, ибо к тому времени он твердо решил, что влюблен в Гиацинту.

Итак, ему пришлось ждать в надежде, что что-то случится. И вот сначала появилась Виггз и, наконец, Гиацинта. Теперь он был очень рад, что остался в лесу.

На другой день Гиацинта снова появилась на том же месте.

– Я знал, что вы придете, – сказал Лионель. – Не правда ли, все так же красиво, как вчера?

– Мне кажется, еще красивее, – ответила Гиацинта.

– Вы имеете в виду эти легкие белые облачка? Это я придумал разбросать их по небу. Я так и знал, что вам должно понравиться.

– Интересно, что вы делали целый день? Вы были очень заняты?

– Не очень. Во всяком случае, у меня нашлось время петь.

– А почему вы пели?

– Потому, что я молод, и потому, что лес так красив.

– И я тоже пела сегодня утром.

– Почему?

– Потому, что война с Бародией окончена.

По лицу Лионеля было заметно, что это известие произвело на него сильное впечатление.

– Но вам это, наверное, не так уж интересно. Вот если бы вы жили в Евралии... – слегка удивилась Гиацинта.

– Мне это как раз ужасно интересно. У вас есть время, чтобы как следует повосхищаться, а я пока подумаю. Смотрите, вон еще одно из моих облачков.

Лионелю действительно было над чем поразмыслить. Если война кончилась и король вот-вот вернется, Удо может остаться в Евралии, только если у него есть определенные намерения в отношении принцессы. Значит, если он вскоре отправится в Арабию, то... А что, если он все еще животное? Тогда он вряд ли отправится в Арабию... Есть и третья возможность: он мог вообще не доехать до Евралии. Масса вопросов, требующих ответа, и рядом с ним находится человек, который может дать эти ответы. Но нужна осторожность.

– Девяносто восемь, девяносто девять, сто! – громко сказал он. – Ну вот, теперь вы, наверное, насмотрелись.

– И что же вы решили? – улынулась Гиацинта.

– Решил? – Лионель удивился ее проницательности. – О нет, я ничего не решал, я просто думал. О животных.

– И я тоже.

– Как удивительно! Хотя это дурно с вашей стороны – ведь вы должны были

восхищаться моими облачками. А о каком животном вы думали?

– О разных.

– А я думал о кроликах. Вам нравятся кролики?

– Не особенно.

– Пожалуй. Они такие прыгучие... А львы вам нравятся?

– Мне кажется, что у них какие-то глупые хвосты.

– Возможно. Как насчет барашков?

– В последнее время я совсем разлюбила барашков.

– Действительно, это не самые интересные из животных... Забавно, – заметил он как бы невзначай, пытаясь поймать ее взгляд, – что мне однажды довелось видеть помесь трех этих зверей.

– И мне тоже. – Гиацинта тяжело вздохнула, но Лионель видел, что подбородок у нее дрожит, и вдруг она обернулась и посмотрела ему в глаза, и они вместе рассмеялись.

– Бедный Удо! – сказал Лионель. – Как он теперь?

– С ним все в порядке.

– Все в порядке? Тогда почему он не... Правда, я очень рад этому.

– Он мне не понравился, – отвечала Гиацинта, покраснев. Потом она слегка улыбнулась и отважно продолжала: – Но, по правде говоря, сначала я не понравилась ему.

– Он хочет, чтобы его непрерывно ублажали. Это моя обязанность, а не ваша.

Гиацинта взглянула на него с новым интересом.

– Теперь я знаю, кто вы такой. Он мне о вас говорил.

– И что же он обо мне говорил? – спросил Лионель, изнывая от любопытства.

– Он сказал, что вы неплохо разбираетесь в поэзии.

Лионель был слегка разочарован. Он предпочел бы, чтобы Гиацинта услышала, что он неплохо разбирается в драконах. Однако теперь, когда они встретились, это не имело значения.

– Принцесса. – Он решил, наконец, объясниться начистоту. – Я думаю, вы все время задаете себе вопрос, что я вообще здесь делаю? Я приехал узнать, не нуждается ли Удо в моей помощи и не нуждаетесь ли в ней вы. Принц Удо был моим другом, но если он не друг вам, то и мне больше не друг. Расскажите, что здесь происходит и чем я могу вам помочь.

– Вчера вы называли меня Гиацинтой, и имя мое осталось прежним.

– Гиацинта, скажите, нужен ли я вам? – серьезно произнес Лионель, беря ее за руку.

– Спасибо, Лионель. Видите ли, все получилось так...

И, сидя под волшебным деревом Виггз, она рассказала ему все.

Выслушав ее, Лионель беспечно улыбнулся.

– Ну что ж, ничего особенного. Все очень просто. Вы хотите прогнать Удо и поставить графиню на место? Я без труда сделаю одно, а вы – другое.

– Но как я могу прогнать Удо?

– Нет, это как раз сделаю я.

– Лионель, дорогой, неужели вы думаете, что, если бы я могла поставить на место графиню, мне пришлось бы просить чьей-то помощи? Мне кажется, вы плохо себе представляете, что она за человек. К тому же я на самом деле не очень-то знаю, где ее место. Видите ли, я забыла вам сказать, что мой отец от нее без ума.

– Я думал, это Удо от нее без ума.

– Они оба.

– Ну, тогда все очень просто, – предложил Лионель с воодушевлением. – Мы убиваем Удо, и тогда... ну, в общем, половина дела сделана.

– Да, но как насчет второй половины?

Лионель с минуту подумал.

– Хорошо, тогда – наоборот. Мы убиваем графиню и ставим на место Удо.

– Отцу это совсем не понравится, а он приезжает завтра.

Лионель никак не мог понять, чего хочет принцесса: если король влюблен в графиню, он все равно на ней женится, что бы ни сделала Гиацинта, и тогда какой смысл ставить ее на место на один день, если на следующий она займет место на троне. Гиацинта угадала его мысли.

– О, вы не понимаете! – воскликнула она. – Графиня пока не знает, что отец возвращается завтра. И если только я могла бы ей показать – неважно, пусть всего на один час, – что я ее не боюсь и что она не может мной помыкать, тогда я готова забыть все, что происходило в эти последние две недели. Но она относилась ко мне без всякого уважения, она делала все, что ей заблагорассудится, она строила мне козни, и, если она никак не будет наказана, а просто выйдет за отца замуж и станет королевой, у меня совсем не останется гордости и я перестану...

– Надо бы взглянуть на эту Бельвейн, – задумчиво перебил ее Лионель.

– Ах, Лионель, если и вы в нее влюбитесь, я умру от стыда.

– В нее, Гиацинта?

Она не смогла выдержать его взгляда и опустила глаза.

– Да, вы... я никогда... вы никогда... – Но в следующую секунду он уже держал ее в объятиях, и она поняла, что никогда больше не почувствует себя одинокой.

Глава 19

Удо ведет себя как джентльмен

– А теперь, – сказал Лионель, – мы должны решить, что делать.

– Но мне теперь все равно, – ответила Гиацинта, и голос ее был совершенно счастливым. – Пусть она берет и трон, и отца, и Удо, и... все, что угодно, – мне ничуть не жалко. Видите ли, Лионель, у меня есть вы, и я не могу ревновать и сердиться.

– Именно поэтому может получиться очень весело. Можно попробовать сделать все, что угодно, и неважно, если из этого ничего не выйдет. Давайте придумаем – просто для забавы, – чем мы могли бы ей отплатить.

– Сегодня мне меньше всего на свете хотелось бы причинять кому-нибудь зло.

– А мы и не причиним ей зла, мы ее разыграем. Будем самыми покорными ее слугами, и пусть она получит все, что захочет.

– Включая принца Удо, – засмеялась Гиацинта.

– Великолепная идея! Мы заставим ее получить Удо. Это, наверное, расстроит вашего отца, но на всех не угодишь. О, я совершенно уверен, что, по крайней мере, мы получим большое удовольствие.

Они тихим шагом пошли по тропинке рука об руку.

– Мне немного страшно выходить из леса, – сказала Гиацинта. – Вдруг что-нибудь случится?

– Что может случиться?

– Я не знаю, но до сих пор вся наша жизнь проходила в лесу. Просто я немного боюсь большого мира.

– Я буду рядом. Гиацинта.

– Будьте рядом всегда, Лионель, – прошептала она, и они пошли дальше.

Если слуги и удивились появлению Лионеля, никто и виду не подал. В конце концов, это тоже входит в обязанности хорошей прислуги.

– Наш гость принц Лионель! – объявила Гиацинта. – Приготовьте для него комнату и завтрак для нас обоих.

И если в те времена в людской обсуждались подобные вещи (а они наверняка обсуждались), то, без сомнения, все говорили друг другу, что наконец-то принцесса, благослови Господь ее хорошенькое личико, нашла свою судьбу – обратите внимание, как они глядят друг на друга! Но Роджер об этом не пишет – он делает вид, что не может позволить себе снизойти до сплетен низших сословий.

Когда они поднимались по широкой лестнице, Лионель сказал:

– Я не принц, вы же знаете. Не говорите потом, что я вас обманывал.

– Вы мой принц! – гордо заявила Гиацинта.

– Дорогая, сегодня я король, а вы моя королева, но это только в нашей особой стране для двоих.

Гиацинта ответила ему благодарным и радостным взглядом.

– Если это так вас беспокоит, я попрошу отца, и он сделает вас настоящим принцем хоть завтра.

– Вы так думаете? Я в этом совсем не уверен. Он же еще не знает, какой подарок мы готовим графине.

Теперь самое время вернуться к Бельвейн. Мы слишком давно с ней не виделись, по крайней мере, гораздо больше, чем Удо, который в очередной раз рассказывал ей необыкновенно скучную историю о своем поединке с драконом (пребывавшим, по всей видимости, в состоянии старческого слабоумия). Графиня внимала ему с неподдельным интересом, который мог показаться преувеличенным кому угодно, даже самому рассказчику.

– И потом, – говорил Удо, – я быстро отпрыгнул вправо, вращая меч над головой... Нет, подождите минутку... Я быстро отпрыгнул влево – да, я сейчас точно помню, что влево, – и, вращая...

Он замолчал, обратив внимание на выражение лица слушательницы: она смотрела вдаль, на что-то за его спиной.

– Боже мой, что это? – Она медленно поднялась со скамьи.

Не успел Удо расстаться со своим драконом, как принцесса и Лионель оказались рядом.

– А-а, графиня, – любезно и непринужденно проговорила Гиацинта, – я так и думала, что мы найдем здесь вас обоих. Позвольте мне представить вам герцога Лионеля. Лионель, это графиня Бельвейн – моя добрая и верная подруга. С принцем Удо вы, конечно, знакомы. Его королевское высочество и графиня... впрочем, об этом уже все знают...

Лионель учтиво поклонился пораженной Бельвейн.

– Ваш покорный слуга, – сказал он. – Не можете вообразить, как я был счастлив услышать эту новость. Удо – мой самый близкий друг. – Он слегка похлопал по спине ошарашенного принца. – Правда же, Удо? Я уверен, графиня, что вы сделали во всех отношениях достойный выбор. – Он снова поклонился и повернулся к принцу. – Ну, Удо, ты великолепно выглядишь – не то что в прошлый раз. Графиня, мы в последний раз виделись... да, когда же это было?.. А-а, как раз накануне прибытия принца в Евралию. Воистину, настоящая любовь творит чудеса!

Мне кажется, одним из самых примечательных достоинств графини было умение хранить молчание, если она не знала точно, что следует сказать. Поэтому она ничего не говорила до тех пор, пока все как следует не обдумала: кто такой Лионель, что он здесь делает и даже... не является ли брак с Удо лучшим, на что она может рассчитывать в настоящее время?

В отличие от нее Удо сразу же начал сбивчиво оправдываться.

– Мы не совсем, принцесса... Я имею в виду... Я не знал, принцесса, что вы... Что ты здесь делаешь, Лионель? Как ты здесь оказался?

– Мы ему скажем? – с улыбкой обратился Лионель к Гиацинте.

Гиацинта кивнула.

– Я приехал, – сказал Лионель. – Тайно.

– Но я не знал, что вы...

– Мы поняли, что на самом деле знаем друг друга уже очень давно, – вмешалась Гиацинта.

– И, получив известие, что здесь намечается свадьба, – подхватил Лионель, – я сразу же...

Бельвейн приняла решение. Совершенно очевидно, что Лионель – это не принц Удо. Если он останется в Евралии как доверенное лицо – а она догадывалась, что гораздо больше, нежели доверенное лицо, – принцессы, то ей при дворе делать нечего. Что касается короля, то еще неизвестно, когда он вернется и на что она может надеяться. Чувства – вещь ненадежная. А стать королевой Арабии – тоже не последнее дело.

– Мы не хотели пока об этом объявлять, – застенчиво проговорила она, – но вы разгадали нашу тайну, ваше высочество. – Она потупила взор и, нащупывая руку не проявлявшего особого рвения возлюбленного, продолжала: – Удо и я, – тут ей попалась чья-то рука, но оказалось, что она принадлежит Лионелю. Тогда графиня твердо взяла Удо за руку и уже без всяких церемоний закончила: – Удо и я – мы любим друг друга.

– Удо, скажи же что-нибудь, – подсказал Лионель.

– Ээ... да, – выдавил из себя Удо, надеясь, что сумеет как-нибудь выкрутиться позже. Каковы бы ни были его чувства к графине, он отнюдь не собирался ввергаться в пучину брака.

– О, я так рада, – весело сказала Гиацинта. – Я чувствовала, что это должно случиться, потому что в последние дни вы почти не разлучались. Мы с Виггз часто об этом говорили.

«Что произошло с принцессой? – подумала Бельвейн. – Она больше не ребенок, она стала взрослой».

– Удо просто удержу не знает в таких делах, – охотно поддержал разговор Лионель. – Удо – самый пылкий из влюбленных.

Гиацинта продолжала:

– Отец будет в восторге. Вам, конечно, известно, что его величество прибывает завтра вместе со всей армией.

Графиня не вскрикнула и не упала в обморок. Она не попросила ни воды, ни нюхательных солей. Она не дрогнув приняла то, что, быть может, было самым большим ударом в ее жизни.

– Тогда мне, наверное, следует распорядиться приготовлениями к приезду его величества, если ваше высочество не против.

Она сделала реверанс и ушла.

Лионель и Гиацинта обменялись взглядами. «Это было восхитительно», – казалось, говорили их глаза.

Вскоре Гиацинта тоже отправилась во дворец, а Лионель остался в саду наедине с самым пылким из влюбленных.

– А теперь, – начал принц сердито, – скажи честно, что ты здесь делаешь.

Лионель взял его под руку и стал водить взад и вперед по мощеной дорожке.

– А как же твоя свадьба? В Арабии только об этом и говорят. Естественно, я прилетел сюда взглянуть на избранницу. Милый Удо, прими мои поздравления – она очаровательна.

– Не будь идиотом, Лионель. У меня нет ни малейшего намерения жениться.

– Тогда зачем же ты всем говоришь, что женишься?

– Ты прекрасно знаешь, что я никому ни о чем не говорил. Об этом и речи не было, пока ты не вмешался.

– Выходит, ты единственный, кто об этом не знает. Потому что принцесса знает, графиня знает, я знаю... Стало быть, тебе следует положиться на наши слова и...

– Я не собираюсь... Что ты вцепился мне в руку?!

– Дорогой Удо, мы так давно не виделись, и я просто слегка расчувствовался. Не пристало отворачиваться от старых друзей только потому, что встретил более достойных и преданных... Хорошо, если тебе так хочется забыть старую дружбу, тогда конечно... Но когда я женюсь, в моем сердце всегда останется место для...

– Я хочу, чтобы ты понял раз и навсегда, – злобно прошипел Удо, – я вовсе не женюсь. Нет, оставь в покое мою руку – мы можем говорить и так.

– Прости, Удо, – сказал Лионель очень мягко, – кажется, произошла ошибка. Но согласись, мы застали тебя при весьма компрометирующих обстоятельствах.

– Ничего компрометирующего в них не было, – с негодованием возразил Удо. – Я просто рассказывал ей о драконе, которого убил в прошлом году.

– Вот я и говорю... Кто же станет слушать столь безнадежную историю, кроме женщины, на которой собираются жениться?

– Еще раз повторяю: я не собираюсь на ней жениться.

– Что ж, ты волен поступать, как считаешь нужным. Только ты жестоко скомпрометировал ее этой своей историей. Бедная невинная девушка! Ладно, забудем об этом. А теперь скажи мне, как тебе понравилось в Евралии?

– Я сегодня же возвращаюсь в Арабию.

– Возможно, ты прав. Надеюсь, с тобой ничего не случится по пути...

Удо, который уже собирался войти во дворец, шагнул назад и настороженно взглянул на Лионеля.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, если ты помнишь, по дороге сюда с тобой что-то случилось... Кстати, что произошло? Ты же мне ничего не рассказал.

– Это все ваша драгоценная графиня, на которой вы собираетесь меня женить.

– Неужели? Как это дурно с ее стороны! Да, такого человека лучше не раздражать.

– Он немного помолчал, а потом задумчиво добавил: – Между прочим, мне кажется, кто угодно рассердится, если думает, что выходит замуж за человека, которого очень любит, а потом вдруг оказывается, что не выходит...

Тут уж Удо понял, в какой переплет он попал. Но сделал вид, что ничуть не испугался.

– Она не сможет ничего сделать. В прошлый раз ей это удалось только благодаря случаю.

– Да, но случай может подвернуться снова. Не хотел бы я оказаться на твоём месте. Она очень умна, и никто не может чувствовать себя в безопасности, имея такого врага. Прелестные цветы, не правда ли? Как они называются?

Удо в растерянности опустил на скамью. Было над чем подумать. Графиня... а в конце концов, чем она плоха? И она явно его обожает. Ну, это-то, конечно,

неудивительно. Вопрос в том, благородно ли разочаровывать кого-либо, у кого, возможно, были некоторые основания... Вообще-то он проявил не больше галантности, нежели приличествует принцу и джентльмену по отношению к красивой женщине. Если она неверно оценила его намерения, сама виновата. Конечно, ему не следовало так задерживаться в Евралии, но она решительно очень красива, и, может быть, он слишком... И он действительно слегка пренебрегал принцессой. И опять, почему бы и не жениться на графине? Глупо, конечно, обращать внимание на всю эту чепуху, которую наговорил Лионель, но кто знает... Не то чтобы он решил жениться из страха. Нет, конечно нет. Это просто рыцарский жест. Бедная женщина наверняка будет сильно огорчена, и чувство долга повелевает ему избавить ее от страданий.

– Я вижу, она обожает цветы, – сказал Лионель.

– Тебе надо будет привести в порядок дворцовый сад.

– Вот что, Лионель, пойми, пожалуйста, я вовсе не боюсь графини.

– Дорогой Удо, что за речи для влюбленного! Конечно, не боишься. В конце концов, то, что ты перенес однажды с таким терпением и достоинством, в следующий раз покажется просто пустяковым делом.

– Мне крайне неприятна эта тема. Прошу тебя, прекрати! Если я женюсь на графине...

– Ты будешь счастливым человеком. Я случайно узнал, что король Евралии... однако, как видишь, она предпочла тебя. Лично мне непонятно, что она в тебе нашла...

– Ну, мне это представляется вполне очевидным, – с важностью изрек Удо. – Ты знаешь, Лионель, я думаю, что, может быть, ты прав и долг повелевает мне на ней жениться.

Лионель торжественно пожал ему руку:

– Я от души поздравляю ваше королевское высочество. Сейчас же сообщу о вашем решении принцессе. Она очень позаба... обрадуется.

И он вошел во дворец.

О вы, влюбленные, пожалейте его – он не видел Гиацинту уже целых десять минут.

Глава 20

Выясняется, что Лионель может по достоинству оценить хорошую историю

Я хочу начать эту главу цитатой из известной эпической поэмы Шарлотты Гулигулинг, посвященной бародо-евралийской войне:

Король Евралии закончил свой поход,
Победой славной осчастливив весь народ,
Вот первый взвод солдат уже виднеется вдали.
Они все шли, и шли, и шли, и шли, и шли...

Сразу представляешь себе, какой долгий путь проделала армия короля Евралии.

Насколько мне известно, это единственное дошедшее до нас произведение Шарлотты, но оно принесло ей заслуженную славу. Графиня Бельвейн, которая имела полное право судить о поэзии, была чрезвычайно высокого мнения о ее гении.

Если быть точным, из 5000 человек, отправившихся в поход, вернулись лишь 4999. Генри Маленос, лучник с большим будущим, остался на территории противника. Единственная потеря в этой необыкновенной войне. В самом начале ее во время одной из разведывательных операций, когда Генри, распластавшись, ползал по мокрой траве в поисках следов, его обнаружил Главный Оружейник Бародии. Главный Оружейник, очень добрый человек, пригласил Генри к себе, обсушил, напоил согревающим питьем и сказал, что если он по долгу службы вновь окажется где-нибудь поблизости, то пусть без церемоний заходит к ужину. Генри, перехватив взгляд старшей дочери Оружейника, без ложной скромности воспользовался приглашением и потом частенько заходил на огонек. Когда война кончилась, он понял, что никак не может расстаться с этим гостеприимным домом. Поэтому с соизволения короля Евралии он остался в Бародии, а с соизволения Главного Оружейника Бародии зажил жизнью женатого человека.

Когда наконец вдали показались башни замка, Веселунг радостно вздохнул. Снова дома! Невзгоды войны остались позади, плоды победы (завернутые в пергаментную бумагу) лежали у него в кармане, впереди были дни почетного отдыха. Он с умилением узнавал приметы своей милой родины, и сердце его было переполнено благодарностью. Никогда больше он не покинет Евралии!

Снова увидеть Гиацинту! Бедная девочка оставалась совсем одна, но нет, с ней была графиня, женщина с большим опытом, она помогала ей. Бельвейн! Осмелится ли он? Думала ли она о нем? Гиацинта вырастет и скоро выйдет замуж. Его ждет одиночество, если не... Стоит ли рискнуть? Что скажет Гиацинта?

Гиацинта ждала его у ворот замка. Она хотела, чтобы Лионель встречал короля вместе с ней, но тот отказался.

– Новости надо сообщать постепенно, – сказал он. – Когда человек возвращается

домой после успешной кампании, вряд ли ему будет приятно, если на него обрушится все разом. Подумай, ведь мы даже не знаем, почему окончилась война – он, наверное, мечтает тебе об этом рассказать. И не только об этом. А вот потом, когда он спросит: «Ну, что тут у вас делалось без меня? Надеюсь, ничего особенного», тогда ты скажешь...

– Да, тогда я скажу: «Ничего особенного, только Лионель. И какой замечательный!»

– Ну, у него на этот счет может быть другое мнение. Я пока побуду где-нибудь поблизости. Погуляю в лесу. Или могу остаться в саду графини и поразвлекаться с Удо. В любом случае даю вам час.

Внушительная кавалькада приближалась к замку. Дамы размахивали платочками, дудели трубы, лаяли гончие. Гиацинта, одетая в голубое с золотом, сбежала по ступеням и бросилась в отцовские объятия.

– Мое дорогое дитя, – твердил Веселунг, ласково поглаживая ее по спине. – Ну, ну, успокойся же. Твой старый отец снова с тобой. – Он успокаивал ее, как будто это она, а не он сам вот-вот зарыдает. – Моя маленькая Гиацинта! Милая дочь!

– О, отец, я так рада, что ты вернулся!

– Я тоже, дитя мое. Теперь я должен обратиться к народу, а потом мы расскажем друг другу все, что с нами произошло за это время.

Он выступил вперед на один шаг и произнес речь:

– Народ Евралии! (Приветственные крики.) Мы вернулись из долгого и опасного похода (окации) в объятия (бурные окации) наших матерей, жен и дочерей (продолжительные окации). В честь великой победы я объявляю завтрашний день государственным праздником Евралии (бурные окации). Теперь я разрешаю вам разойтись по домам и надеюсь, что каждого из вас ждет такой же теплый прием, какой ожидает меня в моем милом доме.

Тут он повернулся и снова заключил дочь в объятия, и если взгляд его скользнул над ее головой в направлении сада графини, то это не так уж важно и в этом, без сомнения, виновата планировка замка.

Последовала буря приветственных возгласов. Пять тысяч глоток проревели военный клич Евралии: «Хо, хо, Веселунг!», и люди радостно разбежались по домам. Веселунг с Гиацинтой вошли во дворец.

– Теперь, отец, – сказала Гиацинта, после того как король переделся и подкрепился, – ты должен мне все рассказать. Даже не верится, что все кончилось.

– Да, да, – ответил Веселунг, – все кончилось. Я думаю, с этой стороны нам больше ничего не угрожает.

– Скажи, король Бародии принес извинения?

– Он сделал больше – он отрекся.

– Почему?

– Потому что... – Веселунг вовремя спохватился. – Ну, потому что я собственноручно нанес ему смертельный удар.

– О, отец, как это жестоко!

– Не думаю, что он сильно пострадал, дорогая. Скорее это был удар по его

чувствам. Смотри, что я тебе привез.

Он вынул из кармана маленький сверток.

– О, как интересно! Что это?

Король развернул пергаментную бумагу и извлек пару рыжих бакенбардов, аккуратно перевязанных голубой ленточкой.

– Отец!

Он взял в руки один из них и предъявил Гиацинте.

– Смотри, вот в это место угодила стрела Генри Малоноса. Между прочим, – добавил он, – Генри женился и остался в Бародии. Удивительно, как после войны мысли человека принимают матримониальное направление. – Он выжидательно помолчал и покосился на дочь, но она все еще была поглощена бакенбардами.

– Что мне с ними делать? Не могу же я посадить их в саду.

– Я думаю, их можно прикрепить к флагштоку, как мы это сделали в Бародии.

– Мне кажется, это будет не очень-то благородным жестом теперь, когда бедняга умер.

Веселунг оглянулся, чтобы удостовериться, что в зале нет лишних ушей.

– Ты умеешь хранить тайны? – спросил он многозначительно.

– Конечно, – сказала Гиацинта, сразу же решив, что она поделится секретом только с Лионелем.

– Тогда слушай.

Он рассказал ей о тайной вылазке в неприятельский лагерь в палатку короля Бародии, о письме короля Бародии. Он рассказал все, что он говорил и делал и что делали и говорили все остальные, и его мальчишеское удовольствие было столь явно и столь невинно, что даже посторонний проникся бы к нему искренней симпатией.

А Гиацинте он казался самым милым из отцов и самым замечательным из королей.

Но мало-помалу дошла очередь и до того, о чем говорил Лионель.

– А теперь, – попросил Веселунг, – расскажи, что вы все тут подельвали без меня?

Он ждал, гадая, понимает ли Гиацинта, что «все» означает, в основном, графиню.

Гиацинта подвинула кресло и села рядом с ним.

– Отец, – сказала она, погладив его по руке, – у меня действительно есть новости.

– Ничего о гра... ничего серьезного, я надеюсь? – с тревогой проговорил Веселунг.

– Это довольно серьезно, но довольно мило. Отец, дорогой, ты не возражаешь, если я выйду замуж?

– Девочка моя, как же я могу возражать? Дай подумать, – ведь недавно ко мне обращались не то шесть, не то семь принцев. Я послал их пока совершать разные подвиги. Но, пожалуйста, они уже должны были бы вернуться. Тебе о них ничего не известно?

– Нет, отец, – Гиацинта едва заметно улыбнулась.

– Ну, значит, им не повезло. Ничего страшного, дорогая, мы с легкостью раздобудем новых претендентов. На самом деле я совсем недавно об этом думал. Надо устроить небольшое состязание и сообщить о нем в соседние страны. Недостатка в кандидатах не будет. Интересно, этот семиголовый бык... Он, правда, староват, но на

последнего принца его хватило. Мы могли бы...

– Мне не нужны никакие претенденты, – мягко возразила Гиацинта. – Один уже есть.

– Моя дорогая, вот это действительно сюрприз! Расскажи все по порядку. Какой подвиг он совершил?

Гиацинта знала, что без этого вопроса не обойдется. В наше время ее бы спросили: «Какой у него годовой доход?» Должен же мужчина как-то продемонстрировать, чего он стоит.

– Пока никакого. Он только что приехал. Он был так добр ко мне, и я уверена, что тебе он тоже очень понравится.

– Хорошо, хорошо, мы для него что-нибудь придумаем. Может, все-таки этот семиголовый бык... Между прочим, кто он такой?

– Он приехал из Арабии, и его зовут...

– Удо, конечно.

– Отец, но это не Удо, это Лионель.

– Лионель? Кто бы это мог быть? – с сомнением проговорил Веселунг.

– Он... он... Отец, вот он! – Гиацинта подбежала к дверям. – О, Лионель, ты как раз вовремя. Расскажи, пожалуйста, моему отцу, кто ты такой.

Лионель низко склонился перед королем.

– Прежде чем я вам все объясню, ваше величество, позвольте мне от всего сердца поздравить вас с вашей славной победой над Бародией. Из того немногого, что мне удалось узнать, я уже понял, что это самая замечательная из всех самых замечательных побед. Но, конечно, я был бы счастлив услышать все подробности из уст самого победителя. Правда ли, что вы, ваше величество, под покровом ночи проникли в палатку самого короля Бародии, вызвали его на смертельный бой и сразили?

В глазах юноши король увидел располагающую серьезность, и сразу становилось понятно, что он от души завидует такому славному приключению.

Веселунг находился в довольно затруднительном положении. Конечно, он мог бы выслать дочь из комнаты, сказав: «Оставь нас, дитя мое. Это мужское дело». Но Гиацинта сразу все поймет и потом наверняка сообщит этому Лионелю правду.

Получалось, что ничего другого не остается, как посвятить молодого человека в тайну. Для начала он громко откашлялся.

– Мы нарочно распустили этот слух. По причинам государственной важности, – торжественно объявил он.

– Простите, ваше величество, я не имею намерения...

– Но раз уж я сказал так много, то придется рассказать и все остальное. Это произошло так...

И он еще раз поведал о своем ночном подвиге и о письме короля Бародии.

– Но, ваше величество, – воскликнул Лионель, – это же в сто раз интереснее! Я в жизни не слышал о столь остроумном замысле и столь блестящем его осуществлении.

– Значит, вам понравилось? – спросил Веселунг со всей доступной ему скромностью.

– Я просто в восторге!

– Я так и знала, что ему понравится, – вставила Гиацинта. – Лионель просто обожает подобные приключения. Теперь расскажи ему, как ты сражался один на один с королем Бародии, и как ты притворился свинопасом, и как...

Разве он мог отказаться? Спустя некоторое время Гиацинта и Лионель сидели на полу у его ног, а он снова захлеб расписывал свои подвиги.

– Ну, это еще ерунда, – сказал он, окончив великую повесть и получив новую порцию заслуженного восхищения. – В военное время и не такое случается... – Он обратился к Лионелю: – Насколько я понимаю, вы хотите жениться на моей дочери?

– Разве это удивительно, ваше величество?

– Нет, конечно, совсем не удивительно. А она, кажется, хочет выйти за вас замуж?

– Да, отец, очень хочу!

– Вот это, – заметил Лионель, – гораздо более удивительно.

Веселунг, однако, так не думал. Ему нравилось открытое лицо молодого человека, его манера держаться, его взгляд. Но больше всего ему нравилось, что тот способен по достоинству оценить хорошую историю.

– Конечно, вам придется заслужить эту честь.

– Я готов на все, ваше величество. Только не просите меня, – добавил Лионель с обезоруживающей улыбкой, – добыть бакенбарды короля Бародии. Есть лишь один человек на свете, которому под силу такое. Действительно, совершенно замечательный юноша!

– Для вас тоже что-нибудь найдется, – сказал Веселунг с весьма довольным видом. – Может быть, ваш принц Удо захочет принять участие в состязании, и тогда...

Гиацинта и Лионель обменялись улыбками.

– Увы, отец, мои прелести не в силах увлечь его высочество.

– Подожди, пока он тебя увидит, – возразил король, усмехнувшись.

– Он уже видел меня, отец.

– Как? Ты пригласила его в Евралию? Я не понимаю – он был здесь, видел тебя и не...

– Принц Удо, – вмешался Лионель, – одарил своим вниманием другую.

– Ага, значит, это секрет... Интересно, смогу ли я угадать?.. Как насчет принцессы Эльвиры из Трегонга? Мне известно, что ее отец делал кое-какие шаги в этом направлении.

Гиацинта оглянулась на Лионеля, ища у него поддержки. Он сделал шаг вперед и встал рядом.

– Нет, это не принцесса Эльвира. – Гиацинта уже сильно волновалась.

Король добродушно рассмеялся:

– Тогда сдаюсь.

Гиацинта незаметно протянула руку, и Лионель ободряюще пожал ее.

– Его высочество принц Удо, – решила она наконец, – собирается жениться на графине Бельвейн.

Глава 21

Принца Удо преследует змея

У Бельвейн оказалось в распоряжении двадцать четыре часа, чтобы обдумать случившееся.

Конечно, графиня обладала некоторыми недостатками, но на отсутствие чувства юмора она пожаловаться не могла и поэтому невольно улыбалась, вспоминая недавнюю сцену в саду. И как бы ни сожалела она о своей неожиданной помолвке, она была совершенно уверена, что Удо жалеет о ней еще больше. Если дать ему хоть малейшую возможность, он с радостью пойдет на попятный.

Тогда почему бы не предоставить ему такую возможность? «Милый принц Удо, умоляю вас о прощении, но я ошиблась в истинности своих чувств», произнесенное, разумеется, со склоненной головой и краской девичьего стыда на щеках... Удо поспешно удаляется, а его место занимает король Веселунг. Это совсем несложно.

Да, но тогда получится, что Гиацинта одержала верх. Гиацинта навязала ей эту помолвку, и, даже если она продлится всего лишь сутки, принцесса все это время будет торжествовать победу. Но если сделать вид, что она очень рада случившемуся, и довести до сведения врагов, что только этого и хотела, тогда их победа сама собою обращается в поражение.

Значит, придется выйти замуж за Удо как бы по собственной воле. Но цена, пожалуй, слишком высока. Он уже ей страшно надоел, и к тому же она имела твердое намерение выйти замуж вовсе не за принца Удо, а за короля Веселунга.

Все понятно – сделать вид, что выходит замуж за Удо, чтобы Веселунг испытал муки ревности, тогда он станет соперничать с Удо и на коленях умолять ее расторгнуть помолвку. Затем убрать Удо, который уже сыграет свою роль. Это единственно правильный образ действий.

Графиня не сразу пришла к столь блистательному решению. Предварительно она сочинила «Оду к Отчаянию», «Элегию к Несчастной Женщине» и «Триолет к Коварному Герцогу». Она также с полной серьезностью воображала, как будет жить в маленьком домике в лесной глуши, носить печальное серое платье и общаться лишь с птицами и деревьями – жизнь изгнанницы вдали от мирской суеты, в которую нет доступа мужчинам. В этой картине были свои привлекательные стороны, но потом она пришла к выводу, что серый цвет ей не к лицу.

Она спустилась в сад и послала за принцем Удо. Примерно в тот самый миг, когда на Мерривига обрушился сокрушительный удар, Удо клялся на солнечных часах, что он обожает лишь одну Бельвейн и с нетерпением ожидает того часа, когда она сделает его счастливейшим из смертных. Намеки Лионеля, по-видимому, произвели на него сильное впечатление.

– На графине Бельвейн!!! – вскричал Веселунг. – Какой-то принц Удо собирается жениться на графине Бельвейн! – Он сверлил взглядом Гиацинту и Лионеля, как будто это они были во всем виноваты (что на самом деле являлось чистой правдой).

– Почему ты не сообщила мне об этом раньше?

– Но помолвка только что была объявлена, отец.

– Кем объявлена?

Они переглянулись.

– Ну, принцем Удо, – принужденно сказал Лионель.

– Эго просто неслыханно! Я этого не потерплю.

– Но, отец, тебе не кажется, что из графини получится неплохая королева?

– Из нее выйдет прекрасная коро... Это не имеет никакого отношения к делу.

Месяц за месяцем я несую непосильное бремя, воюя в чужой стране. После ужасающих сцен насилия и жестокости я возвращаюсь домой, чтобы насладиться плодами победы. И не успеваю переступить порог собственного дома, как на меня обрушивается все это.

– Что «все это»? – невинно спросила Гиацинта.

– Все это, – негодуя ответил король, обводя рукой все вокруг. – Это никуда не годится. Я этого не потерплю. Имей в виду. Гиацинта, я этого не потерплю!

– Но, отец, что же я могу сделать? Веселунг не обратил на ее слова ни малейшего внимания.

– Я возвращаюсь домой, – продолжал он, распаляясь все больше и больше, – увенчанный лаврами победы. В место, которое считал своим родным мирным домом. И что меня ждет? Кто-то собирается жениться на ком-то здесь, и кто-то собирается жениться на ком-то там; ни одного имени невозможно упомянуть, чтобы тут же не услышать, что он собирается жениться или еще какой-либо подобной чепухи. Я совершенно всем этим расстроен. Я в гневе!

– Ах, отец, – умоляюще заговорила Гиацинта. – Почему бы тебе не найти графиню и не поговорить с ней самому?

– Подумать только, что все это время я с таким нетерпением ожидал возвращения, и вот чего я дождался!

– Отец! – воскликнула Гиацинта, бросаясь к нему с протянутыми руками.

– Позвольте мне послать за ее светлостью, – начал Лионель, – может быть, она...

– Нет, нет, – ответил Веселунг, отстраняя их взмахом руки. – Я очень недоволен вами обоими. Я и сам о себе позабочусь.

Он вышел и гневно хлопнул дверью.

Гиацинта и Лионель растерянно уставились друг на друга.

– Дорогая моя, – сказал Лионель, – ты говорила, что он от нее без ума, но не говорила, что настолько.

– Но я сама не знала. Лионель, что делать? О, теперь я хочу, чтобы он на ней женился. Он совершенно прав: из нее выйдет прекрасная королева. Милый, я хочу, чтобы все были так же счастливы, как будем счастливы мы.

– Так у них не получится, но мы постараемся сделать все, что в наших силах. Удо я беру на себя. Стоит ему услышать «кролик», и он сделает что угодно. Гиацинта, мне кажется, что в этой комнате мы еще ни разу не целовались. Давай немедленно попробуем.

Вторую парочку Веселунг обнаружил в саду. Они сидели рядышком на скамье, и Удо ворковал, что он ее маленький Удо-Вудо и что они никогда не должны разлучаться. Король прикрыл глаза ладонью, будучи не в силах вынести подобного зрелища.

– О, это его величество, – сказала Бельвейн, вскочив со скамейки.

Она низко присела перед его величеством, увенчав реверанс обольстительной улыбкой и предоставив ему самому судить о том, была ли эта улыбка формальностью или чем-то большим.

– Позвольте мне представить вашему величеству наследного принца Арабии Удо. – Она застенчиво взглянула на Веселунга. – Наверное, вы уже знаете...

Веселунг мрачно ответил:

– Слышал. Как поживаете? – рассеянно обратился он к наследному принцу.

Удо объявил, что в настоящий момент здоровье его не оставляет желать лучшего, и уже собирался углубиться в подробности этого предмета, но Веселунг его прервал.

– Графиня, мне эти новости кажутся по меньшей мере странными. Не позволите ли присесть, конечно, если я вам не помешаю.

– Ваше величество, вы окажете нам большую честь. Удо, дорогой, ты видел цапель на пруду?

– Да, – ответил Удо.

– В это время дня они просто прелестны...

– Да, – снова сказал Удо.

Графиня слегка пожала плечами и повернулась к королю.

– Я мечтаю услышать о ваших подвигах, ваше величество. – Она немного понизила голос. – Я получала все ваши приветы. С вашей стороны было очень мило изредка обо мне вспоминать.

– Да. – Веселунг взглянул на нее глазами, полными укора. – Но что я вижу, возвратившись? Я вижу... – он запнулся и движением бровей показал, что присутствие Удо лишает его дара красноречия.

– Удо, дорогой, а ты бывал на псарне его величества?

– Да, – сказал Удо.

– В это время года она просто прелестна, – заметил Веселунг.

– Правда? – сказал Удо.

– Но я жажду услышать, – начала снова графиня, – как вы победили короля Бародии. Не обошлось ли тут дело без вашего заклинания?

– Неужели вы его помните?

– О, ваше величество, помню ли я... Бо, бо, бил... Удо, дорогой, ты не хочешь взглянуть на оружейный зал?

– Нет, – сказал Удо.

– Там много новых вещей, которые я привез из Бародии, – с надеждой проговорил Веселунг.

– Масса новых вещей, – объяснила графиня.

– Попозже, – решительно сопротивлялся Удо. – Мне кажется, они будут значительно лучше смотреться при вечернем освещении.

– Тогда покажите их мне, ваше величество. Удо, дорогой, ты можешь подождать меня здесь.

Они вдвоем чинно двинулись по дорожке (Удо от удивления остался на месте), но как только зашли за куст жимолости, на цыпочках пробрались по газону к другой

садовой скамье. Причем графиня шла впереди, приложив палец к губам, а король следовал за ней с необыкновенной осторожностью, которую даже разведчик Генри Малонос счел бы чрезмерной.

Когда они наконец уселись, король сказал:

– Этот молодой человек... он немного туго соображает, вам не кажется? То есть, я хочу сказать, он не понимает, когда...

– Он так ко мне привязан, ваше величество, – по ее лицу скользнула ласковая улыбка. – Даже минутная разлука со мной для него невыносима.

– О, Бельвейн, как это все печально... Месяц за месяцем я тружусь и сражаюсь, размышляю и строю планы, а потом... Помните, как мы все были счастливы перед войной?

Графиня вспомнила, как однажды они еще раз были все счастливы – и она, и принцесса, и Виггз – и как приезд Удо грозил разрушить их счастье. Вообще Удо, как ни посмотри, никому не принес ничего, кроме неприятностей. Но пока еще было слишком рано от него избавляться.

– А разве сейчас мы все не счастливы? – удивилась она. – Ее высочество со своим юным герцогом... а у меня есть мой милый Удо, а у вас, ваше величество..., Первый Советник и... все остальные подданные вашего величества.

Его величество глубоко вздохнул:

– Я очень одинок, Бельвейн. Когда Гиацинта выйдет замуж, у меня совсем никого не останется.

Бельвейн решила рискнуть.

– Вашему величеству следует жениться, – почти пропела она.

Он вложил в свой взгляд все невыразимое. И открыл рот, чтобы попытаться выразить хотя бы часть из этого, когда...

– Не при Удо, – выразительно прошептала графиня. Веселунг как ужаленный вскочил со скамьи и, скривившись, смотрел на принца, который приближался по газону.

– Ну и ну! – возмущенно сказал он. – Ну и местечко! Человеку даже негде... А-а, ваше высочество... Так вы осмотрели наш оружейный зал? То есть, я хотел сказать, – поправился он, поймав укоризненный взгляд графини, – осмотрели ли мы наш оружейный зал? Да, мы осмотрели. Ее светлости очень понравилось.

– Не сомневаюсь, ваше величество. – Удо обернулся к Бельвейн: – Как только мы приедем домой, дорогая, я сразу же покажу вам наш оружейный зал.

Графиня быстро взглянула на короля и, убедившись, что он на нее смотрит, очень нежно погладила принца по руке.

– Домой... – повторила она мечтательно. – Как это прекрасно!

Король передернулся, словно от внезапной боли, и быстро зашагал прочь.

– Вы посылали за мной, ваше величество? – спросил Лионель, появляясь в дверях.

Король перестал расхаживать по библиотеке.

– Да, да, – проговорил он торопливо. – Садитесь вот сюда и устраивайтесь поудобнее. Я хочу поговорить с вами насчет этого брака.

– Которого именно, ваше величество?

– Которого? Разумеется, вашего. То есть Бельвейн... или скорее... В общем – обоих.

Лионель кивнул.

– Вы хотите жениться на моей дочери. Так вот, как вам известно, по обычаю, человек, которому я отдаю в жены дочь, получает в придачу полкоролевства. Естественно, прежде чем пойти на такой шаг, я хочу быть уверенным в том, что этот человек... Ну, словом, вы понимаете...

– Что он достоин принцессы Гиацинты, – закончил за него Лионель и с улыбкой прибавил: – Хотя это, конечно, невозможно.

– И половины королевства, – подчеркнул Веселунг.

– То, что он должен доказать это на деле, также соответствует традиции.

– Приказывайте, ваше величество.

– Я в вас уверен.

Король придвинул свой стул поближе к Лионелю, уселся на него и обхватил колени руками.

– При обычных обстоятельствах, – начал он, – я предложил бы вам что-нибудь вроде дракона или тому подобное. Это бывает очень полезно, потому что мысль о предстоящем испытании часто помогает претенденту понять, пока еще не поздно, что чувства, принимаемые им за истинную любовь, на самом деле всего лишь легкое увлечение. Однако я чувствую, что в вашем случае в таком испытании нет необходимости.

Лионель с признательностью склонил голову.

– Благодарю вас, ваше величество.

– В доблести вашей я не сомневаюсь. Мне требуется доказательство мудрости. В наши дни, как мне кажется, мудрость более всех других качеств необходима правителю. Прекрасным примером, – небрежно вставил он, – может послужить недавно окончившаяся война с Бародией, ход которой решила одна-единственная идея...

– Поистине гениальная идея, ваше величество.

– Хорошо, хорошо, – остановил его польщенный Веселунг. – Так уж получилось... Но именно это я и имею в виду, когда говорю, что тонкий ум может оказаться куда более надежным оружием, чем храбрость. Чтобы завоевать руку моей дочери и полкоролевства, вам придется проявить почти сверхъестественный ум.

Он сделал паузу, в течение которой Лионель изо всех сил постарался придать выражение сверхъестественного коварства своему честному и открытому лицу.

– Вы получите и то и другое, – торжественно произнес Веселунг, – если вам удастся убедить принца Удо... вернуться в Арабию... одному!

Лионель, ожидавший самого худшего, даже задохнулся. Это было так просто, что казалось неловким принимать предложение. Для того чтобы убедить Удо сделать то, к чему он сам всей душой стремился, не требовалось ничего сверхъестественного. В какое-то мгновение он чуть было не поддался желанию так и объявить королю, но сдержался. В конце концов, если ему так хочется, пусть так и будет.

Веселунг, человек по природе простодушный, неверно расценил его колебания.

– Я понимаю, – заговорил он сочувственно и несколько виновато, – что поставил перед вами почти неразрешимую задачу и вы, естественно, обескуражены. Это неудивительно. Вы знаете его высочество гораздо лучше, чем я, но даже краткого знакомства с ним мне оказалось достаточно, чтобы убедиться, что он упорно отказывается понимать... ээ... намеки. Человек, который сумеет донести до него с должной долей такта и настойчивости, что Арабия нуждается в его немедленном присутствии – одного его, – должен обладать поистине змеиной мудростью.

Человек, обладающий змеиной мудростью, просто сказал:

– Ничего не остается, как попытаться.

Король радостно вскочил и тепло пожал ему руку.

– Думаете, получится? – спросил он с надеждой.

– Если принц Удо завтра же не отправится в Арабию...

– Один, – быстро вставил Веселунг.

– Один, значит, я не справился с заданием и недостоин руки вашей дочери!

– Дорогая, – сказал король Гиацинте, когда она пришла пожелать ему доброй ночи, – похоже, ты собираешься выйти замуж за очень умного человека.

– Конечно, отец. Я-то это давно знаю.

– Надеюсь, ты будешь с ним так же счастлива, как я буду счастлив с... как я был счастлив с твоей матерью.

«Хотя я решительно не понимаю, на что он надеется», – подумал он про себя.

Глава 22

Семнадцать томов отправляются на полку

Король Восточной Евралии Веселунг завтракал на башне своего замка. Он снял золотую крышку с золотого блюда, выбрал форель и аккуратно переправил ее на золотую тарелку. Когда у вас есть тетушка... но не стоит повторяться.

Король Западной Евралии Лионель завтракал на башне своего замка. Он поднял золотую крышку с золотого блюда, выбрал форель и аккуратно переправил ее на золотую тарелку. Когда у вашего тестя есть тетушка...

Наследный принц Арабии Удо завтракал... Но нет, я не могу больше описывать, как Удо принимает пищу. В этой книге и так было более чем достаточно еды и питья. На самом деле, было достаточно всего, и настало время прощаться.

Давайте сначала попрощаемся с принцем. Его отъезд из Евралии был крайне скоропалительным. Пятиминутного разговора с Лионелем оказалось достаточно – принц охотно позволил убедить себя в том, что он неверно оценил чувства графини, и с радостью принял сообщение, что может покинуть Евралию без всякого риска.

– Вы непременно должны навестить нас снова, – попрощался с ним Веселунг.

– Да, я буду очень рада, – сказала Гиацинта.

Есть два способа говорить подобные вещи, и они выбрали второй, как, впрочем, и Удо, отвечавший, что будет в восторге.

Ровно неделю спустя состоялась знаменитая двойная свадьба. Роджер Кривоног посвятил целую главу описанию того, как король Веселунг произносил речи, а королева Бельвейн одаривала народ. На этот раз мы с Роджером сошлись во мнениях относительно Бельвейн: добродетели, в которых историк отказывал графине, он охотно приписал королеве.

Гиацинта тоже не смогла устоять перед ее обаянием. Бельвейн, верхом на своем иноходце, с радостным взором и розами на щеках, с полуоткрытыми от усердия губами, пригоршнями бросающая золото и серебро в толпу, отдающую себе отчет в ее ребячливости и все же полную искреннего восхищения, – в этот день Бельвейн покорила все сердца.

– Все-таки она прелесть, – сказала Гиацинта Лионелю. – Лучшей королевы и желать нельзя.

– Я знаю одну королеву, – ответил Лионель, – которая лучше в сто раз.

– Но ты ею восхищаешься, правда?

– Не особенно.

– О, Лионель, ты должен... – возразила Гиацинта, но почувствовала себя очень счастливой.

На следующий день они отбыли в свое королевство. Советник провел очень напряженную неделю и каждый вечер вел таинственные беседы с женой, но теперь его работа была завершена, и отныне король Веселунг правил Восточной Евралией, а король Лионель – Западной.

Перед тем как перейти к последней сцене, давайте заглянем в знаменитый

Дневник.

И вот что мы там видим:

«Четверг, пятнадцатое сентября. Стала хорошей».

А теперь последняя сцена.

Король Веселунг сидел в саду королевы Бельвейн. Все утро они просматривали совместный сборник поэзии, готовый к изданию.

Сборник открывался произведением, принадлежащим перу Веселунга:

Бо, бо, бил, бол.

Во, во, вил, вол.

Примечание авторов гласило, что читать его можно с любого конца. Оставшаяся часть книги была посвящена творчеству Бельвейн, а участие короля заключалось, в основном, в «Превосходно!» и «Мне очень нравится». Однако в сборник загадочным образом затесалась эпическая поэма, обычно приписываемая Шарлотте Гулигулинг.

– Некий субъект просит аудиенции у вашего величества, – объявил внезапно появившийся ливрейный лакей.

– Какой субъект? – спросил Веселунг.

– Некий, ваше величество.

– Прими его здесь, дорогой, – сказала Бельвейн. – У меня есть дела во дворце.

Она ушла, а через некоторое время лакей привел незнакомца. Это был человек приятной наружности, с круглым, чисто выбритым лицом, имеющий, судя по его одежде, некоторое отношение к сельскому хозяйству.

– Что вам угодно? – спросил его Веселунг.

– Я хотел бы поступить на службу к вашему величеству. Свинопасом, – ответил незнакомец.

– А что вы знаете о свиноводстве?

– У меня есть природная склонность к этому делу, хотя я никогда еще им по-настоящему не занимался.

– Со мной в точности то же самое. Ну ладно, посмотрим. Как бы вы стали...

Незнакомец достал из кармана огромный красный носовой платок и вытер лоб.

– Вы собираетесь задавать вопросы, ваше величество?

– Да, естественно, я...

– Умоляю вас не делать этого. Заклинаю вас всем, что вам дорого, не мучайте меня. – Он собрался с духом и, ударив себя кулаком в грудь, заявил: – У меня есть природное чутье – этого достаточно.

Веселунгу этот человек начал нравиться. Сам он тоже считал, что этого достаточно.

– Однажды у меня завязался профессиональный разговор с одним свинопасом, – задумчиво проговорил он, – и мы выяснили, что у нас много общего.

– Именно таким же образом, – сказал незнакомец, – и мне открылось мое призвание.

– Как странно. Знаете, а ведь ваше лицо кажется мне немного знакомым. Незнакомец решил открыться.

– Этим лицом я обязан вам, ваше величество, – просто ответил он.

Веселунг в недоумении поднял брови.

– Короче говоря, – пояснил незнакомец, – я – бывший король Бародии.

Веселунг схватил его за руку.

– Мой дорогой друг! Конечно, это вы. Теперь я вас узнал. Боже мой, какие волнующие воспоминания... И, если можно так выразиться, какие явно благотворные перемены в вашем облике. Я очень рад вас видеть. Вы должны мне все-все рассказать. Но сначала нам необходимо слегка подкрепиться.

При слове «подкрепиться» бывший король совсем раскис, и, если бы не воркотня и утешения Мерривига, и дружеское похлопывание по плечу, и, наконец, плотный завтрак, он бы наверняка прослезился.

– Дорогой друг, – сказал он, в последний раз утерев рот. – Вы меня просто спасли. А теперь позвольте поведать вам мою печальную историю.

Он рассказал о своем великом решении, принятом в то памятное утро, когда он проснулся без бакенбардов. Как король он стал никуда не годен, да и сам мечтал начать новую жизнь.

– У меня есть природный дар – инстинктивное чувство, и, что бы там они ни говорили, а они говорили много ужасных вещей, я в нем уверен. Знаете ли, я ведь однажды это доказал – ошибки быть не могло.

– И что же?

– А они задавали мне всякие вопросы – мелкие бестактные вопросы насчет того, что свиньи едят и тому подобное. Великие общие принципы свиноводства, то, что я осмелюсь назвать искусством водить свиней, теорию выпасания свиней в широком понимании, они полностью игнорировали. Только смеялись и пинками выпроваживали меня на улицу... голодать.

Веселунг снова сочувственно похлопал собрата по плечу и подложил ему на тарелку добавки.

– Я обошел всю Бародию, и везде было одно и то же: никто не хотел брать меня на работу. Нет ничего страшнее, дорогой Веселунг, чем постепенно терять веру в себя. Наконец, я стал подозревать, что в свиньях Бародии, несомненно, есть нечто отличное от остальных свиней. И вот я пришел в Евралию. Евралия – моя последняя надежда. Если и здесь я окажусь не у дел, то даже не знаю...

Веселунг, который тоже стал кое-что подозревать, перебил его.

– Минуточку, а с каким свинопасом вы говорили...

– Я со многими говорил, – печально ответил король Бародии. – Они все подняли меня на смех.

– Нет, самый первый. Тот, который помог обнаружить ваш талант.

– Ах, этот... Я встретил его в самом начале войны. Помните, вы как-то раз говорили, что у вашего свинопаса есть плащ-невидимка. Так вот, это он и был.

Веселунг с состраданием взглянул на него и печально покачал головой.

– Мой бедный друг, это был я.

Они уставились друг на друга, и каждый из них перебирал в уме подробности этой знаменательной встречи.

– Да, – пробормотали они наконец, – это были мы.

В памяти короля Бародии возникали ужасающие картины того, к чему привела эта встреча. Чего он только не наговорил о свиноводстве и свиньях! Что говорили ему другие, уже казалось неважным.

– Даже не свинопас! – признал он с горечью.

– Ну, ну, – проговорил Веселунг успокаивающе, – во всем можно найти положительные стороны. Вы можете вернуться на престол.

Бывший король отрицательно покачал головой:

– Это было бы недостойным выходом для человека с моим чувством чести. Нет, я останусь верен своему призванию. Все-таки за последнее время я кое-чему научился. По крайней мере, я понял: то, что я знаю, нельзя считать знанием, а это уже немало.

Веселунг сердечно предложил:

– Тогда оставайтесь у меня. Мой свинопас обучит вас ремеслу, а когда он отправится на покой, вы займете его место.

– Вы это и вправду предлагаете?

– Конечно, я буду очень рад, если вы будете жить поблизости. Вечером, уложив свиней спать, вы сможете навещать нас, и мы очень мило поболтаем.

– Благослови вас Бог, ваше величество, – сказал новоиспеченный ученик свинопаса со слезами благодарности на глазах. – Благослови вас Бог.

Они пожали друг другу руки в знак обоюдного расположения.

– Дорогая, – сказал вечером Веселунг своей жене. – Боюсь, ты сделала не самый удачный выбор. Сегодня я случайно обнаружил, что я совсем не так умен, как мне казалось.

Бельвейн с любовью посмотрела ему в глаза.

– Быть умным совсем необязательно для монарха. Или для мужа.

– А что обязательно?

– Просто быть милым, – ответила королева Бельвейн.

На этом моя история кончается. Вздыхая, я освободил письменный стол от груза семнадцати томов и перетащил их один за другим на специально построенную книжную полку. Много дней они высились между мной и миром непреодолимой преградой, укрывшись за которой я уносился в те далекие времена и жил с Веселунгом, Гиацинтой и моей леди Бельвейн. Теперь эта преграда рухнула, и в ярком свете дня, льющемся в комнату, видения тают. Когда-то, давным-давно...

И все же один образ еще не потускнел. Высокий и тонкий человек с изможденным бледным лицом, самая примечательная часть которого – длинный вопрошающий нос. Волосы нестрижены и нечесаны, красновато-коричневый сюртук, кое-как застегнутый на груди, давно не чищен, из коротковатых штанин торчат худые ноги.

Непрезентабельная фигура, но тем не менее я смотрю на него с большой нежностью. Ибо это Роджер Кривоног, спешащий во дворец за очередной порцией свежих новостей.

С Роджером я тоже должен проститься, и делаю это не без сожаления, потому что

часто бывал несправедлив к этому человеку, которому стольким обязан. Может быть, мы расстанемся не навсегда – в его семнадцати томах есть много других историй. В следующий раз я обещаю не вмешиваться и дать возможность Роджеру изложить историю по-своему. Думаю, он будет рад.

Но я не позволю ему рассказывать о Бельвейн. Прошлым летом я встречал Бельвейн (или кого-то очень на нее похожего) в загородном доме в Шропшире, и мне совсем не хотелось бы ее огорчать. А я знаю, что Роджер недостаточно хорошо к ней относится.

1915 г.